

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№1 2010

Повесть:

Кусчуй Непома
«ОНИ – ДРУГИЕ»

Рассказы:

Татьяна Стрельченко
«СОННЫЕ ЗВЕЗДЫ»

Евгений Макухин
«ПІД ТРИ ЧОРТИ»

Марина Ясинская
«ЭФФЕКТ МОРСКОЙ
РАКОВИНЫ»

Критика:

Лев Гурский
«ПРИДУРКИ
ПУТЕШЕСТВУЮТ
ВО ВРЕМЕНИ»

СОДЕРЖАНИЕ

 № 1 (77) 2010

Проза

1. Кусчуй Непома	/ ОНИ — ДРУГИЕ	4
2. Майк Гелприн,
Виктория Никитаева	/ ПОБЕДИТЕЛИ	46
3. Александр Чураев	/ ЭКСПЕДИЦИЯ АРГО	62
4. Татьяна Стрельченко	/ СОННЫЕ ЗВЕЗДЫ	77
5. Юрий Антолин	/ ЯСНОВИДЕЦ	89
6. Евгений Константинов	/ РЫБАКИ ЛОВИЛИ РЫБУ...	100
7. Ольга Бакк	/ СКАЗКОЛОЖЬ	110
8. Наталья Деева,
Сергей Юхин	/ ПИГМАЛИОН МЫСЛИ	119
9. Антон Тудаков	/ МЕРТВОЕ ДВЕНАДЦАТИЦИЛИНДРОВОЕ СЕРДЦЕ ..	127
10. Екатерина
«Кельд» Середа	/ ВЕТЕР И ТЕНИ	135
11. Евгений Макухин	/ ПІД ТРИ ЧОРТИ	142
12. Алексей Зайцев	/ РЕЧНОЙ ДЕМОН	148
13. Марина Ясинская	/ ЭФФЕКТ МОРСКОЙ РАКОВИНЫ	154
14. Константин Колесник	/ ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ	161

Детская страничка

15. Даниэль Васильев	САГА О ТРОЛЛЕ-БОМЖЕ И ЧУДОВИЩЕ НЕССИ ...	165

Критика

16. Генри Лайон Олди,
Андрей Валентинов | ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ.
ЗАНЯТИЕ ПЯТОЕ И ШЕСТОЕ | 175 |
|--|--|-----|

Рецензии

17. Алексей Бойков	ЯПОНСКИЙ ДАМПИР НА РУССКИХ ПРОСТОРАХ ...	193
18. Иван Попов	МАГИЯ ИРОНИИ	200
19. Иван Попов	СПЕКТАКЛЬ ПОД НЕБОМ КАМОРРЫ	202

Кинопортал

20. Лев Гурский ПРИДУРКИ ПУТЕШЕСТВУЮТ ВО ВРЕМЕНИ204

Opus Mixtum

21. Михаил Назаренко НОВОСТИ209

КУСЧУЙ НЕПОМА

ОНИ — ДРУГИЕ

ПЫХНАХРЫШ! ПЫХНАХРЫШ!

Стенча ворчал. Ворчал на себя. Как старый пес. Ворчал, потому что повозка вот-вот развалится. Давно уже пора менять ее — вон ось треснула, да и кузов расшатанный. Обе бочки, неровен час, опрокинутся. И тогда придется собственными руками помои убирать. Эх, жалеет Стенча монеты, жалеет. Жалеет, потому что мало их, жадничает Стенча. Лишнего не отдаст. Даже на животину не тратится. Без надобности, сам справится, молод, здоров ведь. Но повозка-то нужна. Старую уже сил нет латать. Чего думать — иди к Стяжню проси, чтобы помог, выделил хоть и не новую, но вполне еще на ходу повозку. Самый легкий и беззатратный путь. Стяжень, он здесь всему голова, и к Стенче неплохо относится. Поможет, если только попросить вовремя. А потом уж сам как-нибудь доведет телегу до ума, приспособит к своему нечистому ремеслу. Руки ж есть, а на что сноровки не хватит, Стыжала, соседа своего, попросит. Не откажет дед. Всяко дешевле, нежели за новой к торговцам ехать.

Ворчит Стенча. На себя ворчит. Но ворчать сколько угодно можно, а везти надо. И сегодня еще раз, и завтра, и послезавтра, и потом. Но завтра-послезавтра будет лишь завтра-послезавтра. А сейчас нужно как-то добраться до выгребной ямы и вывалить в нее нечистоты-отбросы. Не боится Стенча, ничуть не боится — дорогу до последнего камня знает, до последней выбоинки. Даже туман не помешает. Да хоть во тьме кромешной Стенча проедет и не споткнется. Здесь он как слепой справляется, каждый вздох своей повозки распознает, каждый камень чувствует, поворот, ямку. А вот что с новой повозкой будет — тут ведь надо заново ее повадки изучать, приспособить ее к дороге, к узким улочкам.

Но, наконец, последний поворот, и Стенча выехал из городища. Теперь путь прямой, легкий, казалось бы, однако и туман гуще, более дикий туман, кочевряжится он здесь уже, как хочет, играет. В городище-то туман не такой: спокойный, особенно днем, почти дружелюбный — насколько может вообще быть дружелюбным туман. Не лезет, куда не следует. Говорят, он в городищах жителей боится. Да кто ж его знает, боится или нет, но правда то, что здесь, в Сталме, он режет.

Неспешно толкает Стенча повозку, бережет колымагу — спешить нечего, до темноты успеет еще раз обернуться. До овражины совсем близко. Хоть туман плотнее здесь, но за пару десятков шагов можно видеть. А что там дальше, этого Стенча не знает, никогда он дальше не заходил, незачем ему это.

Знает, что где-то там, за туманом, другие городища — Ксар, Псинта, Дзата. Но что в них интересного? Так же там живут, так же от тумана хоронятся.

У оврага Стенча остановил повозку. Вытащил пару жердей, составил из них полозья, чтобы бочки аккуратно на землю стянуть. Уцепился за первую, подтолкнул к краю, перехватился, потянул на себя — тяжела, но подъемна, Стенча справится, ловок он. Упираясь плечом, отступая и приседая, спустил бочку на землю, подтянул к овражьему краю. Наклонил, опорожня. Черпаком выскреб остатки, откатил обратно. Присел у края оврага передохнуть. Глядит в бездонный овраг. Бездонный потому, что туман дно застилает, и не видно ничего, только запах смрадный снизу ползет.

Можно было бы и не церемониться с бочками, опрокинуть прямо с повозки, но ведь замыгаешь и телегу, и себя. Да и бочку побьешь — жалко. Бочки тоже ведь денег стоят. А деньги Стенче и самому нужны. Если задуматься, то ремесло у него, прямо скажем, невеселое. Не всяк за такое возьмется. А он, Стенча, взялся. И у всех как камень с сердца свалился. Нашелся дурак, молодец, то есть, который избавит городище от нечистот и помоев, а вместе с ними и от забот лишних. Нашелся-то нашелся, и все его за это уважают и привечают, разве что кто с веселья безмерного крикнет ему, не соображая, что говорит — дерьмак, и смехом зальется. Но привечают-то, привечают. Но вот придет время, когда Стенча себе невесту будет искать, кто свою дочь за него отдаст? Кто женой ему станет? Хоть пока он жениться не собирается, но ведь не вечно же ему в голычах ходить. А если будет у него какой-никакой запас, то тут и разговор другой, он не просто Стенча, дерьмак, а вполне себе хозяин. А монеты трудно ему достаются. Хоть всякий хозяин платит ему за вывоз нечистот, хоть никто не отказывается отблагодарить за труд, но далеко не каждый платит металлом, все больше едой, да вещами, в хозяйстве пригодными, расплачиваются. У кого что есть, тот тем и платит. Вот Стяжень, так тот завсегда монетой отдает. Так на то он и Стяжень, глава городища. Потому Стенча и складывает каждую добытую монетку в ящичек, ничего ради собственного удовольствия не тратит, потому и бережет бочки, потому и возит их столько времени на разбитой повозке.

Ветер потянул, разогнал немного туман в овраге. Пригляделся Стенча и глазам своим не поверил. Даже прилег на край оврага, чтобы получше разглядеть. Нет сомнений, там внизу лежало тело. Мертвое. Не померещилось ли? Нет, глаза Стенчи не обманут. Все верно. Мертвец. Вот так удача!

Стенча лихорадочно огляделся вокруг — бессмысленно, около этого оврага никогда никого не бывает, никто из городища, кроме Стенчи, сюда не хаживает, все боятся, что заблудятся, бояться — туман им голову заморочит. Никого, никого. Но ведь кто-то сбросил сюда тело. Кто-то здесь был. Или чужак сам свалился туда и околел?

Как бы то ни было, не ползет сейчас за ним Стенча, вернется сюда ближе к вечеру, когда работу закончит. В сумерках сюда точно никто носа не покажет. Глаз лишних ему не нужно. А то завистников хватает. Даже добрый сосед за камень служивых награвит. Ведь камень Стенче достанется запросто — поднимет тело, взрежет плоть... А камень это богатство, за камень что

угодно можно сделать, через него кем угодно можно стать. Если ты, конечно, не полный разболтай.

Быстро опорожнил Стенча вторую бочку, откатил ее чуть в сторону, чтобы не выливать помой на мертвеца. Тот ведь и так изрядно, должно быть, выпачкан. Ничего, достанет, отмочит. Дело стоящее.

Пустую повозку толкать легче. А это Стенче на руку: успеть надо обернуться до сумерек. Однако работы осталось всего-то на полбочки.

Въехав в городище, Стенча столкнулся с водовозкой. Толкает тот свою колымагу.

— Эй, Стенча! — окликнул водовозка Стенчу. — Воды тебе надо?

Вот как кстати, подумал Стенча.

— Давай-давай, — отвечает. — Ты мне сегодня даже побольше отлей, еще бочку наполни, что возле ограды стоит.

— А чего так? — водовозка любопытный.

— Как чего? Ремесло-то у меня, сам знаешь, нечистое.

— Да всегда хватало тебе и бочки, — чересчур любопытен водовозка, так просто от него не отделаешься.

— Да... черпак в овражину обронил, любимый черпак. Лезть за ним придется. С ног до ушей буду уделан.

— А-а-а! — протянул водовозка. — Ну ладно тогда.

Расчет с водовозкой у Стенчи простой — баш на баш. Он у него за так помой вывозит, а водовозка воду ему доставляет. Но баш-то он на баш, однако сейчас Стенча запросил воды больше, подозрителен водовозка, а вдруг за таким простецким предлогом Стенча теперь всегда воды себе больше будет забирать.

— Да не бойсь ты, водовоз, отработаю. Завтра можешь дважды в отхожее место сходить.

— Чтобы дважды мне туда сходить, мне дважды нужно позавтракать, дважды пообедать и дважды поужинать. А живот-то у меня не резиновый.

Вроде отшутился, поехал дальше водовозка.

И в самом деле, набралось только чуть больше половины бочки. Теперь к оврагу. Но прежде Стенча заехал домой: нужно было прихватить еще одну веревку, подлиннее и покрепче. Жилище Стенчи на самом краю городища, как раз в той части его, что выходила в сторону помойного оврага. Не очень высокое, не очень большое, совсем небогатое. Верхняя терраса, у более рачительных хозяев засаженная до последней пяди полезными травами, злаками или плодоносными кустами, у Стенчи наполовину не возделана. Не лежала у Стенчи душа к травкам да листочкам, хотя и приносили они многим пропитание и помощь в хозяйстве. Что-то, конечно, росло, больше даже самовысевом, а потому урожая давало мало. За это ругали Стенчу соседи — стыжаль, точилицы так особенно, — корили. Да только Стенча отмахивался да отшучивался — чего землю насилывать, хочет сама родит, не хочет — не родит, а что мне надо, я и так через ремесло получаю.

До оврага добрался Стенча, когда уже начало темнеть. Глянул вниз — все так и есть. Лежит, никуда не делся, а туман еще больше раздался, как будто

нарочно заманивает вниз. Обвязал Стенча веревку вокруг повозки, подложил под колеса камни побольше, обвил шею стеблем дурнопаха, чтобы не задохнуться на дне, прыгнул в овраг. Выбирая путь почище, добрался до тела. Обвязал ноги, по веревке полез наверх. Скользят башмаки по склону, но веревка крепкая, да и повозка стоит как вкопанная. Выбрался из овражины, уперся ногами в землю, потянул груз наверх. Эх! Вытянул! Оттащил в сторону. Вытер пот, отдохнул малость. Достал нож из повозки. Что тут ждать, не терпится, но решил все-таки сперва с бочкой закончить — оттянуть миг сладостный хочет.

Спустил бочку, откатил к краю. А сам все на тело оглядывается. Нет, не удержался. Взялся снова за нож. Склонился, примериваясь, как бы лучше всадить железяку.

Ух ты! Да это ж баба, вернее, девка. Молода, волос длинен. Стенча протер ей лицо. Красивая. Ну и что ж что красивая. Красивая да мертвая. А камень там внутри, ей он все равно ни к чему. Живот распорю для начала. Кто ж его знает, где он в ней болтается. Камень ведь, он как живой по телу движется, и в каком месте его смерть застала, поди угадай.

Однако в темноте можно и пропустить камень, выронить. Это дело нельзя спешкой решать. Лучше дома, при свете лучины, а тело потом обратно в овражину скинет, с утра пораньше, пока еще ни одна живая душа не проснулась.

Затащил Стенча тело в повозку, прикрыл холстиной, поверху пустые бочки поставил.

Уже совсем стемнело, когда Стенча подъехал к дому. Уже въезжал на свой двор, как услышал:

— А, сосед, припозднился что-то сегодня.

Оглянулся — Стыжаль, точильщик, сосед его, к забору жметесь.

— Да черпак свой в овраг уронил, — ложь удобная быстро на помощь пришла. — Пока вытаскивал его, время и ушло. Да еще и перепачкался весь. А ты чего по улице шарохаешься?

— А старому не спится. Заходи — ужином угощу.

— Нет, Стыжаль, умаялся я за сегодня. Спать.

— Ну, как знаешь, — и Стыжаль исчез за изгородью.

Выждав немного, Стенча сгрузил свою ношу, затащил в дом от глаз посторонних. Уложил на лежак. Быстренько к воде, руки сполоснуть, лицо умыть. Себя отмыть-отскоблить — это потом, вода никуда не денется, а сначала ведь не терпится, не терпится разрезать животину, руку внутрь запустить.

Зажег Стенча не одну, а несколько лучин, прикрыл окна, чтобы издалека не видать было необычно яркого огня. Подступил к телу, еще раз глянул на девичье лицо. Раздвинул лезвием полы изгаженной одежды, примерился.

— Ох...

Стенча аж нож из рук выронил. Живая! Она ж живая! Вот ведь невезуха — живая! Или показалось? Впился взглядом, как упырь в жертву, в девичье лицо.

— Ох, — снова застонала она.

Живая! Она — живая. «Убить, убить, убить, — первой пронеслась мысль, — убить, никто ж не видит». И рука уже снова нащупывает нож. Но отнять жизнь у другого — отнять ее у себя. Таков закон. Нельзя. Нельзя. Это с детства вбито накрепко в голову Стенчи.

Вот ведь невезуха — столько сил потратил, а вытащил живую. Вскочил Стенча, в сердцах нож отбросил.

Отвезти обратно, прямо сейчас, сбросить ее обратно в овраг — пусть сама содохнет. А потом... Но обречь невинного на смерть — обречь на смерть себя. И это закон. Не может этого сделать Стенча, никак не может. Ну, жизнь, подарила заботу! Что ж теперь с ней делать? Выхаживать? Да зачем мне эта обуза? А если очокурится? Что скажут, что подумают? Ладно, не боись, подумай спокойно. Пусть в себя придет, скажет, кто такая, может, ничего в ней страшного нет, отправлю тогда еще затемно на все четыре стороны.

Потряс девку за плечо Стенча. Нет, хоть и жива, но без чувств. Куда ее такую выгонишь! Ладно, погодь дрожать! Вымыть ее надо для начала, отмыть от нечистот и помоев. Не зря, получается, Стенча водой запасася. Но думал на себя только, а тут еще и девку отмывать придется, а она-то попачкана будет и поболее. А завтра же с утра к Стяжню, расскажу, мол, так вот и так, в овражине нашел. Думал, из наших кто.

Содрал с нее одежду — легче выкинуть, чем стирать да латать. Найдет потом из барахла ей что-нибудь. Стащил с девичьих ног башмаки, протер, к лучине поднес. Да, вот обувь на ней ладная — Стенча разглядывал крепкие закрытые башмаки из кожи, с железной пряжкой. Да, в такой обуви далеко можно шагать. Ногам ничего не страшно будет. Приложил к своей подошве — вроде и как раз. А скажу ей, когда очнется, что не было на ней ничего. Уйдет она и без них. И спасибо мне скажет, что выходил. И не вспомнит про башмаки. Хоть какой-то толк от нее будет. Хоть не так обидно.

Обмыл Стенча башмаки, надел один, повертел ногой — ладно сидит. Тесновато чуть, но разносится, растянется. Второй надел, встал, прошелся. Правой ногой неудобно. Поскреб пальцами — мешает что-то. Стянул, постучал о лавку, пальцем ковырнул. Что-то упало на пол. Поднял Стенча маленький комочек, поднес к свету, развернул.

Бумага! Мокрый, местами расползающийся кусок бумаги! Что же это такое?! Вот день! Вот незадача. Да лучше бы он сегодня вообще из дому не выходил. Лучше бы не заработал ничего. Бумага — виданное ли дело! Ведь в случае чего не отбрехаться будет — не поверят. Да и разбираться не будут — на жердину, и все дела. Бумага — даже произносить такое порой страшно. Служивые налетят...

Заметался Стенча. И вправду не знает, что теперь делать.

— Ох... — снова застонала девка, застонала проклятая.

Что делать, что делать — к Стыжалю, к Стыжалю. Он подскажет.

Стыжаль, точильщик, сразу приметил, что сосед его взбудоражен чем-то. Глаз у Стыжалья наметанный, на лету схватывает образ, будь то птица или другое живое существо. Ремесло потому что у Стыжалья такое — точильщик.

Точит он из дерева фигуры, истуканы, и маленькие точит — с палец ростом, и большие — со свой рост. Ремесло у него, если с умом подходить, доходное. Так то, если с умом. А так, все мимо кармана уходит. Но Стыжалю много не надо — один живет, ни жены, ни детей. Гольчем живет.

Но работа у него всегда есть. Фигуры, что точит Стыжаль, в каждом доме стоят. Есть истукан в доме — верный знак, что дом это, и туман в него не войдет. И чем богаче хозяин, тем больше у него домина, тем больше он норовит истуканов деревянных по углам распахать. Понятное дело, оградить свой дом хочет от тумана. Тот изворотлив, в любую щелку проникнет. Но со временем портятся они: какую туман выест, какую солнце опалит — рассохнется, какая блеск потеряет. Так что работа у Стыжалья всегда есть. Ему заказывают фигуры и из соседних городищ: и из Ксара, и из Псинта, из Дзаты — со всей округи, туманом окутанной, едут к нему. Потому что ценят труд Стыжалья, мастер он хороший. Одна вот только печаль у него — век-то на исходе, незаметно утек, меж пальцев просочился, сквозь бороду проскользнул, а ремесло свое и передать некому. Вот, думал, Стенче. Сосед-то — парень хороший, отзывчивый. Станный немного — в дерьмаки подался. А ведь мог и в служивый народ пойти. Или еще куда. Спрашивал Стыжаль отчего. Да отшучивается тот всяко. Живут они по-соседски, душа в душу. Не то что иные. Да, Стенче бы передал свое ремесло, но противится тот, говорит, что нет в нем таланта, фигуры точить.

Не ложился Стыжаль, чувствовал, придет Стенча. Так оно и вышло. И отказать ему не мог Стыжаль. Принял, выслушал. И согласился, что девку выводить нужно. Немного только помедлил, когда Стенча, не сразу, желая поначалу скрыть от соседа, но все же рассказал про клочок бумаги, найденный им при девке. Помедлил Стыжаль с ответом, но сказал:

— Сюда нужно перенести. Тебя целый день дома нет, а я со двора по великим дням выхожу. И потом у меня травки всякие на террасе высеяны, а у тебя что? Пустоцветье?

Не преминул опять покорить Стенчу сосед, попенять ему за его лентяйство.

Перенесли тут же девку. Никто вроде не видел. Осмотрел ее Стыжаль, пощупал.

— Битая, — сказал. — Видишь, — разметал черные волосы, — кто-то приложился. Да так, чтобы не насмерть, а чтоб сама отошла. Не хотели грех брать.

— Делать-то с ней что? Стяжно сказать?

— Да погоди ты. Стяжно... Стяжно успеется. Где бумага?

— А зачем она тебе? — сжал Стенча крепче кулак с бумажным клочком.

— Давай-давай. Ни к чему ее тебе у себя держать.

— Может, выбросить от греха подальше?

— А если кто другой найдет? Ты кому-то зла желаешь?

— Никому я ничего не желаю.

Протянул руку, разжал пальцы. Стыжаль с невозмутимым видом взял и бросил комочек в угол за лавку.

— Воды принеси, рану промыть надо. А я пока травку заварю. Отвар, он подзатынет рану.

На том и порешили. Останется девка в доме у Стыжалья. Пока на ноги не встанет, а там поймут, что с ней делать. Стыжаль видел — красивая девка, очень красивая, таких в Сталме он не замечал.

На следующий день, управившись побыстрее с работой, Стенча забежал к соседу спросить, как там находка его. А там — письмоноша. Сидит, со Стыжальем разговаривает. Огляделся по сторонам Стенча, не увидел на лавке девки.

Редкий гость, однако, письмоноша. Его всякий знает, всякий привечает. Только вот Стенча никогда по весточному делу его к себе не звал. Ни родственников у Стенчи, ни знакомых в других городищах нет, так что писем-весточек слать ему некому. А что до родного Сталма — городище это маленькое, если кому и надо, тот сам придет да расскажет, что нужно.

— Псенью хочет, чтобы фигура, которую ты ему выточил, — говорил письмоноша Стыжально, — походила на женщину, завернутую в широкий плащ со множеством складок, чтобы рука у нее с указательным пальцем прижималась к губам, вот так, — и письмоноша показал, — чтобы глаза у нее были прикрыты, как будто она вся превратилась в слух. Ростом с тебя, Стыжаль. Лицом чтоб необычная, взгляд притягивала. Но самое главное — вот причуда так причуда — Псенью желает, чтобы босой ногой она стояла на... — письмоноша посмотрел на Стенчу.

— Говори, при нем можно.

Письмоноша покачал головой, но продолжил:

— На бумаге...

— Сбрэндил он, что ли?

— Не знаю, сбрэндил или нет, но желает, чтобы выточил ты ему из дерева тонкий лист. Сам понимаешь, важный он, может себе позволить всякие прихоти.

— А вот если я настоящую бумагу ей под ногу подсуну? Как он, важность свою не потеряет? Мигом ведь, наверно, слетятся к его дому служивые? А, что скажешь, письмоноша?

— Дурак ты, Стыжаль. Седой уже, а все едино дурак. Заказ выгодный, понравится — еще попросит!

— Ну-ну, ты полегче. Дураками-то разбрасываться.

— Ну, а как не дурак? Я ж говорю: Псенью — важная птица, он сам целый двор служивых держит. Сам закон блюдет. Сам преступления судит. Он главный, важнее его никого нет.

— А я слышал, — подал голос Стенча, доселе скромно молчавший, — что самые главные — это пишущие по бумаге. Это они всем правят, потому что бумагу знают.

Письмоноша и Стыжаль молча уставились на Стенчу. Вот он, настоящий дурак. Слышал звон да не знает, где он.

— Мал еще, — сказал Стыжаль. — Глуп.

Какой мал! Малые — они вон, без штанов по лужам бегают. А Стенче годов-то столько, что считать по пальцам не по одному разу надо.

— И много ты на своем веку пишущих по бумаге повидал? — обратился к Стенче письмоноша. Смотрит, скалится.

— Не видал я никого, но слухи такие имею.

— Вот не видел, а только слухи твои уши морочат. Я их частенько в тумане встречаю. — И тут письмоноша понизил голос. — Повозки их, что носят как испуганные собаки. Не успеешь увернуться — собьют и не остановятся.

У Стенчи отвалилась челюсть — удивляется. Вот ведь какой важный, оказывается, письмоноша. Тех, кто по бумаге пишет, видит.

— Так ты их знаешь? — любопытно Стенче.

— Я вижу повозки только.

— А чего ж они в городища не заезжают? — Любопытство, что полено сухое в костре, вмиг разгорается. — Чего все мимо ездят?

— Если бы ты видел хоть раз их повозки, не задавал бы глупых вопросов?

А откуда Стенча мог их видеть, ведь он за пределы городища никогда не выезжал. До оврага да обратно — вот и все его путешествия.

— Повозкам их на наших улочках не развернуться.

— Да и делать им здесь нечего, — сказал Стыжаль. — Они и так все про нас напишут. Все, что надо.

— А откуда они знают, что надо, а что не надо?

— Оттуда и знают, потому что они пишут по бумаге. Наши судьбы плетутся их руками. У них линий жизни на ладонях — сотни, не то, что у нас. Что напишут — то и будет с нами.

— Да... — протянул Стенча.

Вдруг из мастерской послышался стон, и Стенча, забывший уже про девуцу, понял, что именно там ее и спрятал Стыжаль.

— Что это? — встрепенулся письмоноша.

— Птица кричит, — не моргнув глазом, соврал Стыжаль.

— Птица? — письмоноша уставился на Стыжаль. — Странная птица.

— У меня на террасе дурман растет. Оттого и странная. Птицы от нее сами не свои кричат.

— А-а-а, — протянул письмоноша, сделал вид, что поверил. — Вон оно что.

— А вот скажи, письмоноша, — встрял вдруг Стенча. — А трудно быть письмоношей? Могу вот, к примеру, я им стать?

Письмоноша внимательно посмотрел на Стенчу, тот глаза не отвел, прямо смотрит.

— Чтобы письмоношей быть, надо кое-что уметь. Немного, но очень хорошо. Память у тебя должна быть мгновенной и долгой. Ведь тебе следует помнить точно, что в письме изложено. А слова могут быть сказаны быстро и невнятно, а ты должен схватить их памятью своей прочно. А то бывает, начертает слова на земле, в пыли, ветер подует, и нет ничего, а ты помни. Или... А ну вставай туда.

Письмоноша ткнул пальцем в угол. Стенча поднялся с лавки. Письмоноша схватил прут, взмахнул им. Стенча сжался весь, голову в плечи втянул.

— Да не бойся. Не ударю. Следи за кончиком.

И быстро письмоноша прочертил в воздухе слово.

— Уловил? Запомнил?

И еще раз заметался прут в воздухе. Влево, вправо, вверх, вниз.

— Ну? Что написал? Уследил?

— Нет, — сознался Стенча. Хоть и грамотен он, хоть и читать его научили, палкой по песку буквы сам выводить умеет, но не уследить за скорой рукой письмоноши.

— Вот то-то и оно. Когда сумеешь, тогда и думай о ремесле письмоноши. А пока вози свое добро за околицу, в овражину.

Поднялся письмоноша. Пора ему. Еще к Стяжню идти — ему письмо-весточку передать. А там разговор и подольше выйдет.

Ушел письмоноша.

— Ты что, и вправду в письмоноши хочешь податься? — спросил Стыжаль, проводив гостя.

— Не думал я никогда об этом, — ответил Стенча.

— А чего тогда речь завел?

— Девка-то застонала, видел, как он уши наострил, вопросы задавать стал. А так отвлекся.

— Ах вон оно что! Ловок, брат. Ладно, идем. К ней ведь пришел? Идем в резную.

В резной Стыжалья Стенча бывал не раз. Хозяин с удовольствием и тайным умыслом водил сюда соседа, показывал, рассказывал, пытался вложить в руку Стенчи точило. Даже однажды показал чудо ремесла — фигуру старика, полую внутри, желая увлечь Стенчу. Открыл перед Стенчей едва заметную дверку, толкнул его внутрь, затворил за ним, темноту напустив. Два лучика света били в глаза Стенче. Приник он к дырочкам и увидел довольного, ухмыляющегося Стыжалья. Фигурка-то с секретом, с тайничком. Умеет Стыжаль удивить. Но Стенча посмеялся только, и в голову свою мысль точильщиком стать не пускал.

Вошли в резную.

Стыжаль кивнул на лавку, где лежала укрытая накидкой девица. Стенча склонился над ней, оглядел лицо — красивая девка, правда, красивая, ладная. Коснулся ее руки, провел по коже.

И Стыжаль смотрит на нее. Думает взять ее лицо для фигуры заказанной, пока лежит та недвижно. Этому Псенью такое лицо удивительно будет. Постарается Стыжаль. Интересное у девки лицо. И самому ничего не надо придумывать. Все работу облегчит.

Вдруг девка резко открыла глаза, отпрянула от Стенчи, стукнулась головой о стену и снова упала без чувств. Стенча тоже от неожиданности отскочил от лавки. Напугала, глазастая.

— Очнулась, кажись!

Стыжаль уложил девку, накрыл снова накидкой:

— Не очнулась. Сны прошлые к ней вернулись. Значит, не сегодня, так завтра и жизнь теперешняя к ней вернется.

И, прощаясь со Стенчей:

— А ты не говорил раньше, что грамотен. Кто тебя читать-писать учил и зачем тебе это?

— Отец научил, я ж ведь не дерьмаком родился. Другому ремеслу меня прочил он.

— Прочил, прочил, да не напророчил. Так, что ли?

— Опять ты, Стыжаль, меня пытать пытаешься.

— Не хочешь — не говори. Только странно мне это: меж нами уже тайна какая-никакая есть, а ты все меня недомолвками кормишь.

Отвернулся Стенча, задумался.

— Отец говорил, что если грамотным буду, то в судейские мне дорога. Но умер, сам знаешь, как умер...

— Как не знать! Судачили много: истолковал слова сказанные не так, как надо бы. А служивые тут как тут. Слишком умен был твой отец. Таких не любят.

— Когда умирал, шепнул мне: да лучше б я дерьмаком был, чем так кончить. Забудь все, чему тебя учил я. Забудь как зло и ненужность. Вот и вся причина. Как отца схоронил, так и сказал свое решение, что дерьмаком буду. И забыл, почти все забыл.

— Может, и к лучшему, что судейским не стал.

Хлопнул парня по плечу Стыжаль: ладно, не обижайся на меня, старого, Стенча.

Вернувшись домой, Стенча застал на дворе водовозку.

— Не дождался тебя, — говорил водовозка. — Решил, налью как всегда.

Ай да дурак, настоящий дурак, корил себя Стенча. Ведь ушел с утра, а тряпки, что с девки вчера сорвал и бросил во дворе, так и не убрал. Заметил ли водовозка? Глаз у него от любопытства вострый.

— Или как вчера — еще одну бочку?

— Нет, не надо. И так я у тебя в долгу.

Водовозка заполнил бочку, махнул рукой на прощанье и затолкал свою повозку дальше по улице. Кажется, обошлось — не заметил.

Водовозка заметил. И не только тряпки, но и другое — новую обувку Стенчи. Глаз у него от любопытства вострый. Душа — скользкая. Разум — выгоды ищущий. Заметил, а на следующий день, когда перед домом Стяжня письмоноша оглашал письмо-весточку, вспомнил про это. Все слышали, что кричал письмоноша, а кто не слышал, тому передали: из соседнего городища подалась в бега злыдница, бумагу жаждущая, что если кто ее увидит, если кто что знает о ней, то тут же пускай бежит к служивым. Закон есть закон.

С этой новостью в страхе прибежал вечером Стенча к Стыжалю. Застал его в резной. Смотрел точильщик на лицо девкино, долго уже смотрел. Притягивает оно глаз, притягивает своими странными чертами. Не ошибся, как раз то, что нужно.

Новость Стыжаль как будто пропустил мимо ушей. Тихо резал деревянный чурбак, щурясь, смотрел на девку и резал дерево, повторяя в волокнах черты ее необычного лица.

— И что с того? — наконец промолвил. — Ты уверен, что это она?

— А кто? При ней же бумага была.

— Придет в себя, там посмотрим.

Девка пришла в себя в тот же вечер. Уперлась взглядом в Стыжалея, вся сжалась, готовая к прыжку. Точильщик придвинул к ней миску с похлебкой, положил рядом лепешку, и снова взялся за точило. Как будто ничего необычного и не произошло.

Девку звали Ксыжа. Сама сказала. А Стыжаль продолжал резать свой чурбак. Как будто не расслышал. Ему-то какое дело, как ее зовут. Захочет, все сама расскажет, не захочет — обижаться никто не будет. Меньше знаешь — меньше тумана в голове бродит.

Стенча не заставил себя ждать — явился. Что да как, кто да что? Смотрел Стенча на девуку, жалась та к стене, в накидку заворачиваясь. Стыжаль кинул ей что-то из одежды. Одедась. Не сводя с них глаз.

— Отвернись, чего пялишься, — недовольно буркнул Стыжаль Стенче. А тот глаз оторвать не мог. И лицо, и тело — и что в ней такого, что липнешь, как муха на мед, вязнешь в ее волосах, как в трясине, тонешь в глазах, словно в омуте.

Девушка оказалась родом из Ксара, соседнего к Сталму городища.

— Ты думаешь, там все такие? — говорила она, обращаясь скорее к точильщику. Тот, казалось, и не слушал ее, точил свое дерево — заказ дело серьезное. — На меня там тоже вот так вот смотрят, — она качнула головой в сторону Стенчи, — словно чужак я им. Одарили меня родители таким лицом, одарили и ушли. Вон ты, старый, тоже его режешь в дереве, смотришь на меня подолгу, словно я диковинка какая. И тот на меня смотрел. Увидел раз и смотреть стал. И по пятам ходить. Чего хотел, спросите? А чего хотеть от меня? Не чтоб камнями осыпать. Видели бы вы его глаза. В них же такое варево кишит. Только я ему от ворот поворот. Озлобился он. Братьев моих погубил. В тумане оставил — обоз стеречь. А они и сгнули. А до Ксара-то всего ничего. Не будь тумана, взглядом простым видать. Отряд целый. Говорят, шестеро. И братья мои — Ксыля и Ксута — среди них. Пропали. Ясно, как туман, что нарочно все подстроено было. Боялся моих братьев. Боялся, что я им все рассказала. Мстил он мне. За то, что от ворот поворот ему дала. И я месть замыслила. За братьев. Нашла я в Ксаре одного, у него выторговала бумагу — маленький клочок, но мне бы и такого хватило. Все отдала — дом свой, где мы с братьями жили.

— И как звать обидчика твоего? — спросил Стенча, не заметил грозного взгляда Стыжалея.

— А ты грамоту знаешь? — в ответ спросила Ксыжа.

— Знаю, — гордо ответил.

— Напишешь, что скажу тебе? А то я писать не умею.

— А на чем писать-то будете? — вмешался в разговор Стыжаль.

— Бумагу я в башмак кожаный спрятала.

— А не было ничего в обувке твоей.

— Как не было? — девка вскочила с лавки.

— Так, не было, — Стыжалъ смотрел ей прямо в глаза. — Обувка была, а бумаги не было.

— А где она?

— Наверно, там, где тебя нашли. Вон он тебя вытащил, — Стыжалъ показал на Стенчу.

Сжала кулаки девка, скулами повела.

— Что со мной делать будете? Служивым отдадите?

— Ты зачем сказал, что бумаги не было? — стал пытаться Стенча Стыжалея, едва они вышли из резной.

— Потому что не было ее. Не уразумел?

— Не пойму что-то.

— Ты готов ей помочь? Ты знаешь, против кого она злые письма писать собралась?

— Нет.

— Вот и весь разговор. Не наше это дело, что она хотела на бумаге той писать. И потом, что на ней напишешь — клочок какой-то, вымокший да дырявый.

— И то правда. Но и за такой к жердине привяжут. Чего с ней делать будем?

— Видел ее кто?

— Нет. Никто.

— Значит, нет ее. Окрепнет — сама решит, что с собой делать. Да, скажи, были башмаки кожаные?

— Ну, были.

— И где ж они?

Стенча посмотрел на свои ноги:

— У меня.

— Ну так отдай.

— Вот уж нет! Никакой выгоды у меня в этом деле не осталось.

— Выгода твоя, дурак, в другом: ты ей жизнь спас.

— А какая ж в том выгода?

Вот так, пыхнахрыш, и камня не досталось, ни даже башмаков кожаных. Горевал Стенча. Злился, не пойми на кого.

Это должно было случиться, должно. Сломалась повозка у Стенчи. Лопнула ось, переломилась, уперлась обрубком в землю. Было б то в городище, еще куда ни шло. А тут возле самой овражины. Чуть-чуть не доехал. Полетели бочки с повозки, крышки с них послетали. Стенча едва отскочить успел — пришибло бы враз. Вот незадача, пыхнахрыш. Ругался Стенча. Хотел пораньше сегодня вернуться, как в прошлый день, чтобы к Стыжалю опять податься. Тянет его туда, на Ксыжу посмотреть.

Вчера, когда Стенча не застал Стыжалея дома, когда не нашел и Ксыжу в жилище, заволновался, забегали, думал, что пропала девка, сбежала или, хуже того, служивые ее прихватили. Но догадался открыть дверь, за которой лестница на террасу, задрал голову, посмотрел наверх — открыто. Полез. У Стыжалея и лестница резная, если каждую ступеньку разглядывать — ни-

когда до верха не доберешься. Но до ступенек разве Стенче — скоро карабкается наверх.

Оказавшись на террасе, огляделся. Туман стелился по террасе, не закрывая верхушек стеблей высокой травы, ни тем более деревьев плодовых. Еще немного, и солнце на западе провалится в туман, знаменуя наступление ночи. Только здесь, на террасах, и можно было увидеть воочию солнце, большой желтый диск, который внизу в городище сквозь туман расплывается светлым пятном. Яркое здесь солнце, непривычно яркое, глаза слепит, кожу обжигает, даже когда к вечеру время идет. Но лучи его нужны, чтобы плодородила земля. Туман смачивает ее влагой, а солнце жизнь дает травам да деревьям. Утром, пока солнце еще неяркое, да вечером, когда оно уже не в самой силе, выползают на террасы сталмяне, сеют, урожай собирают. Кормит терраса каждую семью, все городище кормит.

Если птица пролетит над городищем, увидит только поле ровное, равнину с деревьями, разделенную на отдельные островки неровными полосками серого тумана. И не знает птица, что там внизу городище.

Не увидел Ксыжу — услышал. Песню услышал, тянет голосок мелодию:

*Заплутало солнце яркое
По тропам нехоженным,
Растеряло силу жаркое
По гостям непрошеным...*

Пошел Стенча на голос. К краю террасы подкрался. Там увидел Ксыжу. Возле оградки стоит, смотрит куда-то вдаль.

*Солнце, красно пьяно солнышко,
Во хмелю головушка.
Черной ямой вбиты кольшики,
В жилах стынет кровушка.
Залепило окна-проруби
Темнотой кромешиною -
Уцелуйся парень долюбви
С девкою-усмешкою...*

Заслушался было Стенча, но опомнился быстро. Ведь ее заметить могут!

— Ты что, зачем ты здесь, тебя увидят!

Шагнул открыто, прервала девка песню.

— Кто меня сейчас увидит — смотри солнце какое!

И вправду, народ полезет на террасы чуть позже, когда светило уже в туман нырять соберется.

— Душно там внизу. У Стыжала в резной душно.

Подошел к ограде. Подставил лицо солнцу, а что еще сказать — не знает, с чего разговор начать — не понимает.

— У вас здесь все террасы, — между тем продолжала Ксыжа, — на одной высоте. Все ровно, словно поле. Не то, что в Ксаре. Там, кто богаче, выше террасу отводит. Солнце у других ворует. Ксар, он городище беспорядочный. Кто во что горазд. А у вас глаз радуется — поле ровное, равнина.

Вздохнула. Молчит Стенча. Коснулся руки ее.

— Чего пришел? — вдруг резко отдернулась, настроение сменилось, снова зверем смотрит.

— Башмаки твои принес.

Стенча бросил перед ней башмаки.

— Ты не бойся, не кусаюсь я, — сказал он.

— Зато я кусаюсь. Цапнула одного такого. За щеку. Шрамина остался.

— Ух ты! — не поверил Стенча.

— Отчего теперь я здесь, а мои братья туманом съедены.

— Как ты в овражине-то оказалась?

— Дали по голове и выбросили.

— Ну, это я сам понял. Дыра в голове, тело в овражине — чего тут не понять.

Девка посмотрела на Стенчу, улыбнулась — не страшный он. И грамоту знает. С ним по-доброму надо. Сгодится, поди, еще. Рассказала, что случилось с ней дальше, как только вышла от старика, бумагу ей продавшего. Сунула она сокровенное в башмак, в кожу завернула, чтобы сохранней было. А на улице уже служивые дожидаются, нос по ветру держат: донес кто-то. Гнали они ее, как зверюгу в капкан. Не знала она, какой силой спаслась. Все, как во сне, было. Забилась в торговый обоз, затаилась. Вывез он ее из Ксара. Думала, спаслась, переждать хотела, до другого городища добраться. Да торговец охочий попался. Тела ее захотел. На лицо глянул и тела захотел. Но не в туман же прыгать. В нем безвозвратно пропадешь. Взял торговец ее. Силой взял, сволота. И испугался того, что сделал. Стукнул по голове и выбросил.

— Ладно, идем вниз, — закончила она разговор.

Ушли. Стенча огляделся: не приметил ли их кто. На соседних террасах пусто. Не видел их никто, не заметил. Их двоих и вправду не видели. А вот Ксыжу, пока она одна стояла на террасе... Нашлась пара глаз, пара любопытных глаз...

Они спустились в резную.

— А Стыжьаль хороший мастер, — сказала Ксыжа, глядя рукой по лицу истукана. — В Ксаре я видела такие фигуры в доме...

Осеклась Ксыжа. Оборвала речь.

— В доме того, кто хотел... того, кто погубил твоих братьев?

— Не все ли равно...

— Имя-то у него есть?

— А зачем тебе знать? — оборвала его интерес Ксыжа. — Бумаги-то все равно нет.

Едва Стенча не сознался, что бумага есть, что достал он ее из башмака. Пусть уже и негодная, но есть. Что Стыжьаль забросил ее куда-то за лавку. Однако пересилил себя, смолчал.

— А что бы ты в ней написала, если бы она была?

— Была бы, написала бы. А так, чего зря воздух терзать, он с туманом дружен, а туман разнесет мои слова. И узнает тот, что хочу я сделать...

Отволоч Стенча бочки к овражине, выскреб остатки. Эх, ось проклятая.

Попробовал скрутить веревкой — да какое там, пустое дело. Не выдержит. Так домой толкать — мука одна. Придется оставить все: и повозку, и бочки, и хлам прочий — и вернуться домой. Не ночевать же здесь. Все равно новую ось не высидишь. Пока ковырялся с повозкой, к вечеру дело пошло. Вот тебе и вернулся пораньше. Махнул рукой Стенча, поплелся назад. Придется Стыжاليا просить, чтоб на ось дерево дал. Только бы повозку до дому дока- тить, а там...

Не заходя домой, Стенча отправился к соседу. Прошел по двору — тишина в доме, света в окнах нет. Постучал, никто не ответил. Дверь сама распахнулась. Недобрый знак, нехорошее предчувствие у Стенчи. Перевернуто все в доме — все вверх дном. В резной — новая фигура с лицом Ксыжи не до конца выточенным повалена. В щепки раскрошен вырезанный из дерева листок бумаги. И ни Стыжاليا, ни Ксыжи. Метнулся Стенча наверх, на террасу. Никого. Спустился обратно. Снова по резной прошел, следы крови на стене рассмотрел, пятно смазанное. Неужели служивые в доме побывали? Но как они узнали? Донес кто? Но кто видел, кто мог видеть?! Мысли у Стенчи пу- тались: страх-то какой! Служивые забрали Стыжاليا и Ксыжу. Может, и за ним уже приходили? Может, и его искали да не нашли? Осторожно надо до- мой пробраться, посмотреть.

Однако дом его тронут не был. Сюда никто без него не заходил.

— Эй, Стенча! — голос водовозки прозвучал неожиданно. Стенча аж вздрогнул.

Так, выглянуть, как будто ничего не случилось. Улыбаться.

— Воду берешь, Стенча? — кричал водовозка.

Стенча выглянул во двор:

— Беру. Наливай.

— А где повозка твоя? — любопытствовал водовозка.

Пришлось выйти.

— У овражины осталась. Ось лопнула. Чего делать — ума не приложу.

Пялится на него водовозка. Хочет по лицу прочитать что. Не нужно ни- чего читать. Ничего на лице Стенчи не написано. И вдруг, сам не ожидал, как-то само в голову пришло:

— Как думаешь, если я Стыжاليا ось попрошу сделать, до завтра сделает? — спросил водовозку.

Переменился в лице водовозка, не пытливый взгляд, смущенный.

— Не успеет, думаю.

— А чего так?

— Стыжاليا служивые забрали.

— Да что ты! — разыграл удивление, разыграл, но не знает, получилось ли.

— И не только его. Еще девку, которая из Ксара сбежала. А еще бумагу в доме нашли. Вот какая новость, пока ты с повозкой у овражины ковырялся.

— Да-а-а! — только и смог протянуть Стенча, а сам чувствовал, что ноги у него подкашиваются. — И что с ними будет? — нет, он так спросил, ничего особенного, просто любопытно.

— Что Стяжень с советчиками решат, то и будет.

Стыжалья вывесили через три дня. Растянули на перекрещенных жердях и выставили пугалом на одной из террас: пусть птиц гоняет. Приговор объявили при всех.

Все эти три дня Стенча не находил себе места. Боялся жутко. В первую ночь не сомкнул глаз: ждал, что придут и за ним. Однако наступило утро, а так никто и не пришел. Казалось, никому до него нет никакого дела. Понемногу страх прошел. Раз не пришли сразу — значит, нет его вины.

Новый день принес новые заботы: пришлось половинить свои сбережения и идти покупать новую ось. Стенча был рад тому, что какое-то время провел вне городища, лаятая старую повозку. Здесь, хоть и с туманом наедине, но ему сейчас спокойнее.

Не пришли сразу — значит, не видят во мне злыдня. Служивые шустрые — не замедлят явиться, если что не так. Пронесло, стало быть. Все, забыть и жить, как прежде. Ничего не видел, ничего не знаю, ничего не произошло.

Но понемногу другие мысли завладевали Стенчей. Ведь это он, как ни изворачивайся, подобрал Ксыжу, он нашел бумагу, и вместо того, чтобы обо всем рассказать Стяжню, отправился к соседу. Он ему бумагу принес. Как-то несправедливо получается. Но ведь он тоже не виноват. Стыжаль сам приютил девку, сам принял бумагу, и вместо того, чтобы избавиться от нее, схоронил в углу. Но не чужой ему Стыжаль, не чужой. Добрый сосед, добрый советчик.

Пойти к Стяжню рассказать, что Стыжаль не виноват, что девку они только выходить хотели, и никто не знал, что у нее есть бумага. Но к ужасу своему Стенча вдруг понял, что и Ксыжа ему не чужая, хоть и нашел он ее несколько дней назад. И не может он против нее слово высказать. Да никто и не поверит его рассказу.

Эти дни ходил Стенча под грузом тяжелых мыслей. А тут расправа оказалась скорой. Водовозка все рассказал ему, сам-то Стенча не был, когда приговор оглашали.

— А с девкой что? — только и спросил у водовозки.

— С девкой? Она ж чужая. Так что и судить ее будут в Ксаре, — ответил тот.

Туман густеет к ночи. Наползает на улочки городища, словно гад ползучий. Прячутся по домам сталмяне, закрывают двери, прикрывают ставнями окна, ставят перед фигурами плоски с размоченным хлебом. Без особой надобности вряд ли наружу сунутся. Хоть и в городище, но все равно как-то боязно, заплутаешь по улицам, туманом придушенным, забудешь ходы-выходы, неровен час, окажешься за городским валом, а там поминай как звали: хмарь голову вконец задурут, обманет, проглотит, сгинешь безвозвратно.

— А девка-то красивая, — голос в тумане звучит глухо. Служивый у крыльца, опершись об оберег, идол деревянный, рукой ключья хмари отгоняет.

— Я всегда говорил, — отвечает ему другой, — Ксар — рассадник воров и упырей.

— Упырей нет, это все сказки.

- Упырей, может, и нет, а воров и прочих злыдней в Ксаре хватает.
- Ладно, чего здесь торчать, пойдем внутрь.
- Постой! Крадется, верно, кто-то.
- Оба замолчали, прислушались, пики наизготовку.
- Да ну. Это туман играет. Нас попутать хочет.
- Но не туман это — Стенча.

В тумане, слабо подсвеченном лучами иного светила, почти на ощупь движется Стенча. Не заблудится. Он каждый камешек на каждой улице знает, каждую выбоинку, на которых днем подскакивает его повозка. Последний поворот, голоса из тумана:

- Точно, туман с нами играет, — и служивый потер изваяние, словно желая увеличить его силу. Другой махнул рукой, плюнул в туман.
- Идем. Кому этот точильщик нужен? Кто осмелится?

Стенча затаился. Он осмелился. Он решил добраться до Стыжала. Крадется сейчас к домине, где собирает Стяжень совет городища, на верхней террасе его врыты наперекрест две жердины, к которым привязан Стыжаль.

Оба служивых еще немного потоптались, потом нырнули в дверь, плотно затворив ее за собой. Туман отпустил Стенчу, расступился.

Пика прынула туман, пронзила темноту, едва-едва не коснулась плеча Стенчи. Он, уцепившись за выступ над окном, подтянул тело наверх. Пика еще пару раз сквозь решетку окна вошла в туман.

— Туман шалит. Его шутки, — голос служивого звучал с ленцой, сквозь зевоту.

Стенча висел, боясь шелохнуться. Еще немного — и дальше, вверх. Забраться по внешней стене на террасу — дело нехитрое, камень уступчив, шершав, нога не скользит, рука цепкая. Да, нехитрое дело, это если днем, когда туман едва заполняет улицы городища. Но ночью... Неверное движение — и задрезжала решетка, привлекая служивых. Заснули почти. Ткнули пикой еще раз. Успокоились на том. На двор нос казать не хотят.

Иное светило освещало террасу. Большое, круглое, пятнистое, немощное, оно подсвечивало террасу слабым синеватым светом.

Стенча огляделся, увидел воткнутые в землю жердины. На них безжизненное тело, наполовину скрытое туманом. Испугался Стенча — опоздал! Но качнулась голова, поднял взгляд Стыжаль на звезды. Жив еще! Обрадовался Стенча, заторопился к нему.

— Стыжаль! — зашептал. — Это я, Стенча.

Слабая улыбка, измученное солнцем тело, обожженное. Немного ему осталось. Туман — еще немного — съест его. Режет веревки Стенча, снимает тело. «Оставь меня, Стенча. Конец мне пришел».

— Виноват я, Стыжаль, виноват. Все из-за меня. Не сказал бы я тебе про девку, не принесли бы мы ее к тебе...

— Не так ты думаешь, не это... Ты жалеешь, что спас Ксыжу?.. Жалеешь?

Не жалел уже Стенча, нисколько не жалел. Пусть она и злыдница, хоть и черным цветом мечена. Жаль только Стыжала, ни за что ни про что...

— За что и про что... Не бывает ни за что ни про что...

— Но бумага, я ее принес... Выбрось ее — и не висел бы ты здесь.

— Не висел бы... Не пришел бы ты сюда... Не снял бы...

Нет сил смотреть, как мучается Стыжаль. Снял тело. И обрубил себе Стенча обратный путь. Обрато на крестовину уже не запрыгнешь.

— Легче тебе, Стыжаль, скажи, легче?

— Легче... Туман, он мягкий сегодня.

Но почему точильщик не сказал, что это Стенча во всем виноват — он же девку приволок, он бумагу достал. Потому что так один на крестовину лег, а если бы сказал, то вдвоем висели бы рядышком.

— Но как они узнали? Кто видел?

Кто видел, тот и сегодня видел, как Стенча веревку за пояс заткнул, нож за полу спрятал и вышел со двора, в туман нырнул. Чувствовал, как тот по шагу, по камешкам, по выбоинкам шел, считая повороты, углы ладонью гладя. Другой — тот тоже по камешкам да по выбоинкам повозку свою тащит каждый день, боится расплескать свой товар, каждому нужный. Водовозка хитрый и смысленный, любопытный, свою выгоду знающий, улыбку в рукав прячущий...

— А что с Ксыжей?

— Не знаю, — ответил Стыжаль. — Она нездешняя, так что и судить ее будут не здесь.

Сокрушается Стенча. Ничего не вернуть. Обрато из тумана нет дороги. Ничего не изменишь.

— Оставь меня, Стенча. Уходи. Себя спаси.

— Зачем Ксыжа бумагу искала, — шепчет, не слушая старика, Стенча. — В бумаге спасение. Если написать на ней заветные слова, то изменится все. Я ж писать умею, найду бумагу...

— Где ж ты ее найдешь?.. Живи, Стенча...

Голова запрокинулась, но жив еще точильщик, снова глаза открыл:

— Скоро светила сменят друг друга... иди.

— Я приду, я найду ее.

— Уходи...

Положил на траву Стыжалья, сбросил с себя накидку, прикрыл тело. Не стащить его отсюда. Не помочь ему. Себя только погубить. Другим только помочь может. Другим. Не знает Стенча, сложно ли это, легко ли.

Обернулся, бросил последний взгляд — не видно Стыжалья из-за тумана. Подумалось: камень зазря пропадет. Жаль. Бумагу на него легче всего выменять. Привязал веревку Стенча, спустился с террасы, у окна замер, прислушался: посапывали служивые, мелодию простенькую кроили. Мимо них проскользнул, в тумане исчез, до дому добрался.

Не спал Стенча, все вспоминал Стыжалья. Все не шли из головы мысли о бумаге. Но где ее взять? В Ксар нужно пробираться. Городище большой — в нем все может быть. И Ксыжа из Ксара. Но как до него добраться, если ни разу из своего родного городища дальше, чем до овражины, не уходил Стенча? И как уйдешь? Туман кругом. Это вон письмоноша справляется с туманом или торговцы. А торговцы, известное дело, нечистые на руку, они с ту-

маном в сговоре. Да и чтобы к торговцам примазаться, в обоз напроситься, тоже за душой надо что-то иметь. А в туман одному — не полоумный же он. И потом, как уйти-то, когда здесь дом, когда повозка здесь. Уйдешь — мысль кому придет, заподозрит что. С чего бы дерьмаку в Ксар подаваться?

Уснул все-таки Стенча, провалился в черную яму сна, из которой его выдрал настойчивый голос:

— Эй, Стенча! Стенча!

Вскочил Стенча, к окошку прильнул — водовозка у ограды. День уж к вечеру подался: проспал он, однако.

На улицу вышел Стенча, здороваётся с водовозкой. А тот на двор лезет: разговор есть. Зашел по-свойски в дом, сел на лавку, в глаза Стенче заглядывает, проречь что-то хочет. Только спросонья взгляд у Стенчи мутный, туманом черной ямы заволоченный, ничего не выдать.

— Ну, чего тебе?

— Стенча, — оглядывается по сторонам водовозка, — ну, показывай?

— Чего? — не понял Стенча.

— Камень, камень...

— Какой камень?

— Перестань, Стенча, я все знаю. Знаю, ты к Стыжалю на террасу лазил. Так что камень выкладывай. Давай по-хорошему. По-соседски, стало быть. Дело между нами. И никто никому. Молчок.

Водовозка приложил палец к губам, закрыл другой ладонью глаза. Потом снова оглядел жилище: где же камень? Понял Стенча, что попался. Сон слетел в мгновение. Видел, значит, водовозка, что он на террасу лез. Следил за ним. Ах, ты, гадина. Но что ему ответить? Камня у него нет. Сознаться, что был на террасе, но лазил туда только, чтобы Стыжалю воды поднести, — не поверит. Ни за что не поверит. Еще и на смех поднимет. Жизнью рисковал, на преступление шел, чтобы воды подать? Смех, да и только.

— Никуда я не лазил. Я спал ночью, — решил отпираться Стенча.

— Ну-ну. Послушай, Стенча, у тебя что, в голове туман гуляет?

— Ничего у меня не гуляет. Спал я.

— Мне казалось, я дело предлагаю. Храбрец ты, однако.

— Нет у меня камня, — обрубил Стенча. — И к Стыжалю я не лазил.

Поднялся водовозка, во двор вышел, повозку свою развернул. Черпаком зачерпнул воды, брызнул в бочку.

— Хватит тебе, — сказал, подмигнул Стенче, затолкал повозку по улице.

Недобрая улыбка. Сомнений нет: плохое задумал водовозка. К Стяжню побежит, служивых натравит. А служивые спуска не дадут, разбираться не станут, прав ли, виноват. А ведь он виноват. Он — злыдень. Отданного смерти с жердин снял, на запрещенную террасу полез.

Полчерпака воды — столько времени отпущено Стенче. Что успеешь? Напитесь разве что. Или лицо ополоснуть. А дальше? Вбежал в дом Стенча, заметался — куда спрятаться? Где схорониться?

А за оградкой уже голоса, рыкающие, грубые. Выглянул — служивые через частокол заглядывают, в ворота ломаются. Либо бежать, либо голову

склонить, отдаться служивым. И тогда вслед за Стыжалем пугалом на террасу. Тогда бежать — но куда? Никто в Сталме не поможет ему, не поучаствует в его судьбе. Никто к себе не примет, никому не нужен дерьмак. На себя только надежда.

Выскользнул Стенча через окно, стрелой пролетел задний двор, через оградку перевалился, ползком через улицу, к Стыжалеву двору — там спрятаться можно. Кто его у Стыжалея искать будет, никто в злодейский дом шагу не ступит, никто не хочет на себя дурную славу напускать, никто сюда и не явится, пока сам домина от запустения и одиночества не развалится.

Незаметно проскочил в дом Стыжалея. Никого здесь не было с тех пор, как вломались сюда служивые. Но голоса уже во дворе. Просчитался Стенча — ничего не остановит служивых. И уже не вырваться ему из этой ловушки. Закружил по дому Стенча. Где спрятаться? На террасу влезть? Вмиг там его отыщут. Но вот оно спасение — истукан с тайником. Забрался внутрь, дверцу прикрыл, затаился. И вовремя — ввалились служивые в Стыжалеву жилище, по дому рыщут. Не дышит Стенча, себя выдать боится.

Обыскали дом, кто-то на террасу поднялся, кто-то по резной среди деревяшек шарит.

— Дурак водовозка! — ругался один. — С чего ему кажется, что сюда он побежит?

— Дурак не дурак, но Стыжалея лихо на чистую воду вывел.

— Чего нам-то делать? Где этого дерьмака искать?

— Зови младшего.

Свист. Со двора вбежал еще один.

— А ну дуй к Стяжню, облаву пусть объявляет.

Младшой ринулся из дома. Выслуживается. В молодые годы до служивого дорастаи хочет.

— А куда он с городища убежит? — меж тем рассуждали оставшиеся. — Подумай сам. В яму какую залег, лежит-боится. Облавой пойдем — из лубой щели выцарапаем. Все торговые обозы, из городища идущие, проверять будем. Сам придет.

— А если в туман кинется?

— Хлопот меньше — туда ему и дорога.

Расстегнул служивый штаны, помочился на фигурку.

— Вот ведь чурбак чурбаком, а под умелой рукой и девка вылитая, — сказал.

— И то верно, — ответил другой, плюнул вдогонку на деревяшку недорезанную.

Видел Стенча сквозь глазницы, как служивые над образом Ксыжи измылаются, кулаки сами сжались. Но закусил губу, терпит.

— Пожрать-то хоть здесь осталось что?

— Дюж ты до дармовщинки, брат.

— На себя посмотри, слюни на подол так и брызжут, — огрызнулся в ответ.

Слова не палицы, лупят небожно, да от слов-то и к делу перейти скоро можно. Лупят по морде друг друга служивые — всласть лупят, даром что на

службе. Устали, присели, дух перевели, успокоились. Рассмеялись, довольные собой.

Развлекаться умеют, тесаки стали кидать. Один вошел в фигуру — кожи Стенчевой коснулся, оцарапал.

— Пошли, что ль, отсюда? — надоело им у Стыжала.

Пошли. На дворе задержались. Решили покараулить. Авось появится. Все-таки водовозка молодец. Нюх у него собачий.

Облава что волна — окатывает городище снизу доверху. Но не найти Стенчу. Ушел он из города, возле овражины на ночь схоронился.

Ушел Стенча, мимо нерасторопных служивых проскользнул. До границы городища совсем ничего. Прижал тряпку к боку, за поленицу ползком, пока недотепы со скуки тесаками изгородь крошили. Тумана не испугался — и так и сяк пропадать.

Но нельзя долго возле овражины отлеживаться. Утром может и сюда облава докатиться. В Ксар надо пробираться, бумагу искать. Ведь нет ему теперь жизни здесь, не найдет если бумагу, сгинет на жердинах под солнцем.

Осмотрел Стенча царапину — не кровоточила уже. Ушел от овражины. Идет, ориентир по бледному пятну солнца держит. Сколько шел — ничего совсем, как казалось, — услышал вдруг присказку: «Туман-туманыч, расступись, письмоношу пропусти!» И вправду письмоноша идет. Куда путь держит? Удивился, Стенчу разглядев.

— Ты что это, по туману бродишь? Или жизнь недорога.

— Отошел от овражины, крик услышал, — врет Стенча, — обманулся и потерялся.

— Далеко ушел. Вернуться непросто будет.

Смотрят недоверчиво друг на друга. В глаза вглядываются. Знает ли письмоноша, что ищут Стенчу? Знает, об этом весь городище гудит. На всех углах толкут историю, дерьмака недобрым словом вспоминают.

Но разговор не клеится. Встреча слишком неожиданна. Да и недоверчив Стенча. И письмоноша тоже подозрителен. Смотрят друг на друга, заговорить не могут да и разойтись в разные стороны тоже. Вдруг шум в тумане. Насторожились оба. Шум все ближе: колымага мчится, быстро-быстро. Оттолкнул письмоноша Стенчу, сам следом в сторону отпрыгнул. Пронеслась повозка мимо, сбила бы, раздавила и не остановилась.

— Что это? — Стенча испуган, удивлен.

— Не знаешь? — усмехается письмоноша. Да откуда ему знать, если он из Сталма ни на шаг, ни на миг не удалялся. Письмоноша объяснил:

— Повозка пишущего по бумаге это. Заметил?

Какое там заметил — кубарем покатился, головы поднять не успел, а нет ее уже, в тумане растворилась, шум только затихает вдали.

— Пишущего по бумаге? — провожая взглядом невидимый след, переспросил Стенча. Подумал: вот где ее, бумагу, можно наверняка добыть. Подумал и проговорился невзначай:

— И бумаги там навалом...

Но вспомнил вовремя, рассмеялся.

— Не знаю. Я с бумагой дело не имею, — в ответ и письмоноша смеется.

— Зачем меня толкнул? — Стенча все смотрит туда, где растворилась повозка, глаз оторвать не может.

— Переехали бы тебя, не заметили бы даже.

Но задумался Стенча.

— Пойду я, — письмоноша развернулся.

— Куда? — встрепенулся Стенча. Вот она надежда его — письмоноша. Для него туман — приятель, для всех остальных — недруг.

— Как куда? Я ведь письма разношу. Вон, девку, пойманную на днях, с обозом в Ксар отправили. Об этом рассказать надо...

— Ксыжу?

— Ксыжу. А ты откуда знаешь? — Смотрит, внимательно смотрит письмоноша на Стенчу.

— Туман наваял.

— Невесело шутишь.

— Как умею. В городище болтали.

— Да, в городище много чего болтают. К примеру, что ты у Стыжалея камень вытащил. Ночью на террасу к жердинам залезал.

— Врут.

И словно хотел отместить в сторону неудобный разговор, махнул рукой:

— Слушай, письмоноша, отведи меня в Ксар.

— В Ксар? Зачем это тебе в Ксар?

— Ищут меня. Знаешь ведь.

Понимает, что и без того письмоноша знает это. Нечего таиться.

— В Ксаре тоже искать будут, — говорит письмоноша.

— Это почему?

— Потому что весточку про тебя несущие по городищам.

— Ты? — отгорпел Стенча.

— Я ведь письмоноша. Послушай, Стенча. Тебя поймают. Все равно поймают.

— Не поймают, — упрямится тот.

— Служивые — они ушлые, ловле да облаве обучены, — сам того не ведая, подзадоривает его письмоноша. Не видит словно, как глаз Стенчи помутнел, недобрый светом переливается. Злость поднимается в Стенче. Удавить этого письмоношу, удавить, чтоб никому весточек таких не приносил. Но как выбраться отсюда, из тумана, одному, как в Ксар попасть?

— Так отведешь меня в Ксар? — наступает Стенча на письмоношу.

— А не по пути мне. В противную сторону мои ноги идут, — врет тот. И понятно, кто ж хочет со злыднем дело иметь. Со злыднем сойтись — самому злыднем стать.

— Тише! — вдруг зашептал письмоноша. — Смотри!

Оглянулся Стенча, следуя за рукой письмоноши — ничего не увидел, а когда обернулся назад — нет письмоноши, исчез, поглотил его туман.

Дернулся Стенча вправо, побежал влево — где уж там, письмоноша в дружбе с туманом, скроется — никто не найдет, не догонит, даже служивым

просто так не словить его. Остался снова Стенча один на один с туманом. Себя ругал: зачем спугнул письмоношу, шел бы за ним, куда бы его ноги ни повели — все едино бы вывел куда-нибудь. А там глядишь, и удалось бы его молчуном сделать.

Время в тумане течет, не пойми как. Вроде и солнце пробивается сквозь муть, вроде иное светило от горизонта отрывается, а не поймешь, когда день, когда ночь, и сменяют ли они друг друга или так растягивают время в бесконечность. Знал бы об этом Стенча, может, и отдался бы служивым, может, и легче судьба была его. Но прошлого не воротить, оглядываясь хоть до кривошея. Да в тумане и оглядываться-то некуда. Брел Стенча, неизвестно сколько раз направление меняя, ноги заплетались, руки обвисли, сознание мутится, мерещится что-то: то Стыжаль вывернется, с резаком-точилом, железку к лицу Стенчи тянет морщинки под глазами прорезать, линию брови подправить — за истукана его принимает. То Ксыжа рукой поманит, волосами тряхнет, подмигнет, к дереву тенистому зовет. То служивые, скалясь, тесаками туман рубят. Гнал Стенча видения, от теней отмахивался, глаза тер, за щеку себя щипал, но туман словно издевался над ним: уплотняясь, выдавливал из себя иные образы, редая, миражи выставлял напоказ. Бросался Стенча к рощице, деревьями к себе манящей, а наткался лишь на расплзающиеся ключья тумана, расплзались они, чтобы тут же свиться в веревку, ручейком обернуться. Хочет окунуться в воду Стенча, а падает наземь, в песок горячий, а над ним уже другие призраки сгущаются. Цветные тени наползают на серые, снова оборачиваются серыми, темнеют, с мраком сливаясь. Выдавливают из глухомани то смех полоумный, то песню, что не допела, оборвала Ксыжа: черной ямой вбиты колышки, стынет в жилах кровушка... А вслед за тем и лязг оружия по капелькам сочится, в поток сплошной сливается, а в нем — стоны, крики... И снова заматались тени, другие, обступают Стенчу. И бежать от них некуда, все плотнее сжимается кольцо. Шарахнулся Стенча в сторону, но сил бежать нет, споткнулся, упал. Закрыв голову руками. Сеча над головой идет. Скрежет металла, лязг, боевые кричи, стоны раненых. Воткнулась в землю возле бедра стрела, размягчилась, склонилась к земле, уползла змеей. Кто-то бьется, себя не жалея, совсем рядом бьется, но не схватить взором, не поймать глазом, но и не убежать, не уползти — тени мечутся словно бешеные псы, догоняют и обволакивают. Крикнул Стенча, бросился из последних сил в сторону. Споткнулся, упал, туман накатило, навалился массой — потащило Стенчу в черную яму сна-беспамятства.

— Жив? — торговец соскочил с повозки, подбежал к телу. И тут же обо-зному: — Не останавливайся — туман проглотит.

— Жив, — ответили ему.

— Дурак, чего тогда кричал? — сердится торговец. — Переехали бы, а потом бы кричал!

— Откуда ж мы знали?!

— Ладно, тащи его в обоз. Быстрее!

Мерещится Стенче, морда животного видится, чувствует он, будто под

руки его подхватили и тащат куда-то, голоса слышатся. Но яма черная не отпускает совсем Стенчу — тянет обратно на дно.

Торговец склонился над Стенчей, оттянул веко, проследил за зрачком — живой. Вот ведь странно: почему-то отпустил туман беднягу, не удушил. А наоборот вывел его, бросил на дорогу. Задумался торговец. Изрядно потрепал незнакомца туман, долго тот блуждал по мути — вон как измотан. И выжил.

Поднес ко рту воды жгучей, провел влажным пальцем по губам — вздрогнул Стенча, открыл глаза.

Жив Стенча. Видит перед собой лицо. Живое, не призрачное, не мутное.

— Кто ты? — хрипит.

— Тише-тише, — успокаивает его торговец. — Нет сил — помолчи, когда придут — скажешь.

Закрыв глаза Стенча, заснул. Сон спокойный под мерное покачивание повозки, счастливый сон: Ксыжу увидел, на террасе вдвоем они, ни от кого не прячутся. Смотрят, как медленно тает в тумане солнце. Опять песня слышится. Будто оба они, Ксыжа и он, ей подпевают.

Проснулся. Перед собой увидел плошку.

— Пей, — торговец придвинул посудину, — сил прибавится.

Сил и вправду прибавилось. Огляделся Стенча. К торговцам попал. В повозке тюки, бочки. Большие повозки у торговцев, много всего везут. Что ж, не самый худший исход.

— Кто ты? — снова спросил Стенча.

— Торговец. А ты кто?

Молчит. Небось и до этих ушлых дошли весточки о беглом. А торговцы продадут с потрохами, если другой выгоды не найдут.

— Не хочешь — не говори. Мы могли бы и мимо проехать.

Не могли. За камнем руки потянулись. А вот живой, стервец, оказался. Взять пришлось. Но найдет торговец свою выгоду, за жилку ее вытянет.

— Повезло тебе, малый. Что на путь торговый нарвался.

Молчит малый.

— Молчи, молчи. Захочешь — заговоришь.

Колеса поскрипывают, торговец что-то под нос бубнит, на Стенчу не смотрит. Стенча огляделся — под пологом можно проскользнуть наружу, но куда? Опять в туман?

— Удивительно мне, что туман тебя не заглотил, — тем временем как бы невзначай обронил торговец. — Крепкий ты, видать. Многих стоишь.

— Куда обоз едет? — спросил вдруг Стенча.

— В Ксар. А тебе куда надо?

Не хочет признаться Стенча, куда ему надо:

— В другое место.

— Хочешь, прямо сейчас ссажу. На ходу. Не обессудь, останавливаться не будем — туман сожрет.

Поежился Стенча — не ожидал такого.

— Ладно, вези до Ксара.

— И то дело, — уцепился торговец за возможность поболтать. — Довезем до городища, а там как знаешь. Хоть по девкам, хоть еще куда подавайся.

Хитро смотрит торговец.

— А то хочешь, ко мне в работники иди. Мне такие нужны — смельчаки, что с туманом в ладах. А, что скажешь?

— Ничего.

Повозка резко затормозила, торговец высунул голову. Прикрикнул на кого-то. Повозка снова продолжила движение. Торговец устроился поудобнее, побрякушки на нитке перебирать стал.

— Может, ты беглый, — заговорил. — Может, злыдень. А мне все равно.

Стенча втянул голову в плечи, взгляд прячет.

— Но я и помочь могу. Не за так, конечно. Я ж торговец, — замолчал, на Стенчу не смотрит, заронил зерно, ждет всходов.

— А ты откуда, торговец? — прервал молчание Стенча.

— Откуда родом? — оживился тот. — Ниоткуда. Я ж торговец. Если помнишь отца и мать своих, то ты не торговец. Если помнишь место, где родился, то ты не торговец. Торговец, он памятью сегодняшней живет. Вон как туман. Тот ведь тоже ничего не помнит.

Слышал Стенча кое-что про торговцев. Говорят, у них другой закон: в первую руку стоит — выгода. На нее, как на приманку, можно поймать торговца.

— Бумагу ищу, — вдруг сказал Стенча. — Мне бумага нужна.

Даже бровью не повел торговец. Бумага так бумага.

— А чего в туман подался? Чего ж ты там-то забыл? — спросил.

— Думал, что так быстрее ее сыщу.

Засмеялся торговец: смешной незнакомец. Правда, сам не улыбнется даже.

— И что ж ты в тумане нашел? — смеясь, спросил.

— Да причудь разную.

— Ну-ка, расскажи. Не всякий день встречаешь того, что сквозь туман прошел.

Медлит Стенча, но подзадоривает его торговец — страшно любопытно тому. Рассказал Стенча про бой привидевшийся, про стоны, про крики, про стрелы, змеей уползающие. С интересом слушал торговец.

— Да, туман на мороки горазд, — заключил он Стенчин рассказ.

Помолчали.

— Ну так что? — вновь вернулся Стенча к своей цели.

— Что что?

— Поможешь?

— С бумагой-то? А зачем она тебе? Что задумал?

— Мое дело.

— Конечно, твое. Только ее для добрых дел не ищут.

— Так поможешь? — исключил все возможные рассуждения Стенча.

— Только что мне за выгода будет?

— А что ты хочешь?

Торговец хотел много. Чтобы обоз его был вдвое длиннее теперешнего.

— Как же я его удлиню? — усомнился Стенча, а сам подумал: клюнул про-
дажный. Не ошибся он.

— Ну, это уж твоя забота, — откликнулся торговец. — Бумага же не пучок
сухой травы.

— Верно, — сказал Стенча.

— В Ксаре знаю я одно местечко. Отведу тебя.

— И за это ты хочешь, чтобы я твой обоз вдвое увеличил?

— А что? Не велика плата. Если бы я тебе ее из-под полы достал, то впя-
теро мой обоз бы удлинился. За все своя цена.

Глаз заблестел. Подметил Стенча. Обрадовался: в самом деле, не ошибся.

Но клюнул торговец не на то, о чем думал Стенча.

Ксев любовался заходящим солнцем. Мягкие лучи приятно ласкали ли-
цо. Ксев любил уединяться на своей террасе. Здесь хорошо думалось. И он
знал: никто не осмелится в такой момент его беспокоить, разве что вестник
от Ксорыня прибежит. Да и Ксорынь подождет. Ксев не ринется в один миг
по его зову.

Его терраса одна из самых высоких в Ксаре. Разве что у Ксорыня терраса
немного повыше. Но это ничего. Пускай. Ксорынь — глава совета в Ксаре.
Пока. А Ксеву и здесь хорошо. Он свою террасу ни на что не променяет.

Солнце медленно проваливалось на западе в туман. Красиво. Ксев знает
толк в красоте. Его дом один из самых красивых. Даже у Ксорыня все про-
ще и незатейливей. А у него, у Ксева, и загон для животины, и хоромы для
дворовых. И все отделано — глаз не нарадуется. Он даже предусмотрительно
выстроил помещения для служивых. Конечно, прихлебатели они, дармо-
еды, но в нынешнее время служивых лучше самому подкармливать, нежели
это будут делать другие. А какие истуканы от тумана все углы охраняют! За-
гляденье. Жаль, что мастер, который их точил, как говорят, на жердине сги-
нул. Что ж, судьба значит такая. Чем-то пишущим по бумаге не угодил. Ос-
торожней с ними надо быть, не гневить.

Ксев провел ладонью по шраму на щеке, задержался на неровностях ко-
жи. Свежий рубец украшал лицо, розовый еще. Поморщился Ксев. Не гне-
вить... Не шрам беспокоил Ксева, а тот, кто оставил на его лице отметину.

Девку привезли в Ксар пару дней назад. Ее казнят. Об этом даже думать
не стоит, нужно только, чтобы это произошло как можно скорей. Ни к чему
Ксеву, чтобы делу дали слишком большую огласку. Девка наговорит еще че-
го, а найдется какой дурак — ей поверит. Но Ксев не последнее лицо в Кса-
ре, далеко не последнее. Пускай что угодно говорит Ксыжа, пускай болтает
о братьях, о нем, Ксеве, о том, что он хотел принудить ее. Но судейские то-
же отчасти кормятся на его дворе. Но чтобы уж совсем быть уверенным,
лучше, чтобы все закончилось как можно быстрее. К примеру, сегодня. Ес-
ли судейские примут решение сегодня, то служивые успеют девку познако-
мить с жердиной. И тогда растворится в тумане весть о загубленном им от-
ряде с братьями Ксыжи. Унесутся с потоком воды лишние мысли у жителей
Ксара. Не нужно Ксеву имя свое подвергать сомнению.

Кто-то поднялся на террасу. Ксев почувствовал, что не один он. Повернулся. Прислужник нерешительно топчется вдали.

— Чего тебе?

— Обоз приехал, — отозвался тот.

— Иди.

И прислужник исчез. Ксев развел руки в стороны, словно желая поймать как можно больше солнечных лучей.

Торговец облобызал Ксева и, не ожидая приглашения, уселся на лавку. Ксев махнул рукой, прислужник сбросил со стола тряпицу.

— Разузнал? — спросил Ксев, не дожидаясь, пока торговец закончит трапезу.

— Разузнал, — пробурчал тот, дожевывая мясину, сплюнул, ковырнул ногтем в зубе. — В Омикре частенько их привозят. Но сейчас не время. Чуть попозже в самый раз. Там много всякой живности бывает. И диковинной, и...

— Мне нужна только диковинная. Как ее перевозят?

— Клетки крепят на повозках и везут. Все это устроить можно...

Конечно, можно. Если уж Ксев что задумал, то не сомневался в удачном исходе. В этот раз придумал он развести на одной из общих террас звериник. Да наполнить его всяким зверьем редким да птицей необычной. Чтоб все туда ходили, смотрели, дивились. Все ж забава. И потом наверняка найдутся такие — те, что побогаче, — кто захочет и на своих террасах звериник устроить. А тут-то и прибыль прямая Ксеvu. Его это задумка, его это дело. Будет зверье возить из дальних городищ. Торговец здесь ему помощник.

Забота о родном городище — не последнее стремление Ксева. Его стараниями, его усилиями расширился городище: наружный вал да ров отодвинулся на целую улицу, отобрали ксаричи у тумана место. Да и сам туман ослаб в Ксаре, не в пример другим городищам. Почти нет его на улицах, почти не сгущается он и к вечеру. Чья заслуга? Всякий знает: Ксева. Уважают его. Не меньше, чем Ксорыня.

Встал Ксев из-за стола, отошел к окну, в пол-уха слушая, как торговец описывает, что видел в далеком городище, о чем говорил с тамошними торговцами, ведь Омикра на перепутье всех торгов стоит.

Да, не меньше Ксорыня уважают Ксева. Не зря он старается, чтобы Ксар стал городищем светлым и красивым. Не хватало только, чтобы все уважение к нему исчезло в один миг минутной слабости. Эта девка — нечистая у нее душа. Не прозрачная, не кристальная. В заблуждение вводит, разум мутит. Возжелал он ее — так это полбеда. Пытался принудить — разум мутился. Но разве это оправдание, разве это убедит кого-нибудь?

Ксев выглянул в окно. По улице катилась повозка с клеткой. «Вот она — легка на помине», — подумал, разглядев в клетке Ксыжу. Неужели свершилось, неужели приговор уже вынесли? Послать бы кого разузнать, но нет, ни к чему выказывать поспешность, ни к чему являть всем свой интерес. Думаю, осечки сейчас не может случиться. Как то было в прошлый раз, когда поняв, что не так проста эта Ксыжа, не так безобидны ее братья, Ксев решил сгубить этот род. Отряд с братьями сгинул в тумане по его приказу. А вот

девка, хоть и клюнула на приманку, хоть и побежала к старичку за бумагой, хоть старик и сделал все, что было велено ему, и кусок бумаги, негодный к страшной мести, всучил он Ксыже, хоть и уже ждали девку служивые, но удалось ей вырваться, удалось сбежать.

— А чего ты, Ксев, власти сторонисься?

— Чего? — Ксев отвернулся от окна, повозка с Ксыжей уже скрылась за углом.

— Стал бы вместо Ксорыня, руки б развязал.

— Они у меня и так не связаны. Ксорынь — правитель мудрый, его любят.

Заслуженно любят.

— Ой ли, Ксев! Твои ли это слова?

— Если слышишь их от меня, то мои.

Не думал так Ксев, но ни к чему знать торговцу мысли Ксева.

— Бумагу бы добыл.

— А зачем? У меня все есть. А чего нет, то будет. А бумага — это против закона. Это удел злыдней.

— А если враги?

— На врагов есть другие средства. И потом, неужели ты веришь, что бумага может все?

— Говорят, что так. Те, кто пишет по ней...

— Ты видел хоть одного из них?

— Воочию — нет. Но повозки их по туману шныряют — не увернешься, если на пути повстречаешь.

— И сколько раз ты не уворачивался?

— Как видишь, жив пока.

— Вот то-то же.

Замолчал торговец. Снова на еду накинудся. Жует, молчит. Странен Ксев. Смурен.

— Подарок я тебе приготовил, Ксев, — тем временем продолжал торговец.

— Подарок? — оторвался Ксев от своих мыслей.

— Подобрал в пути я одного — живой оказался...

— И что?

— В тумане подобрал. Живой, его по туману несколько дней мотало.

— В самом деле? — Ксев уселся перед торговцем. — Любопытно.

— Более того скажу тебе. Он видел в тумане сечу. Или она ему привиделась, или он видел ее на самом деле, но не понял, что это было.

— Из беглых?

— Видимо, так. Молчит сам, а я не напирал.

— Любопытно, коль так.

— Более того — бумагу ищет.

— Еще один дурак... Где он?

— В обозе ждет. Сказал, что сведу его в одно местечко, где найдет он все, что хочет...

Ксев задумался. Что ж, удача любит ищущего. Отряд сгинул в тумане. Но камни... Шесть камней — шутка ли. Пришла пора собирать камни.

— Зови. Хотя погоди. К старику веди его.

Не ждет Стенча в обозе. Увидел он повозку с клетью, признал Ксыжу, бросился за ней. Вдогонку за повозкой, по незнакомым улицам, забыв, что беглый он. Спешит, толкается. Догнал, наконец. У самой реки. Ксаричи заполнили берег. Стенча попытался протиснуться вперед, но его незло оттолкнули. Так что пришлось шею тянуть, чтобы хоть что-то увидеть. Ксаричи — народ высокий, не то, что сталмяне.

Торговец развел руками: нет Стенчи. Куда подевался? Обозные тоже не понимают: вроде тут сидел, скукожился весь, боялся, что его заметят. И вдруг нет.

Ксев неодобрительно покачал головой — подарок, значит.

— Отыщем, — заверил торговец.

— И никто, кроме тебя, его в глаза не видел.

Отыщет, обозных возьмет и отыщет. Успеть бы только. Ведь наверняка он беглый, как бы в руки служивых не попал.

— Возьми парочку служивых с моего двора. Кликни Ксыпара и Ксофа. Эти посообразительнее будут.

Торговец развернулся и вышел.

Видит Стенча: клетка пустая, Ксыжу служивые уже на плот затащили, одни руки вяжут, другие шестами дно толкают, тянут плот на середину, где крепкая жердина из воды торчит. Вода за ней бурлит, коловоротится. К вершинке веревка привязана, петля по воде волочится.

Толкают плот шестами служивые, бесцеремонно лапают девку, шутки намеренно громко отпускают. Ксаричи, охочие до забавы, смеются и еще больше подзуживают.

Набросили петлю на ноги Ксыже, столкнули в воду, заработали шестами, чтобы поскорей отплыть в сторону. Стенча дернулся в толпе, но что он может сделать? К воде прорваться да в воду броситься? Тут же его шестами забьют. Нет, не спасти Ксыжу. Глядит, слезами щеки травит, видит, как бултыхается тело, как не сдается девка, пытаюсь глотнуть еще воздуха, как накрывает тело волна. Сволочи, думает Стенча, сволочи. Чья-то злая несправедливая воля навязала ей такую судьбу — сгинуть в воде.

Вдруг Стенча почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся. Знакомые глаза. Письмоноша. Уже показывает кому-то на него. И тот кивает головой, кого-то к себе подзывает, уже лезут сквозь толпу к Стенче служивые — их то хоть в Сталме, хоть в Ксаре, хоть в любом другом городище распознать легче легкого — глаз у них чересчур веселый, потому что смехом спасаются от своего безликого существования. Лезут к нему, нет сомнения, к нему. Бежать, иначе схватят, ведь письмоноша донес свою весточку и до Ксара, рассказал всем, что он злыдень, беглый злыдень.

Стенча вырвался из толпы, поворотливый оказался, потому что росточком поменьше ксаричей, проворен, не то что громилы-служивые. И в улицу бегом. Но свернуть некуда — как на ладони бегущая фигура. Оглядывается Стенча, вот и преследователи повыскакивали из толпы, за ним устремились. Бегут. Догонят скоро, шаг-то у них пошире будет.

Наконец, переулоч. Свернул Стенча, юркнул еще в один, еще свернул. Ушел? Да как бы не так. Не знает он городища чужого, наугад бежит. А служивые здесь как рыбы в воде, из другой улицы как горох навстречу Стенче посыпались. Но страх ноги оживляет, опасность ум изворотливее делают. Не дался Стенча служивым, вырвался. Перемахнул через ограду, еще через одну, на другую улицу выскочил. Наткнулся на кого-то, чуть не сшиб. Не извинился, на ноги вскочил, снова бегом ринулся. Но чья-то рука схватила за ворот, дернула, аж рубаха затрещала. Грубая сила развернула в обратную сторону. Торговец!

Ничего не говоря, тот Стенчу шмякает об ограду, кто-то накидывает сверху мешок, и вдогонку ударом по голове одаряет, погружая беглого в темноту.

Очнулся в повозке. Озирается по сторонам.

— Ну, чего, набегался? — торговец рядом сидит, ждет, пока в чувство придет. — Что ж ты в чужом городище бега устраиваешь?

Молчит Стенча. Что с ним произошло, понять не может. И вдруг мысль — Ксыжа! Они ее утопили. Или ему все это причудилось? Жердина в реке, плот... Нет, он видел все, сам стоял в толпе, а потом погоня...

— Зачем они убили ее? — произнес тихо.

— Кого? Чего это ты в городище насмотрелся, пока от служивых бегал?

Молчит Стенча. Не нужно знать торговцу лишнего. Пускай и спас его, укрыв от погони в повозке. Зачем только это ему надо?

Торговец, выглянув наружу, вытолкнул Стенчу на улицу, следом за ним соскакивает.

— Идем, — пихнул, к калитке направляя.

Шагнул в полумрак двора Стенча, невольно остановился. Но торговец подхватил его за руку.

— Не бойся, — сказал, — не тронут тебя здесь. Сам ведь сюда стремился. Только прежде, чем разговор вести, подумай, что предложить сможешь в обмен на бумагу.

— У меня ничего нет, только дом в Сталме.

— Да зачем ему твой дом. За бумагу только камни пойдут.

Стенча стоял перед незнакомцем, тот долго и внимательно рассматривал его. Ни слова не говоря. Стоял Стенча перед ним, робея немного, чувствовал: знатный ксарич это. По осанке видно, по тому, как держится. Хотя весьма убогий домина. Темно и неудобно в нем. Торговец уселся на лавку в сторонке, сначала пошептавшись с хозяином.

— Выкладывай, что тебе нужно, — наконец проговорил хозяин.

Нерешителен Стенча. Но вспомнил Стыжала, вспомнил Ксыжу.

— Бумагу ищущ, — твердо сказал, голос не дрогнул.

— Редкий товар. Станный товар. Но товар. А всякий товар цену имеет...

— Ты говоришь, как торговец.

— Что ж, во всех нас торговец сидит. Большой или маленький.

Молчит Стенча, ждет, что еще скажет. Молчит и хозяин, из полумрака лица не кажет.

— Да ты молчун. — Отошел хозяин к торговцу: — Молчун гость твой.

Пожал торговец плечами: молчун, что тут поделаешь.

— Знать не хочу, зачем тебе бумага. Это твой выбор, твоя судьба. И сам знаешь, что за это бывает.

Молчит Стенча. Никак не откликается. Таится.

— На жердине можешь кончить. Вон, сегодня за это девку в воду отправили. Бумагу при ней нашли — и в воду.

Не нужно было видеть лица Стенчи, чтобы понять: напрягся он. Подметил это хозяин. Приблизился к Стенче:

— Неужто, знаешь ее?

— Ничего я не знаю. Мне бумага нужна.

— Как ее звали? — обернулся к торговцу хозяин.

— Ксыжа, кажется, — откликнулся тот, не понимая, к чему разговор клонится.

— Ксыжа? — переспросил хозяин. Голос он свой слышит, дыхание Стенчи слышит, и ответ читает по его лицу. — Ксыжа. Да, Ксыжа.

Знает гость девку, знает. Вот так подарок приготовил ему торговец.

— Значит, так, — решил прекратить играть в прятки хозяин, — ты из тумана вышел, видел, как гибли там воины, сечу видел. Мне нужны камни. Принесешь — вот тебе и бумага.

— А если мне это привиделось?

— Вот и проверим.

— Я в туман не пойду.

— У тебя есть выбор? — хозяин удивленно вскинул брови. — Ты — беглый. Ищешь бумагу. Рассуди сам, — лицо приблизил, шрамом на щеке блеснул, — отсюда у тебя два пути — к служивым в руки или за камнями.

Понял Стенча, что попался в ловушку. И не пойти невозможно, и пойти — заведомо пропасть. Смотрит зло в темноту. Губы кусает. Заигрался в игру с торговцем, кто кого купит-продаст. Доигрался.

— У тебя получится, — вступил торговец в разговор. — Ты ж один раз сквозь туман прошел. Пройдешь и второй.

Верно рассудил Ксев. Решил посмотреть на того, кого туман отпустил. Вместо старика, хозяином домины притворился. Захотел сам посмотреть на беглого. Не ожидал, что туман ему, Ксеву, такой подарок пришлет. Верно говорят, что жизнь самый искусный писатель. Такое дело. Пусть беглый за камнями отправляется. Не вернется — так тому и быть, не нужен здесь тот, кто Ксыжу знает, кто за нее вступиться может. Братья ее сгнули, так пусть и он там останется. А если принесет камни — что ж, молодец. Но найдут способ и от него избавиться. Он же беглый, беглый злыдень. Это про него письмоноша восточку принес. Всунут ему клочок бесполезный, как было с Ксыжей, а потом слыжат его служивые. В этот раз Ксев уж заставит их быть попроворнее.

Туман в Ксаре не в пример Сталму — редкий, едва различимый, идти легко, прятаться трудно. Но судьба хранила Стенчу, добрался до реки. Торчит жердина, вода медленно течет мимо. Туман по воде стелится. Двое служивых — один на этом, другой на том берегу — сидят, переругиваются.

— Эй, Ксыря, спать захочешь, от бережка отойди, а то носом в воду рухнешь, во сне полреки выхлебаешь.

— Ой, Ксожба, тебе ночь-то не пережить, до утренней трапезы не дожить, с голоду ведь помрешь.

— Не помру.

— А, ну-ну, завтра здоровкаться со мной не сможешь, руку ведь себе откусишь.

Затаился Стенча, выжидает, думает, что делать.

Не стал Стенча другого дня дожидаться, как то велел ему ксарич. Тем же вечером решил уйти из городища. За этими проклятыми камнями. Будет ли удача Стенче? Надеяться на этих торговцев, а второго он и вправду принял за такового — пустое дело. В ловушку заманили его, и еще раз обманут — дай только повод. Но второй раз попадаться в те же сети Стенча не станет. Камни — хочешь не хочешь — все равно искать надо. Добудет он их, так не такой разговор с торговцами выйдет. Он уже будет его вести.

Совсем темнеет, а служивые все не унимаются, друг другу спать не дают.

— Нет, Ксожба, скажи мне, вот что делать будешь, если проспишь завтрак?

— Ксыря, твою голову баклажанами обложу да в огонь на палке воткну. Люблю я пареные мозги.

Но вот, наконец, замолчал служивый на другой стороне, да и на этой зевает во весь рот. Воткнул тесак в песок, улегся, руки за голову заложил, мурлычет под нос что-то — все тише, все реже. Засопел.

Отвязал Стенча плот, осторожно в воду вступил. Оглянулся на берег — сопит служивый, мошек дыханием отгоняет. Вернулся, прихватил тесак. Оттолкнулся шестом Стенча, лег на плот, руками подгребает. Коснулись бревна жердины, нацупал Стенча веревку, потянул, уперся ногами в плот, вытянул тело, перевалил на спину: Ксыжа. Она, родная. Лицо опухшее, глаза на выкате. Прикрыл рукой веки, лег рядом, упер взгляд в небо, понесло плот течением.

Едва выплыл плот из городища, окутал туман Стенчу, плотной ватой окутал, на плечи лег, на лицо, ноги обволок, на грудь давит. Не движется Стенча, рукой не пошевельнет — все равно ему, куда плот унесет, где он к берегу причалит. Песню слышит, ту, что Ксыжа не допела на террасе:

*Зажигалась свечка рядышком,
Канделябры рублены.
Будет в радость хлопать ладушки
По грудям возлюбленной.
А рассвет с зарею сонные
Снами полнят голову.
Побежал — погоня конная
Гонит в лес по-скорому.
Где ты, красно солнце? Лучиком,
Мягким теплым дротиком
Уколоть спешу плакучие*

*Ивы на болотине.
Прокатись над полем ягодкой,
Над рекою — радугой.
И взойди над ямой слякотной —
Мне подняться надобно...*

Плывет плот. Думает Стенча, что с Ксыжей делать.

Причалил к берегу — уже и не понять: далеко от Ксара или нет. Песня с волнами утекла. Стенча стащил тело Ксыжи. Провел по животу, ощупал, тепло камня пытаюсь поймать. Нет, ничего не чувствует Стенча. Тесаком провел, плашмя, камень выманывая. Приложил ухо к мертвому телу. Кажется, уловил.

Нет, не воткнул тесак Стенча, не смог. Глянул на ее лицо, вспомнил ее живую, и не смог. Да и что там один камень, когда нужно шесть, оправдывал свою слабость Стенча. У тех возьмет. Он их хотя бы не знает. В глаза не видел. А Ксыжа... Нет, не может. Не оставил Ксыжу на берегу Стенча, не захотел, чтобы кто-то ее нашел и вырвал камень. Отнес ее снова на плот, оттолкнул от берега. Тут же пропал плот в тумане, лишь легкий вздох из сумрака донесся:

*Солнце, красно пьяно солнышко,
Во хмелю головушка.
Крепко вбиты в ребра колышки,
Ссохлась в крошку кровушка.*

Вздохнул Стенча, постоял немного. Если все сбудется так, как задумано, если вправду говорят, что бумага столь сильна, то добудет он ее. Вернет Ксыжу.

Но куда теперь? Привиделась ли тогда ему река или была она на самом деле? Здесь река. Но та ли? Может, где-то рядом поле битвы. Если сгинуть здесь ему суждено, то, значит, так тому и быть.

Прошедший день тяжелым выдался. И сейчас туман последние силы отбирает. Отдых нужен. Но как тут отдохнешь, когда ухо остро приходится держать. Прилег Стенча, прямо у реки, руку в холодную воду опустил, чтобы удержать ее, чтобы не смогла утечь от него незаметно, не потерялась; тесак наизготовку в другой держит — боится тумана. Но сомкнулись веки. Не сбросить с них тяжесть. Сон не отогнать. В тумане заснешь в одном месте, а проснешься неведомо где. Заметалась река, окатила Стенчу волной, стон принесла. Тихий, близкий. Проснулся Стенча. Глаза открыл. Рассвело, туман вроде поредел. Поднялся Стенча, тесак как приклеенный в руке держится. Огляделся: нет реки. Снова стон. Обернулся вокруг оси, пытаюсь понять, откуда стон идет. Показалось что-то. Так и вертелся, с туманом в гляделки играя. Голова закружилась, споткнулся обо что-то, упал. На колени тотчас вскочил, тесаком наотмашь туман кромсает. Сыпется туман крошечным, к земле жмется. Видит Стенча: лежит кто-то. Испугался, отскочил, туманом прикрылся. Стон — тихий, близкий — заставил вновь приблизиться.

Наклонился Стенча — воин перед ним: доспехи, оружие, рана в животе зияет, сквозь пальцы кровь сочится, веки подрагивают. Живой! Неужели

они? Удача, подумал Стенча. Не зря говорят, туман, он сам знает, где путника сгноить.

— Эй! — позвал Стенча раненого.

Тот медленно открыл глаза — на излете жизнь его, еще немного — улетит совсем. Но махнул рукой, улетел он, а не жизнь его. Туман со Стенчей играет. Ай, пыхнахрыш, ругнулся Стенча. Громко, зло. Махнул тесаком со злости, увяз тот в тумане.

Но новый стон... Нет, Стенча не поддастся — не мальчик, чтоб с ним в прятки играть. Однако не стон это. Прислушался: дребезжание. Вгляделся в туман, откуда оно идет. Громче, ближе. Вдруг вырвалась из завесы тень — повозка! Едва отскокить успел Стенча. Но удержался на ногах. Повозка пишущего по бумаге! Бросился за ней, не осознавая того, зачем побежал. Но не угнаться за ней — летит она, как на крыльях. Только звук тает в тумане. Но бежит Стенча — хоть шум поймать хочет. Не ухватить. Все стихло. Тяжело дышит Стенча: туман грудь забил. Сплюнул, отдышался.

И тут схватили за ногу Стенчу, за лодыжку ухватили. Вырвался, некрепкий хват оказался. Вялые пальцы раскрылись. Стенча руку с тесаком вперед выставил, вниз смотрит. Увидел: лежит кто-то.

— Кто ты?

Стон в ответ. Осторожно коснулся Стенча тесаком воина — проверить, во плоти ли он или опять туманом соткан.

Живой воин. Видать, из тех, кого он ищет. За чьими камнями пришел. Еще раз спросил. Открыл тот глаза, мутные, как туман.

— Ксыля я, — ответил. Хриплый голос тих, спокоен. — Из Ксара отряд мы. Отправил в туман нас... отряд целый... брат мой Ксута со мной и еще четверо... Обоз застрял, говорит, рукой подать до Ксара. Не чувствовали мы подвоха, ушли. Обещал ведь подмогу выслать, чтоб туман разгонять. Никто не пришел. Никого не послал, гадина.

Смотрит Стенча, как воин губами шевелит. Сам думает, где остальные лежат. И тоже, что ли, живые?

— Туман нас убил, — тяжело ему говорить, но губы шепчут. Стенча ухо приблизил, слушает. — Как оказались в нем, как опутал он нас, нагнал на нас страху, выхватили мы оружие, машем во все стороны... Так друг друга и побили, принимая за врагов да за происки тумана. Здесь они лежат.

Обошел Стенча кругом. Пятеро, что раньше живыми были, теперь уже и не мертвые, только кости одни остались: сгнили воины. Один живой только. И тот еле дышит. Осмотрел кости Стенча, рукой дрожащей шарит — какой там, камней нет — все вместе с плотью сгнуло. Оpozдал он. И здесь невезуха.

— Их уже нет, туман всю плоть выел, — сказал, когда вернулся. — И камни унес.

Сел Стенча на землю, рукой туман пугает, разглядеть воина получше хочет. Закрыв тот глаза. Спит, словно. Но вдруг снова открыл, однако видит ими другое что-то, дернулся весь, будто видение то отгоняя.

— Уйди!.. Провались...

Успокоился, затих и вдруг:

— Неужели до смерти лицо это видеть буду.

— Какое лицо?

— Того, кто послал нас. Из Ксара он, как и я. Знатен только. Знаешь его?

— Нет. Я в Ксаре один день всего-то был.

— Шрамина у него по щеке, — рука вяло заскользила по лицу. — Ксевом зовут.

Вспомнил шрам Стенча на лице того, к кому он бумагу ходил искать. Неужели он? Вспомнил и другое. Но не поверил, отогнал мысль, словно шрам разглядел, но заблестел он снова, едва Стенча услышал:

— Сестра моя оставила, когда он хотел принудить ее.

— Сестра? Ксыжа? — вспомнил Стенча рассказ Ксыжи про то, как разодрала она щеку своему недругу. Не осталось сомнений, кто его послал за камнями.

— Да, Ксыжа. Знаешь ее?

— Знал... Знаю... — не верит Стенча, что больше нет Ксыжи. Знает он ее, знает. Даже если уплыла по реке, то доберется Стенча до бумаги, перепишет судьбу ее. Но что сейчас делать с братом ее раненым? Думает Стенча. Нельзя бросить. Злодейство будет. Но как его и куда тащить? Примерился — велик чересчур, тяжел для него воин. Не стащить. Сам умучается, вместе в тумане сгинут.

— Туман меня нарочно не тронул, даже рану прикрыл... Не тронул, чтобы рассказал я кому, что здесь случилось. Но на этом и конец мне.

Сказал — глаза закрыл. И не открыл больше. Обмяк. Коснулся Стенча жилки на шее — не бьется. Вот и вышел весь вопрос. Посмотрел на мертвое тело. Что Стенче с одного-то камня? Чем он ему поможет, раз шесть штук-вин нужно? Да и как ему с камнями к Ксеву возвращаться, даже если он и найдет их здесь? Сгубил он Ксыжу, сгубил ее братьев. Да и Стыжаль из-за него сгинул на жердинах. Нет, не вернется к Ксеву Стенча. Рассудил здраво: не прост этот Ксев. Зазя он такое не задумал бы. Обманет. Не даст ему бумаги, а если и даст, то затравит потом, как Ксыжу. В другом месте надо искать бумагу. В другую сторону идти.

Огляделся Стенча — в какую? Сделал шаг — потерялся мертвец. Потерялся и Стенча. Захочет вернуться к телу, пожелает камень достать, не выйдет: ни следа на земле, ни следа в тумане.

Вынырнула из тумана повозка, пролетела мимо. Вдруг остановилась где-то вблизи. Стенча осторожно пошел, не веря тому, что слышал, побежал, чтоб враз отместить миражи. Но вот она стоит. Повозка пишущего по бумаге. Кто-то выскочил из нее, в туман шагнул. Замер Стенча: видит такое впервые. Много слухов, сказок, недомолвок ходит и в Сталме, и в прочих городищах. Но чтобы вот так воочию увидеть — никто ничего подобного не рассказывал.

Стоит, боится двинуться. Но все-таки решился, подкрался к повозке. Животина повела головой, втянула ноздрями туман, переминается, топчет ногами землю. Но не боится чужака, а может, и не чувствует. Подошел Стенча к по-

возке. Шальная, страшная мысль: спрятаться в ней, пускай везет его, куда хочет, все равно пропадать в тумане. Откинул полог. Заглянул внутрь.

Голова пошла кругом, глаза трет Стенча — кипы бумаги. Исписанные листы перевязаны аккуратными пачками. Руки сами собой потянулись к ним. Шелестит бумагой Стенча — странный звук, незнакомый, щекочущий ухо. Заворожил Стенчу. Да так, что не сразу даже понял, что сторонится туман повозки, не лезет внутрь.

Но вдруг кольнуло что-то Стенчу, иной звук примешался к шелесту бумаги. Иной, знакомый, но далекий, и не потому, что далекий на самом деле, а потому, что иному звуку тяжело, непросто пробиться через бумажный шелест.

Вдохнул шумно зверь, почуяв возвращение возницы. Вздрогнул и Стенча, оторвавшись от бумаги, шаги слышал. Перевалился в повозку, зарылся на дне. Не дышит, ждет.

Ничего не заметил возница, понеслась повозка. Трясет Стенчу, старается не шелохнуться тот. Глаза прикрыл, не веря случившемуся. За что ему такая честь, за что ему такое испытание? И страшно, и любопытно.

Недолог путь. Остановилась повозка, затаился Стенча, готовый, чуть что, выскочить наружу, схорониться в тумане. Соскочил с повозки возница, кто-то его встречает. Прислушивается Стенча, что там снаружи. И вдруг — полог отлетел.

— Выходи, Стенча! Приехали.

Голос знакомый, очень знакомый. Поднял голову Стенча, выглянул из-за кипы — письмоноша!

— Вылезай-вылезай, — говорит.

От удивления онемел дерьмак. Письмоноша руку ему тянет, свободную, другая занята — перевязанную стопку бумаги держит. Не двигается Стенча. Столбняк не отпускает. Письмоноша бросил ношу в повозку, перелетела та через голову Стенчи. Обе руки тянет к нему письмоноша. Схватил его, помог выволочь важное тело. На ногах едва стоит Стенча. Прислонился к повозке, чтобы не упасть.

— Эж, на тебя какой столбняк напал, Стенча. Будто чудище невиданное увидел.

Какое ж чудище — письмоноша всего-то. Но колотится сердце в недобром предчувствии.

Подошел возница, тут Стенча разглядел того, кто вез его. Как разглядел — передернуло всего. Под длинным плащом с капюшоном не увидел ничего. Тумана сгусток, плащом сдерживаемый. Возница положил на землю тряпичный сверток, запрыгнул в повозку. Махнул рукой ему письмоноша, рванула с места повозка. Едва Стенча на землю не рухнул, лишившись опоры. Подхватил его письмоноша, не дал упасть.

— Идем, — позвал, сам вперед двинулся.

Неприметна тропка. Впереди шел письмоноша, руками туман раздвигал. Тот послушно раздавался в стороны, но за спиной снова наваливался. Стенча едва успевал, потеряться — раз плонуть. Вышли к хижине. Письмоноша

дверь открыл, толкнул остолбеневшего Стенчу внутрь. Посреди тумана хижина, как мираж среди пустыни.

— Садись, — письмоноша указал на лавку.

Сидит Стенча, оглядывается. Дом осматривает. Туман в него не заползает, хоть и дверь приоткрыта, хоть и возле входа ни одного истукана резного не стоит. Непривычно как-то все. Стол длинный, за ним не лавка — трон прямо резной. На такие Стыжаль был горазд, точил искусные. Окошко в крыше над столом, в стене — тоже. Из них — свет. Яркий, отражается от чего-то на столе. Глаза слепит. Прикрылся рукой Стенча, разглядел — Бумага! Краешек листа загнулся, трепещет под сквозняком. Обомлел Стенча. Вот так вот просто на столе лежит цельный лист бумаги. Перевел взгляд на письмоношу. Обратно на стол. Пузырек с чернилами разглядел, перья птицы в кружке.

Прислонился к столу письмоноша. Смотрит на Стенчу.

— Письмоноша, это твой дом? — наконец выдал из себя Стенча.

— Мой.

— А разве у письмонош есть дом?

— Не письмоноша я.

Не понимает все еще Стенча. Как это не письмоноша?

— Нет, весточки я справно ношу, но это не главное мое ремесло.

Кто ж он тогда? На бумагу Стенча как замороженный смотрит.

— Пишущий по бумаге я.

Стенча отвел глаза от листа, смотрит на письмоношу. Ослышался, видеть. Как так?!

— Для всех я письмоноша, незаметный, но нужный вестник. Таким меня и знают. Но на самом деле — тот, кто пишет по бумаге.

— Нет, письмоноша, ты — письмоноша, — обман чует Стенча, не понимает, правда, зачем письмоноше его, Стенчу, обманывать. — Пишущие по бумаге, они не такие.

— Ух ты, Стенча! А какие они? Ты их видел?

— Они на повозках разъезжают, — вдруг вспомнил Стенча.

— Ты наверняка знаешь?

— Так говорят. Сам же говорил!

Но вспомнил все, что видел недавно, усомнился в сказанном.

— Говорят... Много чего говорят. Язык до еды охочий, а когда нет ее, болтается просто так. Ты думаешь, пишущие по бумаге — это кто? С крыльями чудища о семи головах? Так, что ли?

Молчит Стенча, слушает.

— Чем они от тебя, думаешь, отличаются? Рук больше? Ноги длиннее? Лицом ладны? Станю?

— Не знаю! Они — другие! — Кричит Стенча, не веря уже ни себе, ни ему. Но какой из письмоноши... Тот, кто пишет по бумаге, ведь он... Но не знает Стенча, что такое пишущий по бумаге, не знает. Не видел их никто, только повозки по туману шныряют. Лишь в воображении тени какие-то пляшут. Что себе надумал, то и видит. То и знает.

— Чтоб судьбу писать, надо жить среди тех, кого ты судьбой писаной ода-ряешь. Все мы среди вас живем. Неприметно живем. Только сами все при-мечаем.

Но все еще не верит Стенча. Отвернулся, взглядом в стену уперся, скула-ми шевелит. Не удержался, снова на бумагу посмотрел. Кто бы он ни был, письмоноша этот...

А тот, взгляд его перехватив:

— Бумага... Глаза тебе не врут. В самом деле, она. Не призрак, не хмарь ту-мана. Ее ведь ты искал? Бери.

Стенча смотрит недоверчиво. Что ж такое говорит письмоноша? С тру-дом смысл слов его доходит до сознания.

— Пиши. Ты ж за этим сюда пришел. Не так ли?

— Ты чего, письмоноша?

— Садись за стол, — не унимается тот. — Чернила, перья — все есть. Бума-га. Пиши! Все в твоих руках.

Подталкивает Стенчу. Как замороженный тот встает с лавки, к столу идет, глаза отводит от ослепительной белизны.

— Разве ты не этого искал? Смелей!

Это искал Стенча, это. Бумаги желал, чтобы отомстить, чтобы вернуть Ксыжу, Стыжاليا, чтобы... Но откуда письмоноша знает?..

Письмоноша пододвинул ему под руку кружку с перьями, вынул одно, бросил обратно, достал другое.

— Вот это лучше отточено, — вложил в руку Стенчину. — Пиши. Умеешь?

Стенча едва кивнул головой. И без того знает письмоноша, что умеет. Крышечку с чернильницы откинул. Макнул Стенча перо в чернила, рука за-стыла над листом. Блеск в глазах появился, силу почувствовал: то ли бума-га силу дает, то ли память еще свежая проснулась. Ярость закипела, злость скулы задвигала. Поднял Стенча глаза на письмоношу, а тот и не смотрит на него, отошел от стола. Оглянулся, подмигнул — все в твоих руках, пиши, — и вышел из хижины.

Рука дрожит у Стенчи, чернила бесформенную каплю подарили листу. Опомнился, рукой провел, размазал только. Нет привычки у Стенчи — пер-ом по бумаге водить. Да у кого она есть? Ни у кого. Разве что только у них... Не о том мысли, о другом нужно думать. О Ксее, об этой гадине, о Стяжне... о служивых...

Чиркнул слово, другое, задумался: как писать, как исправить то, что хочет-ся? Как отомстить Ксееву за Ксыжу, за братьев ее, как вернуть Стыжاليا? А Ксута, а Ксыля, а те, что полегли в тумане, друг друга мечом рая? Сколько не-справедливости иного исхода просит? И как она, несправедливость, в справед-ливость обратиться может? Написал: хочу, чтобы... Но разве так писать надо? Разве так принято судьбу выкраивать? Хоть и хочет, но опомнился: а хочет ли? И может ли? Имеет ли право кроить чью-то судьбу, прописана которая дру-гим? Тем, кто на самом деле пишет по бумаге? Те же для этого и живут.

Вернулся письмоноша в хижину, тихо подошел к Стенче, увидел лишь несколько слов перечеркнутых на испачканном чернилами листе.

— Что ж не написал? Нечего?

— Не могу, — зол Стенча. На себя зол. Задумал многое, а сделать так ничего и не может.

— Отчего же? Не умеешь?

— Не могу чужую судьбу вот так вот зараз решать.

— И Ксева погубить не хочешь?

— Откуда ты про Ксева знаешь, письмоноша? — встрепенулся.

Положил письмоноша перед Стенчей пару листков.

— Читать умеешь? — сказал. — Читай.

Побежал глазами Стенча по страницам. Чернила больно в глаза бьются, бумага белизной слепит. Непривычное чувство, завораживающее. Но прочь в сторону мысли! Про что здесь писано, про что? Про то, как Стенча к речке пробирался, про то, как видел Ксыжу в клетке, про то, как к Ксеву ходил.

С ним это было, всего несколько дней назад, но откуда письмоноша знает, откуда на бумаге слова эти? Другую страницу Стенча к глазам приблизил. Увидел Ксыжу, тонущую в речной волне. Ее полные ужаса глаза. И вдруг безвольно обмякшее тело, качаемое неспешным течением. Неужели письмоноша и вправду пишущий по бумаге?.. Поднял глаза, увидел довольный победный взгляд.

— Так это ты Ксыжу сгубил? — внезапно пелена слетела с глаз. Скомкал Стенча судорожной рукой листок, набросился с кулаками на письмоношу, потрянул его о стену. В горле словам тесно стало, но не пробиться им через затор, наружу не выскочить — рык один только. Поднялся письмоноша, с трудом поднялся, головой качает. Наконец пришел в себя, выдохнул громко, сказал:

— Дурак.

Отстранил Стенчу, сел.

А Стенчу дрожью трясет. Словно туман из глаз брызнул, поплыла голова.

— Так надо было, — проговорил письмоноша.

— Кому надо?

— Мне. Тебе.

— Мне? Кому угодно, но только не мне! Ксыжа... — захлебнулся чувством Стенча. И вдруг: — Так и Стыжала тоже ты...

И снова к письмоноше подступил. Тот прикрыл рукой голову.

— Если б не я, не знал бы ты никакой Ксыжи. Да и Стыжала, думаю, не знал.

— Как так?

— А вот так. Написал я твою судьбу. И отца твоего. И Ксыжину судьбу. И Стыжала тоже я коснулся. Не писал — дописывал. Мы тоже, знаешь, не вечны. Старимся, разум теряем. Силы нас покидают, бывает, что не можем до конца чью-то судьбу дописать. Другие дописывают.

Замолчал письмоноша, дух перевел. Глядит на Стенчу.

— Тебя я сюда привел, чтобы дать то, о чем ты даже не мечтал. Письмоношей хотел стать. Всего-то письмоношей, — улыбнулся, но вдруг серьезно: — По бумаге писать будешь.

- По бумаге?! — Такое в голове у Стенчи не укладывается. — Писать?
- Из тебя выйдет толк.
- Но почему я? — не понимает Стенча.
- Потому что смышлен ты, молод, учиться горазд.
- Таких молодых и смышленных полгородища...
- А ты думаешь, ты — первый?
- И сколько их было?

— Не твоего ума дело. Одно скажу: дерьмака все за умалишенного держат, стороной обходят, в мысли свои не пускают. Нет в тебе чужих мыслей. Не зря дерьмаком тебя сделал. Не ошибся я в тебе. Трижды ты мог камнем завладеть, трижды давал я тебе такую возможность. Выбор ты сам делал, а я смотрел. Не взял ведь. Не все мы пишем. Лишь главные нити, а многое вы сами выбираете. Не думай, что пишуцие по бумаге всеильные. Не так это. Понаписать много чего можно. Но неверный шаг, неправильное слово — и рухнет мир. Хаос настанет. И тот, кто пишет по бумаге, он ведь ошибиться может. Представь, что бы стало с городищами, со всеми вами, нами, если какой-то... Понимаешь?

Стенча едва заметно кивнул. Ему казалось, что понимает.

— Можно написать все что угодно, все, что в голову взбретет. Но на все написанное нами другая воля есть. Все в кладовье везется. В замок из камня. И там-то решается, чему достойно сбыться, а чему и сбываться не нужно. Ты на посыльном сюда приехал. Они всего лишь посыльные — отвозят в кладовье то, что мы пишем. Да и не из той же плоти они, что и мы — из тумановой плоти.

Слушал Стенча, раскрыв рот. Слушал, не веря своим ушам. Нет, сон это, туман это с ним играется, в письмоношу обратился и тешится, смеется.

— Ты чего? — окликнул его письмоноша, завидев, что пропал Стенча. Нет, письмоноша это, настоящий. Не туман. Тряхнул головой Стенча.

— И ничего уже не сделать? — сказал.

— Что не сделать? — не понял письмоноша.

— Не вернуть Ксыжу?

— Ксыжу?

— Не переписать ее судьбу?

— Ах вот ты о чем! Пройдет время, голова другим занята будет.

— Так что, нельзя переписать?

— Не знаю. Мы пишем, и если кто и переписывает, то это не мы, а другие. Я написал, посыльный увез. Там, — письмоноша махнул рукой, — решают, чему быть, а чему нет. И туман разносит последнюю волю. И происходит: для всех — то, что происходит, а для нас — то, что написано. Но не все в точности, как было на бумаге... Но ты здесь оказался... Привел я тебя сюда...

Задумался Стенча.

— А ты уверен, что я приму ваше ремесло за свое?

Оставил письмоноша без ответа вопрос. Бросил Стенче одеяло, на лавку указал — ту, что ближе к очагу. Ложись, Стенча. Идти все равно тебе некуда. Легли. Сам письмоноша себе у стола на лавке постелил.

— А что мне с того, что я стану таким, как ты? — Стенча вдруг прервал убаюкивающее потрескивание огня, когда казалось, что спят уже оба, и дыхание ровное потерялось в нем. — Какая мне в том выгода?

— Никакой, — просто сказал письмоноша.

Провалился в сон Стенча. Как будто не было волнений и тревог, как будто не было неожиданных открытий. Спал как убитый, один сон под утро видел: холм рос, рукой камни бросали. Вставала стена за стеной. Серый холм, из камней сложенный.

Утром открыл глаза Стенча, подскочил на лавке, не совсем понимая, где он. Увидел письмоношу — за столом сидит, пером водит. Вспомнил.

— Вставай. Пора, — краток тот.

Плеснул в лицо воды Стенча. Легче стало.

— Возьми, прочитай, — тянет ему листок письмоноша.

Осторожно берет Стенча бумагу, к глазам подносит, читает.

Себя видит в Сталме. Не злыдень он, дерьмак, как и раньше. Не ищет его никто, не ловит, про бумагу не помнят. Водовозка другой воду возит, а прежний на жердине сгинул. Сознался перед Стяжнем, что оболгал дерьмака. И сгинул.

— Это последние мои слова о тебе. Дальше ты — пишущий по бумаге. Сам себе хозяин. Другие за тобой следить будут.

— Кто другие? — спрашивает Стенча.

— Не все ли равно? Будешь жить как прежде, — говорит письмоноша, — ну, почти как прежде.

— Что с Ксевом? — спросил Стенча.

— Пока ничего. Думаю, Ксорыня заменит скоро. В Ксаре править будет.

— Но он же злыдень. Несправедливо это. Он Ксыжу погубил, братьев ее...

— Не он погубил.

Молчит Стенча. А письмоноша продолжил:

— Он хороший правитель.

— А камни, что я ему должен был принести?

— Он и без них своего добьется.

Достал тряпицу, развернул, показал Стенче камень. Темно-зеленый, размером с грецкий орех.

— Ксыли камень, — сказал. Другие пять достал. Вместе сложил.

Но не горит глаз Стенчи, камни желания завладеть ими не рождают.

— Камни, они все равно у нас оказываются, — продолжал письмоноша. — Из них замок строится. Ими стены кладовья выложены. Сон видел?

Видел Стенча. Помнит.

— В нем судьбы, написанные вами, хранятся? — спросил.

Кивнул письмоноша. Завернул камень в тряпицу, положил на стол.

— Где это кладовье? Где замок находится?

— Там, — махнул в сторону письмоноша рукой, выложил затем на столе чистые листы.

Стенча спокойно стоял и смотрел на белые листы бумаги. Ни глаз не вспыхнул, ни рука не потянулась — ничего. Пустое это. Вышел из хижины, смотрит в туман.

- Ладно, учить тебя буду, наставлять... — последовал за ним письмоноша.
- Немного у меня времени на это.
- Его вообще у тебя нет.
- Не понимаю.

Бросил Стенча лист со своей новой судьбой, сделал шаг. Туман охватил его.

- Куда ты? — письмоноша за ним идет, отгоняет муть-марево.
- В замок, — повернулся, сказал, глядя прямо в глаза письмоноше.

Усмехнулся письмоноша, своему чему-то усмехнулся, своей мысли. Повел рукой по губам, словно боясь эту мысль с языка отпустить.

- Думал, что тебе понравится другая судьба, — сказал иное.
- Я не пишущий по бумаге, письмоноша. Прости.

Как такое простить? В прощении ли дело? Досаду чувствует письмоноша, досаду, не обиду.

— Значит, я в тебе ошибся, — вот она, усмешка, высказанной мыслью обернулась.

- Ты и со Стыжалем, и с Ксыжей ошибся!
- Не тебе судить! — Нет усмешки и следа, злость, досадой вызванная.

Знает письмоноша, что сейчас скажет Стенча. Нет, не скажет, но непременно сказал бы он сам, будь на месте Стенчи. Знает, что бы ответил ему он. Уже письмоноша знает и это. Про ошибки, про необходимые звенья, про смерть многих ради того, чтобы выпестовать одного, про... Но молчит Стенча, молчит и он. Только смотрят друг на друга. Не видит, правда, Стенча письмоношу, сквозь него глядит, в сторону, куда рука чуть раньше махнула.

Ушел Стенча. В туман шагнул, исчез.

Письмоноша на месте остался, не идет вслед. Губы кусает.

— Никакой выгоды! — вдруг яростно крикнул в туман. — Это просто ремесло, как и всякое иное!

Подумал: они такие же, как все. Только чуть-чуть больше задумываются о том, что всех ждет впереди.

Последняя страница, подхваченная ветром, скользила по земле. Нет, не будет писать по бумаге Стенча. Что тут поделаешь? Ошибся он в нем. Другая у него судьба. Все, что мог, все написал письмоноша. Нашел смену. Думал, что нашел. У Стенчи дальше дорога, он дальше пойдет. Если пройдет ее, если не упадет, если не рухнет мир. А мир не рухнет, потому что...

Письмоноша наступил на медленно ползущий по земле листок. Наклонился, поднял. Пошел обратно в хижину. Поднес бумагу уголком к пламени свечи. Дождлся пепла. Сел за стол. Пододвинул чернильницу, взял перо, положил перед собой чистый лист. Что ж, ошибся письмоноша. Бывает. Но ошибки свои нужно исправлять. Чтобы не рухнул мир...

МАЙК ГЕЛПРИН, ВИКТОРИЯ НИКИТАЕВА

ПОБЕДИТЕЛИ

1. Артем

За завтраком Карик сказал, что мы должны ввести распорядок, если не хотим сдохнуть.

Ленка едва не подавилась кашей.

— Карик, миленький, прекрати, пожалуйста, — попросила она. — Мы и так знаем, что скоро сдохнем, и нечего об этом каждый раз напоминать.

— Что такое распорядок, Карик, и куда его вводить? — спросила Ксана. В отличие от нервной Ленки держать себя в руках она умела.

Из нас четверых только Карик изредка вспоминал давно забытые слова. А может, и не вспоминал, может, всегда помнил, только не хотел говорить без нужды. Раньше все звали его Очкариком, даже после катастрофы какое-то время звали, но потом очки разбились или Карик их потерял. Называть случившееся катастрофой тоже придумал он, да и вообще, если бы не он, мы бы, наверное, давно уже сдохли, как все остальные.

— Распорядок — это когда делаешь не то, что хочешь, а то, что должен, — объяснил Карик.

— Мы и так делаем то, что должны, — сказал я. — Иначе бы уже сдохли.

Ленка с Ксаной дружно закивали, соглашаясь.

— Ничего мы не делаем, — Карик вдруг покраснел и отшвырнул от себя миску с кашей. Он вообще быстро заводится, даже быстрее, чем Ленка. — Ничего, — повторил он. — Мы лишь сидим здесь и смотрим, как с каждым днем становится хуже. И стараемся к этому приспособиться. Только однажды настанет день, когда приспособиться не удастся.

— Когда он еще настанет... — неуверенно протянула Ленка.

— Может быть, через сотню дней. Или через две. А может быть, завтра. Если кончится вода, мы не проживем и трех дней. Если еда, то протянем чуть дольше.

Это мы и без Карика знаем. Воды становится все меньше: раньше всякий из нас принимал душ каждый день, а теперь приходится мыться парами. Раз мы, а раз — девочки, да и то вода из душа еле льется. Но на какое-то время ее еще хватит, и пьем мы пока, сколько хотим. А вот с едой хуже. Не помню уже, когда что закончилось. Сначала, вроде бы, перестала работать кнопка, на которой написано «мясо», за ней — с надписью «витамины». Или наоборот, витамины закончились первыми. Неважно, так или иначе, кнопки перестали действовать, одна за другой. Теперь вообще работают только три, а раньше их было больше сотни. Так мы и сидим на хлебе, каше и сухофруктах, больше ничего не осталось.

— И что, твой распорядок вернет нам еду и воду? — насмешливо спросила Ксана. — Еще что он вернет? Может быть, мы сможем ходить по дому, куда захотим?

Карик вновь пододвинул к себе тарелку с кашей, поморщившись, запустил в нее ложку и сказал:

— Я много над этим думал. Мы не можем больше сидеть и ждать. Мы должны что-то делать. Обязательно должны. Прежде всего, мы должны посчитать, сколько нам лет.

— Какая разница, — сказал я. — Что-то изменится от того, что ты будешь знать, сколько тебе лет?

— Да, Артюша, изменится, — Карик подобрал куском хлеба остатки каши и с трудом проглотил. — Мы точно знаем, что когда произошла катастрофа, нам было по семь с чем-то лет. А теперь припомни, что говорил твой учитель. И вы тоже, — Карик обернулся к девочкам. — Вспоминайте, что говорили учителя. Вместе мы можем вспомнить многое.

— Мой учитель разные слова говорил, — сказала Ленка. — Пока не сдох. Я уже давно все забыла.

— Все ты забыть не могла, — твердо проговорил Карик. — Давайте я расскажу, что помню сам. В восемь лет мы должны были начать учить математику...

— Что учить? — перебил я.

— Математику, — терпеливо повторил Карик. — Это то, что идет после арифметики. Дальше, в девять — историю, и еще что-то наподобие того, как бывает с людьми. Что в десять — не помню, и в одиннадцать тоже.

— Я, кажется, помню, — задумчиво протянула Ксана. — В десять лет мы должны были начать учить криванетику. Или кирбанетику, ну, то, что заставляло работать нянек, уборщиков и вообще весь дом.

— Точно, — обрадовался Карик. — Кибернетику. Но это все неважно. А важно вот что: мой учитель обещал, что в четырнадцать каждый из нас будет знать, как управлять домом. И это нам будет нужно к тридцати пяти — тогда, когда дом где-то окажется.

2. Ленка

По утрам я выполняю обязанности. Днем тоже. И вечером. Нет, ну, умо-ра, я даже толком не понимаю, что такое обязанности, но все равно выполняю. Утром моя обязанность — измарать стену в едальне, послунить огрызок рисовалки и намалевать на стене палку. Карик за этим следит. Однажды я забыла намалевать, и он меня выругал. Сказал, что я безответственная нерва... невра... тьфу, забыла, невростенная, вот, и вообще дура. Я потом проревела полдня в бумажке, пока не пришел Артюшка и не сказал, что Карик просит за дуру прощения, хотя он так сердит из-за этой палки, что даже устроил Ксане настоящий разнос, когда та за меня вступилась.

— Наше будущее зависит от этих палок, — гнусая и выпятив указательный палец, принялся пародировать Карика Артюшка. — Палки — наша с вами обязанность и часть распорядка. Без палок мы бы давно уже сдохли, а с

ними, как видите, живем. Каждая палка — наш шаг вперед к самопо... самозна... самозва... самопозва... проклятье, забыл. В общем, к чему-то очень хорошему шаг. И непременно вперед.

Я прыснула, и мы с Атрюшкой отправились в едальню.

Едальня — это одна из комнат в доме. Кроме нее есть еще пять — две спальни, бездельня, бумажня и мусорка. Мыльню, где висит душ и стоят штуковины для всяких дел, мы за комнату не считаем.

Кроме палок у меня еще две обязанности, как и у каждого из нас. Читать и рассказывать. Рассказывать еще куда ни шло, а вот читать я ненавижу. Атрюша тоже не любит, хотя и делает вид, что ему нравится. Зато Ксане я завидую: она однажды сказала, что читать для нее уже не обязанность, а удовольствие и обещала, что когда-нибудь и для меня станет. Хорошенькое удовольствие — буквы разбирать, у меня от них в башке настоящая каша. Карик сказал, что будет подбирать мне книжки полегче, пока не привыкну. И, конечно, соврал, ничего легкого в том, что он подбирает, нет. А та, с которой сейчас мучаюсь, вообще кошмар, хотя и картинки красивые. Про дрянного мальчишку, которому в глаз что-то попало, он замерз и стал совсем противным. И про глупую девчонку, которая стала его искать потому, что он ей брат. Будь у меня такой брат, ни за что искать бы не стала. Надо, кстати, спросить у Карика, что такое брат, тогда, может, понятней станет. В общем, эта девчонка, Герда, где только не побывала, пока искала, и несколько раз чуть не сдохла. Скорее бы уж нашла, что ли, а то сил нет читать про всю эту тягомотину.

Вечером, перед тем, как рассказывать, Карик иногда пересчитывает палки. С таким умным видом, будто он прохесор из той книжки, с которой я до этой Герды мучилась. Сегодня Карик насчитал девяносто две палки и, напустив на себя важности, сказал, что прошло уже три месяца с того дня, как мы начали новую жизнь, и это, мол, хорошо.

— Да чего хорошего-то?! — не выдержала я. Не могу смотреть, как он бубнит себе под нос, пока считает. — Сколько можно их пересчитывать? Мне палки уже по ночам снятся, тошно мне от них, глядеть на них не могу. Нет, ну скажи мне, нам всем скажи, что мы здесь делаем? Зачем? Для чего я ставлю на стене проклятые палки? Для чего читаю дурацкие книжки, от которых никакого толку? У Герды есть брат Кай, — меня понесло, я уже почти кричала. — У глупой сопливой Герды есть брат Кай, дурак и задавака. Он пропал, этот поганец, и она его ищет. — Теперь я уже орала, размазывая слезы по щекам. — Кому он нужен, этот Кай, кому вообще нужна эта история, когда мы все здесь скоро сдохнем?! Сдохнем, сдохнем же, как вы этого не понимаете, сдоооооооохнем!

Я замолчала. Мне хотелось сдохнуть прямо сейчас. Я ненавидела. Ненавидела все. Этот дом. Эту едальню. Кашу, безвкусную, которой давишься, когда пихаешь в себя. Приторные, липкие сухофрукты, не лезущий в горло хлеб. Этих двоих мальчишек и девчонку, неизвестно как и почему оказавшихся здесь со мной. В этом доме, будь он проклят, будь оно все проклято. Мне страшно, мне смертельно страшно. Я сны кошмарные вижу. Я тону в

них, каждую ночь тону. Меня засасывает. Затягивает в огромную кучу сухофруктов, они давят меня, липнут, лезут мне в рот, дом смеется, ухмыляется, подхихикивает. Я кричу, ору, я воплю по ночам от ужаса.

— Успокоилась? — тихо спросил Карик, когда я, выдохшись, опустилась на прилепленный к полу стул. — Значит, так, завтра ты свободна. Утром начертишь на стене палку и можешь идти играть в свои куклы. А сегодня, будь добра, соблюдай распорядок, тебе понятно? Так, давай, Ксана, рассказывай.

Пока я, утирая сопли и слезы, приходила в себя, Ксана рассказала, о чем несуразная книжонка, которую она сегодня читала. Одно название чего стоит — «Попа лярная меди цинская эн цик лопедия», попробуйте выговорить. Ксана прочитала пока на букву «А», и то не все, а сейчас увлеченно рассказывала о жуткой болезни с не менее ужасным названием «аборт». Я ничего не поняла, кроме того, что этот аборт убивает детей, и мне опять стало страшно. Потом Артюшка сказал, что хватит, иначе его стошнит, но Карик велел ему заткнуться, а сам аж руки потирать от удовольствия начал — так ему этот аборт по душе пришелся.

— Умница, — сказал Карик, когда Ксана, наконец, замолчала. — Я, кажется, начинаю кое-что понимать. Давай, Артем, твоя очередь.

Тогда Артюшка принялся рассказывать совсем ужасные вещи. Как много людей убивают друг друга за просто так, и это занятие у них зовется войной. Особенно не понравились мне те, которые начинали всю эту войну и назывались короли. Я подумала, что Снежная Королева, укравшая у Герды дурочка Кая, наверняка девчонка этих королей и живет с ними в одном доме.

Ну, а под конец Карик нам выдал. Такое сказал, что даже спокойная Ксанка опешила и едва не подавилась кашей. А сказал он, что начал читать книгу с названием ро-бо-то-те, дальше не выговорить, и в той книге, мол, написано, что наши учителя были, оказывается, не люди. А железяки, которые называются роботами. И что роботы вовсе не сдохли, когда произошла катастрофа, а попросту сломались. А раз так, то, значит, можно их починить.

А вечером в душе я едва не сдохла со страха. Но испугалась на этот раз не за себя. Ксана... Она мне такое сказала. А потом и показала. Ксана!.. Я не знаю, как без нее буду. Это ужасно, это просто кошмарно, я хотела бежать сказать Карику, но она запретила.

Ксана скоро сдохнет. Она уже два дня это скрывала. И вела себя, как ни в чем не бывало, я бы на ее месте уже давно голосила об этом на весь дом. В общем, из нее течет кровь. Нет, не течет, хлещет. Много крови, гораздо больше, чем было у меня, когда я порезала палец. Кровь не остановить, она течет изнутри, марля, которую Ксана отыскала в мусорке, не помогает.

Что же я теперь буду делать?... Что я буду делать без Ксаны... Что я бу...

3. Карик

Ночью я проснулся от крика. Я вскочил на койке и принялся озираться. Кричал Артем. Орал пронзительным голосом что-то невразумительное, я ошалело вслушивался, потом спрыгнул, наконец, с койки, добрался до Артюшкиной кровати и затряс его за плечо. Крик оборвался. В тусклом свете с

потолка, который никогда не гаснет и потому сводит нас с ума по ночам, я смотрел на Артема. Он, распахнув глаза и закусив губу, уставился на меня остекленевшими от страха глазами.

— Ты кричал, — объяснил я. — Орал во сне. Приснилось что-нибудь?

— Лена, — сказал он. — Мне приснилась Лена. Она...

— Большое дело, — облегченно вздохнул я и присел на край его койки. — Ленка приснилась. Она мне тоже скоро сниться начнет, до того надоела своим вечным нытьем.

— Ты не понимаешь, — едва шевеля губами, прошептал Артем. — Она мне не просто приснилась. Она... Мы...

— Что она? Что вы?

— Карик, — Артюшка рывком поднялся и сел на койке рядом, глядя на меня исподлобья. — Мне приснилась Ленка. Голая. Я видел ее будто наяву. А потом я... Мы с ней...

— Да что вы с ней?! — рассердился я. — Толком скажи, хватит уже мямлить, я спать хочу, в конце концов.

Артюха смолчал, и я, так и не узнав, что он делал во сне с Ленкой, плюнул и отправился досыпать.

На следующее утро закончился хлеб.

— Как же это, а? Ребята, как же мы? — растерянно озиралась Ленка. — Артемчик, Карик, миленькие, что же теперь будет?!

Я пожал плечами.

— Ничего не будет, — сказал. — Мы станем жить без хлеба. До тех пор, пока не закончатся каша и сушеные фрукты. Тогда мы больше не станем жить. Если...

— Что если? — бросилась ко мне Ленка. — Что, Карик, что если?!

— Если ты не перестанешь валять дурака, — сказал я жестко, — и будешь делать то, что тебе говорят. Это ко всем относится, — обвел я взглядом ребят. — И ко мне в первую очередь.

— Да что мне говорят? Что? — привычно запсиховала Ленка и, как обычно, перешла на крик. — Читать дурацкие книжки? Про гадкого утенка, про мертвую царевну, про котов в сапогах? Зачем, ну зачем нужна вся эта муть! Ты думаешь, я дура, да? Нет, скажи, думаешь?

Я поднялся на ноги. Мне надоело, смертельно надоело, просто осточертело с ней церемониться.

— Да, — сказал я. — Думаю, что ты — дура. Набитая сопливая дура. Прокру от тебя никакого, ноль. Ты знать ничего не желаешь, кроме того, что тебе, видите ли, страшно. Что ты не хочешь подышать. А мы, думаешь, хотим?! Я хочу? Ну! Отвечай! Я хочу сдохнуть? А они, они хотят?

Ленка так и осталась стоять с открытым ртом. Пятое колесо в телеге, пришла мне на ум фраза из недавно прочитанной Артемкой книжки про очередную войну. Вот она кто — пятое колесо в нашей телеге. Которое нам подсунули вместо так необходимого четвертого. Неизвестно кто подсунул, неизвестно зачем.

Я опустил на стул и закрыл глаза. Бессмысленно, подумал я. Все, что мы делаем, бессмысленно. Уже почти год, как я заставляю ребят читать и

сам читаю, словно оголтелый. И что толку? Да, мы много узнали. Мы узнали, откуда берутся дети. Уразумели, что у каждого ребенка должны быть мать и отец. Но тогда почему их нет ни у кого из нас? Где моя мама? Женщина, которой положено обо мне заботиться. Где Ленкина мама? Ксанина, Артюшкина?.. Почему нас бросили здесь, в этом проклятом доме. Кто мы друг другу? Братья и сестры? Тогда мы должны быть похожи друг на друга, а мы все совершенно разные. Может быть...

— Слышишь, Карик, — прервал мои сумбурные мысли Артем. — Ты больше никогда не будешь говорить то, что сказал сегодня. Ты понял меня? Никогда!

Я открыл глаза. Артюша стоял рядом с Ленкой, обнимая ее за плечи, а та, как всегда, редела, правда, на этот раз беззвучно. Я вскинулся было, чтобы сказать Артемке, куда он может идти, защитник хренов, но внезапно осекся.

— Прости, Лен, — я встал и, подойдя к ним, обнял обоих, быстро прижал к себе и отпустил. — Это не ты, это я безмозглый дурак. Давай я тебе объясню еще раз.

В книжках написано все. Вообще все, это мне учитель еще говорил, я прекрасно помню. Надо только найти это, понимаешь? Прочитать, усвоить, а потом применять. У нас нет другого выхода, только этот. Мы или найдем в книгах объяснение тому, что с нами происходит, или сдохнем. Да, конечно, мы можем сдохнуть, даже если найдем. Но мы должны хотя бы попытаться. Обязаны. И вот что я вам скажу... Впрочем, Ксюша, скажи лучше ты.

— Карик прав, — Ксана подошла к Ленке, мягко отстранила Артема и принялась гладить спутанные светлые Ленкины волосы. — Мы уже очень много знаем, Лен. Может быть, нам осталось всего чуть-чуть. Мусорка забита железной рухлядью. Помнишь, как мы стаскивали туда все, что валялось в доме после катастрофы? Только это не рухлядь на самом деле. Это механизмы, автоматы, понимаешь? Они сломались. Мы уже близко, Лен. Поверь, осталось еще чуть-чуть, немного, может быть, совсем ничего. И завтра мы починим первый автомат. Который, может быть, принесет нам еду. Или хотя бы сделает здесь уборку. А возможно, и не принесет, и не сделает, зато сможет починить второй. Мы уже знаем, что заставляет автоматы двигаться. Это энергия, роботы питаются энергией. Осталось только понять, как и откуда ее добыть. Но в книгах это есть, надо только найти, понимаешь?

— Бумажня забита книгами, — всхлипывая, запричитала Ленка. — Там их тысячи, в бумажне, как их можно все прочитать?

— Во-первых, не бумажня, — сказал я. — Комната, в которой книги, называется библиотекой. Кстати, бездельня на самом деле — гостиная, а едальня — столовая, или, если угодно, кафетерий. Во-вторых, не обязательно читать все книги. Надо просто найти нужные. Вот этим, Лен, ты с завтрашнего дня и займешься. Нет, не с завтрашнего, а с сегодняшнего. Ты отправишься в библиотеку прямо сейчас. Обязанности читательницы я с тебя снимаю, ты права, толку от твоего чтения немного. Так вот, с этой самой минуты назначаю тебя библиотекарем. У тебя очень мало времени. У нас всех мало. И ты свое время потратишь на то, что разберешь книжные завалы. И отберешь те книги, которые мы будем читать. Никакой беллетристики. Электротехника.

Электроника. Кибернетическая механика. Прикладная математика. И компьютерное программирование. Да, мы совершенно ничего не понимаем в этих науках, я попросту зазубрил их названия. Но будем понимать, клянусь мамой. Той, которой у меня нет.

4. Ксана

Я часто думаю о том, как отношусь к Ленке. Моя единственная подруга, может быть, даже сестра. Запоем нянькающаяся с куклами, пока мы втроем читаем и учимся, и то, и другое тоже запоем. Ленка и сама-то похожа на куклу, особенно на одну, которую она называет Мэри. Вырыла эту Мэри в мусорке из кучи хлама и радовалась так, словно клад с сокровищами раскопала. Если не считать того, что у Мэри не хватает правой руки, то она — копия Ленка. У обеих огромные синие глаза, да и выражение этих глаз почти одинаковое — глуповатое. У обеих густые длиннющие светлые волосы. Совсем, кстати, не похожие на мои, пегие и редкие. У обеих пухлые, сердечком, губы. Как-то утром в едальне я пошутила, что Ленка скоро превратится в свою Мэри, если будет продолжать с ней возиться. Сказала, что у нее уже выросли выпуклости, совсем как у Мэри выше пояса, только намного крупнее. И еще чуть-чуть — они не поместятся в майку, а то и разорвут ее. А сама подумала, что у меня-то этой пакости, к счастью, нет.

Ленка тогда как раз жаловалась Карику, что устала перетаскивать с места на место книги, и ныла, что надо бы выделить Артюшку ей в помощь, а то она, дескать, не справляется, и вообще тяжело ей. А про выпуклости услышала и вдруг замолчала, да как уставится на меня. Молчит и смотрит, не мигая. Я почувствовала себя неудобно, словно глупость сморозила, хотя ничего глупого, вроде бы, не сказала. А тут еще Артюша покраснелся весь и давай мямлишь что-то невпопад, а сам на Ленкины выпуклости так и косится. Тогда Карик сказал, что хватит, мол, болтать ерунду, а надо соблюдать распорядок. Иначе сдохнем, и те, кто с выпуклостями, и те, кто без. И отправил меня читать медицинскую энциклопедию, в которой я основательно застряла на букве «Г».

Перед сном я специально посмотрелась в зеркало, чтобы убедиться, что во мне нет ничего от Ленкиных кукол. Зеркало у нас одно, висит на стене в безделье, его туда Артюшка по Ленкиной просьбе лентой примотал. Я к нему и не подхожу почти, так, раз в день-два, может быть, загляну. А Ленка все время вертится. И чего она там высматривает? Однажды раскопала в мусорке рваную тряпку, синюю и в цветочек. Обмотала вокруг себя, завязала сбоку узлом и давай вертеться. Ну, вылитая Мэри, на той тоже рваная тряпка, и тоже в цветочек, только розовая.

В общем, поглядела я в зеркало, ничего нового в себе не нашла и собралась было идти спать, но тут выилась Ленка с Мэри своей подмышкой и давай кривляться да строить зеркалу рожи.

— Делать тебе нечего, — сказала я, раздраженная Ленкиным мельтешением, — ну, что ты все время здесь вертишься, налюбоваться, что ли, на себя не можешь?

Она тогда кривляться перестала и вновь уставилась на меня, как утром в столовой. А потом взяла и сказала:

— Хватит уже завидовать. Я что, виновата, что ты уродилась дурнушкой?

— Кем уродилась?! — ахнула я. — Ты что, Леночка...

— Дурнушкой, поняла, дурнушкой! — заорала вдруг на меня Ленка. — Гадким утенком, как в сказке. Только ты не превратишься в белую красивую птицу, хоть всю жизнь будешь мне завидовать, пока не сдохнешь. Хоть всю жизнь будешь читать свои дурацкие умные книжки. Ты так и останешься плоской, корявой уродиной.

Тогда я заплакала. Заревела навзрыд. До этого я никогда не позволяла себе реветь, вообще никогда, плаксою у нас была только Ленка. Прибежал Артюшка, за ним Карик, мне что-то говорили, по-моему, утешительное, а я редела, и редела, и не могла остановиться. А когда, наконец, отревела, и в голове у меня прояснилось, я внезапно все поняла. Это просто пришло ко мне, пришло ниоткуда. Я — некрасивая. Неказистая. Я корявая. Я — жуткое, отвратительное страшилище.

После этой истории мы не разговаривали с Ленкой целых десять дней. Я приходила в спальню, ложилась и молча отворачивалась к стене. Утром вставала и отправлялась в библиотеку, даже в столовую не ходила. Карик приносил мне сдобренную сухофруктами кашу и глядел виновато. Я читала, читала и читала, пока не закончила всю энциклопедию вплоть до болезни с нехорошим названием «ящур». А вслед за энциклопедией взялась за анатомический атлас.

Я узнала много вещей. Очень много. Я узнала, что Ленкины выпуклости, те, которых нет у меня, не пакость, а женская грудь. Я узнала, что кровотечения, от которых я мучаюсь и которые недавно начались и у Ленки, называются месячными и означают, что мы готовы к зачатию. Я узнала, как оно происходит, это зачатие. Я поняла, почему у Карика и Артема ниже пояса начинает вдруг выпирать, когда они глядят на Ленку. И с горечью поняла, почему ничего не выпирает, когда они глядят на меня.

Наконец, после долгого перерыва я появилась в столовой, села на свое место, оглядела всех и принялась рассказывать. Я говорила долго, очень долго. Я рассказала им, откуда мы взялись. Рассказала, кто такие на самом деле мать и отец, и что они делают для того, чтобы у матери появился ребенок. Рассказала, что у нас не может быть общих родителей — хотя бы потому, что мы родились в один день, все четверо, пускай и забыли, в какой. Пока были живы учителя, мы праздновали наш день рождения, один на всех, а потом, естественно, перестали. И еще я рассказала, сколько нам лет.

— Плюс минус год. Как это называется, Карик, кажется, погрешность? Так вот, с погрешностью в один год наше физическое развитие соответствует возрасту пятнадцати лет. Мы можем считать сегодняшний день вторым днем рождения и дальше вести отсчет от него. И еще: то, что с нами, а вернее, с вами — я усмехнулась — сейчас происходит, называется половым созреванием. В этот период некоторые люди начинают вступать в половые контакты. А некоторые — нет, — я опять усмехнулась. — Тем, кто желает

вступить в половой контакт с единственным пригодным для этого объектом, — я вскользь посмотрела на Ленку и усмехнулась в третий раз, — рекомендацию предварительно проконсультироваться с врачом. А за неимением такового — со мной.

— Ксюша, — сказал Карик, прервав завершившее мою речь затяжное молчание. — Никто пока никуда вступать не собирается. Это раз. Спасибо тебе. Это два. А в-третьих, скажи мне вот что. У нас всех были матери, так? И отцы. Ну, допустим, отцы не столь важны, но матери... Они ведь произвели нас на свет, не так ли? И бросили. Заперли в этом доме, а сами исчезли. До семилетнего возраста нас воспитывали и учили механические создания — роботы. Потом произошла катастрофа, на дом что-то упало или, наоборот, сам дом упал или врезался во что-то, и учителя сдохли. Почему же не вернулись наши матери? Почему нас не забрала, ведь матерям положено заботиться о детях, я это точно знаю, так написано во всех книгах.

— Понимаешь, Карик, — сказала я задумчиво, — у меня есть версия. Сумасшедшая. Но ведь то, что с нами здесь происходит, уже сумасшествие, само по себе. Так вот, мне кажется, что над нами поставили эксперимент. нас поместили сюда, на языке медицины наш дом назывался бы изолятором. И наблюдают за нами — выживем мы или сдохнем. Я читала, что такие эксперименты ставят на животных. На мышах, на крысах, самые сложные — на обезьянах. А на людях — нет, это запрещено. Поэтому я пришла к выводу, что эксперимент над нами — тайный. И те, которые его поставили, никогда не позволят нам выжить, иначе тайна окажется разглашенной. Поэтому речь, мальчишки-девочки, всего лишь об одном — о том, как долго мы еще протянем.

5. Артем

Сегодня я сделал открытие. Карик так и сказал — открытие. Как ни странно, сделал я его благодаря Ленке. А может быть, наоборот — вопреки Ленке, зависит от того, как посмотреть. Разбирая последние завалы в бумажне, черт, никак не привыкну говорить «библиотека», она наткнулась на толстенную книгу, и на книгу-то вовсе не похожую. Вместо обложки у нее были лишь два листа плотной бумаги, а страницы между ними оказались не скреплены.

Ленка собиралась уже отнести эту недоделанную книгу в мусорку, но в последний момент передумала и решила сначала показать мне.

Название было дурацкое, глупее не придумаешь — «Положение о космической экспедиции к планете ЕН-2016-14». Из всех слов я распознал лишь «положение», но куда и что положили, не понял. Я принялся лениво перелистывать страницы и выборочно просматривать текст. Легче не стало. Слова, которыми текст был насыщен, казались полной галиматьей. Я раздраженно продирался сквозь парсеки, маршевые двигатели, отражатели и прочую ахинею, и уже собирался было от этой ахинеи избавиться, когда внезапно прочел такое, что едва не остолбенел.

На странице под номером сто восемнадцать я наткнулся на список имен.

Имена стояли друг под другом и были пронумерованы. Всего их оказалось одиннадцать, ровно столько, сколько нас было в доме до катастрофы. И под номером девять стояло имя Артем Суровцев. Мое имя.

Я ворвался в бездельню, тьфу, черт, в гостиную, волоча за собой за руку ошалевшую от такого обращения Ленку. Карик с Ксаной как раз обсуждали что-то чрезвычайно научное и, забыв захлопнуть рты, уставились на меня, схватившего Ленку в охапку и принявшегося отплясывать с ней дикий танец вокруг вделанного в пол металлического стола.

— Артем, что случилось?! — пришел, наконец, в себя Карик.

Вместо ответа я с размаху бросил книгу на стол так, что листы разлетелись и потом пришлось долго их собирать.

Следующие три недели мы были заняты изучением книги, которая, по словам Карика, на самом деле называлась папкой с отчетами. Даже Ленка забросила своих кукол и жадно ловила каждое слово Карика, зачитывающего содержание папки вслух, и Ксаны, комментирующей прочитанное и то и дело заглядывающей то в астрономический справочник, то в толковый словарь.

Под конец мы знали о себе все. У нас не было родителей, ни у кого не было. Мы родились в инкубаторах, зачатые искусственно, из донорских детородных клеток. Родились на сто восемьдесят второй день полета. Наш дом оказался космическим кораблем. Который летел к неизведанной планете в отдаленной от Земли звездной системе. С расчетом, что должен достигнуть ее через тридцать пять лет после старта. Так, чтобы мы были в расцвете зрелости на момент прибытия, провели пять лет в исследовательской работе и успели вернуться на Землю, не умерев от старости.

— Мы не знаем, почему произошла катастрофа, — сказал Карик после того, как папка была, наконец, освоена полностью. — Но это и неважно. А важно то, что мы продолжаем лететь. Хотя и на потерявшем функциональность корабле. Попросту говоря, на неуправляемом железном корыте. И важно то, что мы оказались, — Карик ткнул пальцем в схему на одном из папочных листов, — изолированными в герметичном отсеке. И еще важно, что из отсека есть выход, — Карик кивком показал на крытый металлом проем в стене бездельни, который мы называли дверью и к которому опасались даже приближаться, потому что те, кто вышел в эту дверь, назад не вернулись. — И, наконец, важно то, что на корабле есть генератор. Вот здесь. И аварийный генератор, который сейчас работает и худо-бедно поддерживает нам жизнь. И есть гидропонная оранжерея и при ней кибернетический повар, и они пока еще функциональны, хотя производят всего лишь два наименования. И есть рефрижераторы, есть кинозалы, есть компьютерные комнаты, есть склад. Сколько же тут всего есть! Надо только добраться.

— И еще, — сказала Ксана. — Те, кто вышел из двери сразу после катастрофы, давайте, кстати, называть эту дверь шлюзом, возможно, не сдохли. А сидят запечатые, как мы, только в других отсеках.

— Они сдохли, — сурово сказал Карик. — Погибли. Наверняка. Нечего тут. Жилой отсек только этот, наш, остальные для житья не приспособлены.

Так вот, у нас две задачи. Первая — выбраться отсюда и достичь хотя бы склада. И вторая — не сдохнуть при этом.

6. Ленка

Жалко мне ее, Ксанку. Вот ведь как бывает: вчера еще в рот ей заглядывала и завидовала тому, как складно она говорить умеет. А сегодня... Не нравятся она мальчикам, я такие вещи теперь хорошо вижу. Ни Карику, ни Артюше. Им я нравлюсь. Сегодня я забыла запереть мыльню, когда залезла под душ, и тут Карик вошел, да так и остолбенел на пороге, будто страшилище Горгону увидел из той книжки, которую меня заставлял читать. На мне только полотенце и было, вокруг бедер завязанное. Ну и глазища у Карика сдєлались. Интересно, у Артюшки стали бы такие же, окажись он сейчас здесь... Карик принялся лепетать что-то, извиняться невнятно, никогда не слышала, чтобы он слова так коверкал.

Я рассмеялась, вытолкала Карика из мыльни и сказала, чтобы в следующий раз стучал, прежде чем вваливаться. Он даже поправлять меня не стал, чтобы называла мыльню ванной комнатой, хотя обычно сам не свой, когда говоришь неправильно.

Тем же вечером я лениво укладывала Мэри спать и думала о том, как пялился на меня Карик. И вдруг поняла, что мне нравится, как он смотрел. Потом поглядела на Мэри и поняла, что та мне надоела. Я повертела Мэри в руках и внезапно, ни с того ни с сего, запустила ей в стену.

— Сдурела?! — спросила Ксана сердито.

Тогда я показала ей язык и, выкатив глаза, стала изображать остолбеневшего Карика на пороге мыльни. Ксана молча смотрела, потом покрутила у виска пальцем и принялась устраиваться спать. Мне спать не хотелось, и я отправилась проверить, что делают мальчишки. В безделье я нашла Артюшку, который сказал, что я сногшибательная, и объяснил, что это означает «очень красивая». Мы принялись болтать о всякой ерунде, и я не заметила, как оказалась рядом с Артюшкой, и вдруг увидела его глаза прямо напротив моих. У меня внезапно отчаянно заколотилось сердце, сама не знаю с чего. А потом Артюшка вдруг притянул меня к себе и прижался своими губами к моим. И я почувствовала... Я почувствовала, что у меня закружилась голова, и стало вдруг тепло в низу живота, и... Мне показалось, что я поплыла. Нет, не я, дом поплыл вокруг меня, стены закачались и отодвинулись, и я схватилась за Артюшку изо всех сил, чтобы не упасть. Он задышал жарко и вдруг принялся стаскивать с меня майку. И мне захотелось избавиться от этой майки, мне казалось сейчас очень важным, чтобы ее не было, я стала помогать ему, руки не слушались, проклятая майка будто прилипла ко мне.

В этот момент в безделье появился Карик и сходу принялся орать. Нас с Артюшкой друг от друга отбросило, и я схватилась за край стола, чтобы не свалиться, потому что дом продолжал плыть, а стены качаться, хотя теперь уже не так быстро. Я не слышала, что Карик сказал Артему, вернее, слышала, но до меня не дошло — слова тоже плыли вместе с домом и стенами и проплывали мимо меня. Я только поняла, что слова были обидными, очень

обидными, и Артюшка, ласковый, улыбочивый Артюшка, вдруг, оттолкнувшись от пола, прыгнул к Карику и с размаху ударил его сжатым кулаком по лицу.

Они стали драться. Я заорала от ужаса и хотела броситься к ним, но не смогла двинуться с места, я будто приросла к полу. На мой крик прибежала из спальни растрепанная Ксана и, на секунду замешкавшись на пороге, кинулась разнимать, а я так и стояла как врытая на месте и с ужасом думала о том, что мне хорошо и приятно. Приятно потому, что дрались из-за меня.

Потом Карик ушел, с грохотом хлопнув за собой дверь, а Ксана принялась кричать на Артюшку, и тот, виновато потупившись, терпел. Затем Ксана обернулась ко мне.

— Что, рада? — спросила она издевательски. — Довольна? Ты хоть понимаешь, что ты наделала, дрянь?!

Мне стало обидно, потому что вовсе ничего такого я не наделала. Виновата я, что ли, если кому-то приспичило из-за меня подраться. Так я Ксанке и сказала, и еще добавила, что из-за нее-то точно никто здесь драться не станет.

Следующие несколько дней прошли, словно мы разучились говорить, все четверо. Молча встречались в едальне, молча и торопливо расправлялись с осточертевшей всем кашей и молча расходились каждый к своим книжкам. И так продолжалось до тех пор, пока однажды Карик не сказал, что если мы будем продолжать в том же духе, то наверняка сдохнем, причем в самое ближайшее время. И еще он сказал, что распорядок меняется. С сегодняшнего дня, мол, все наши усилия будут направлены не на то, чтобы учиться, а на то, чтобы выйти из жилого отсека наружу. Потому что или мы отсюда выйдем, или сдохнем, третьего не дано — так и сказал. Потом поднялся с места и, бормоча что-то себе под нос, заходил вокруг стола, а мы втроем сидели, молча уставившись на него, и ждали, что будет дальше.

Только сейчас я обратила внимание на то, как сильно Карик изменился. Стал высоким, плечистым, редкие короткие и колючие волосы разрисовали щеки и подбородок. Я перевела взгляд на Артюшку, он тоже изменился, но меньше. Над верхней губой у него пробился легкий светлый пушок, плечи немного раздались, но в остальном он остался прежним — ласковые добрые глаза смотрели так же дружелюбно и доверчиво, длинные русые волосы так же падали в беспорядке на лоб, доставая до широких, вразлет, бровей. Он красивый, просто красивый, поняла я. А Карик — мужественный, пришло откуда-то подходящее слово. Я закусила губу. Мне они нравились, оба. Но не так, как раньше, мне они... Как мужчины, внезапно дошло до меня. Мне они оба нравились как мужчины. И Артем нравился больше.

Следующие дни мы только и занимались тем, что готовились к выходу. Вернее, они втроем занимались. Ксана и Карик перебрасывались мудреными словами. Артюша изредка вставал, а я молча сидела, смотрела на них поочередно, и мне было страшно. Очень страшно, я цепенела от ужаса. Я знала, попросту знала неведомо откуда, что выйти отсюда означает сдохнуть. Так я им и сказала, и Ксанка сразу набросилась на меня с упреками, что я паникерша.

— Лена правду говорит, — внезапно прервал Ксану Карик. — Выйти отсюда с большой вероятностью означает именно сдохнуть. Мы не знаем, что там, снаружи. Возможно, разгерметизированные отсеки. Возможно, утечка. А возможно, попросту завалы, заклиненные двери, искореженное оборудование, так что будет не пробиться. Но идти надо, идти надо непременно. Добраться до склада и запустить сменных роботов. Хотя бы одного рабочего робота. Всего-то километр идти, а... В общем, я так решаю — я пойду. Один. Вам идти ни к чему.

— Один ты не пойдешь, — закричал на Карика Артем. — Понятно? Мы пойдем вдвоем, девочки пусть остаются. Один ты никуда не пойдешь!

— Пойду, — сказала Карик. — Ты останешься здесь. Потому что... Понимаешь, исследовательская программа рассчитана на одиннадцать человек. Ровно столько нас было до катастрофы. Возможно, удастся обойтись чуть меньшим количеством. У нас впереди почти двадцать лет. И первые пять из них вполне пригодны на то, чтобы довести количество членов экипажа до нужного. Тебе понятно?

— Ты что же, имеешь в виду?... — раскрыл рот от неожиданности Артем.

— Ага. Именно это. Что смотришь? — обернулся Карик ко мне. — Тебя это напрямую касается. И тебя, — он окинул взглядом Ксану, которая мгновенно стала пунцовой. — И чтобы без предрассудков! — Карик грохнул кулаком по столу. — Послезавтра я ухожу.

7. Артем

Я вышел из спальни через час после того, как Карик заснул. Тихо притворил за собой дверь и отправился к шлюзу. Содрал ленту с открывателя. Лентой его замотал Карик, тогда, после катастрофы, когда стало ясно, что семеро детей, вышедших в эту дверь, уже не вернуться. Я помедлил секунду и поднес к плоской черной коробке открывателя ладонь. Зажегся слабый красный цвет, помигал и сменился на зеленый.

Я стоял и заворожено смотрел, как ползет вверх массивная металлическая дверь. И когда ее нижний обрез поравнялся с моей головой, выдохнул, чуть пригнулся и шагнул в проем. Я ожидал, что увижу за дверью коридор, тот, которому проходит первый участок пути. Я запомнил маршрут — просидел над схемой всю предыдущую ночь, пока не заучил ее наизусть. Первый коридор, обозначенный на схеме знаком Q-прим. Однако коридора за дверью не оказалось. Вместо него была вторая дверь, такая же, как первая, и такая же плоская черная коробка с правой стороны, только не замотанная. Я шагнул к ней и поднес ладонь. Та дверь, что осталась за спиной, стала опускаться, и, едва ее нижний обрез коснулся пола, начала подниматься та, что передо мной.

Я закрыл глаза и с минуту постоял так. Можно было еще вернуться, тогда завтра этим путем отправится Карик. Никто даже не узнает, что я струсил в последний момент, стоит только вновь замотать лентой открыватель.

Я стиснул зубы и шагнул вперед, в коридор. Дверь за моей спиной поехала вниз. Я встряхнулся, сбрасывая оцепенение, и сделал первый шаг по направлению к цели. За ним второй. Через минуту я уже почти бежал.

Я знал, на что обрекаю Карика. На то, что не смог бы вынести сам, окажись я на его месте. На вечные угрызения совести. Конечно, лишь в том случае, если я схожуну. Ненавижу это слово, не знаю, почему с детства мы говорим о смерти именно так. Если я погибну... Только кто сказал, что я должен погибнуть. Девять лет уже прошло, все те опасности, о которых говорил Карик, вполне возможно, исчезли. Коридор передо мной пуст, сейчас я доберусь до поворота, и будет другой. Вот он, поворот, и ничего со мной не случилось. И не случится.

В том месте, где Q-прим поворачивал и переходил в R-прим, я увидел скелет. Он лежал на полу, приткнувшись в правой стене. В пяти метрах от скелета поперек коридора распростерся второй.

Меня передернуло, затем прошибло холодным потом. Я замер на месте. Это был знак. Знак беды, понял я отчетливо. Я стоял рядом с останками двоих родившихся со мной в один день детей и не мог сдвинуться с места.

«Возвращайся, — властно велел внутренний голос. — Там, дальше — смерть».

— Замолчи, сволочь, — сказал я своему второму «я». — Заткнись, трусливая паскуда, гадина.

Я перепрыгнул через человеческий костяк и заспешил дальше.

8. Карик, Ксана, Ленка, Артем

— Давайте, что ли, девочки, — Карик разлил по пластиковым стаканчикам слегка забродивший виноградный сок. — Спасибо, ты можешь идти, — сказал он роботу-официанту. — Скажи там, на кухне, что можно начинать готовить десерт. Тебе нельзя еще, — обернулся Карик к маленькому Артему, тянущему ручонки к пластиковой стопке с импровизированным вином. — Вот когда станешь большой, как... Как...

Артем возмущенно захныкал. Ксана улыбнулась и, подхватив сына, усадила его на колени.

— Папу надо слушать, — назидательно сказала она. — А не реветь попусту. Папа хотел сказать, что вина детям нельзя. А можно будет, когда вырастешь и станешь большой, как сам папа.

— Я не это хотел сказать, — хмуро обронил Карик.

— Мы знаем, — Ленка поднялась со своего места, обогнула стол и села рядом с Кариком. Она была уже на седьмом месяце и поэтому передвигалась без обычных легкости и изящества. — Мне, в общем-то, тоже нельзя, да и Ксюше, наверное, не стоит. Мы лишь пригубим, ладно? Давайте, за него! За его память.

Карик опрокинул в себя содержимое стопки. Ровно два года назад их осталось трое. Артем умер через три месяца после того, как добрался до склада и сумел запустить первого ремонтника. Лучевая болезнь. Кибернетический доктор, над запуском которого лихорадочно бились дни и ночи напролет остальные трое, встал в строй слишком поздно и поэтому не успел.

— Иди к тете Лене, — Ленка протянула руки к малышу. — Ксюшка, не жадничай, давай его сюда, с моим, небось, будешь нянкатся напропалую.

Ксана вновь улыбнулась и протянула не прекращающего хныкать Артема Ленке. Материнство изменило ее, и однажды Ленка сказала, что Ксану, особенно когда та улыбается, можно запросто считать хорошенькой.

— Бывают же на свете вкусные вещи, — Карик отхватил ножом ломоть от толстого, исходящего соком куска буженины, протянул Ленке. — Ну да, знаю, искусственное, — сказал он. — А по мне так лучше всякого настоящего, тем более, что настоящее никто из нас не пробовал да и вряд ли когда попробует.

— Почему вряд ли? — немедленно возмутилась Ксана. — Вот доведем до максимальной выработки ферму, потом разберемся в эмбрионном сейфе и, как знать...

— Что-то пока никак разобраться не можем, — проворчал Карик. — Эй, Роб! — крикнул он. — Иди сюда!

В дверях немедленно возникла неуклюжая приземистая фигура старшего по науке.

— Что по сейфу? — хмуро спросил робота Карик.

— Работаем, хозяин, — научник переступил с ноги на ногу. — Ребята стараются. С вероятностью семнадцать целых восемьсот тридцать...

— Понятно, свободен, — Карик вскинул ладонь. — С вероятностью, без вероятности, — передразнил он робота. — Стараются. Старатели хреновы. Ладно, что будем делать вечером, девочки?

— Посмотрим кино, а? Карик, ну пожалуйста, — кокетливо протянула Ленка. — Мы давно собирались. Что-нибудь начала двадцать первого века. С Томом Хэнксом, а? Про космических монстров.

— Спать потом будешь плохо, — начал Карик и осекся, а затем покраснел. Он так и не привык к тому, что проводит ночи с двумя женщинами поочередно. Несмотря на все уговоры, что в их положении это необходимо, да и попросту естественно, Карик смущался и краснел каждый раз даже от малейшего намека на интимную жизнь членов экипажа.

— Я тоже хотела бы кино, — поддержала Ленку Ксана. — Про монстров, так про монстров. И вообще, надо больше отдыхать. А учиться меньше. Хватит уже с нас этой учебы, всему все равно не выучимся.

— Ладно, — Карик поднялся. — Побудьте-ка пока без меня. Пойду, прощвырнусь до генераторной, надо посмотреть, чего там копаются эти железные бездельники.

— Защитный костюм не забудь, — строго велела Ксана.

— Да зачем? Позавчера же запускали контрольную бригаду — уровень радиации после очистки намного ниже критического. Повсеместно.

— Ты наденешь костюм, Карик, — безапелляционно сказала Ленка. — И никаких возражений, тебе понятно? Ну, пожалуйста, — добавила она, — ради меня. Ради нас.

— Хорошо, как скажешь, — Карик покорно кивнул и направился к выходу.

— Знаешь, Ксана, о чем я частенько думаю? — протянула Ленка, меланхолично глядя удаляющемуся Карика в спину.

— О чем же?

— Нам надо быть очень внимательными и деликатными с ним. Понимаешь, ведь он один все это сделал. Если бы не он, нас уже никого давно не было бы в живых. Я думаю, что то, что он для нас сделал, называется подвигом. Только подвиг Карика — тихий и совсем не геройский. Героем стал Артем, а по сути...

— А по сути, — прервала Ксана, — ты как назовешь своего первенца?

— Что за вопрос? Разумеется, в честь отца — Кариком. Артем у нас уже есть.

— Кариком, — улыбнулась Ксана. — Это не его имя.

— Черт! — ахнула Ленка. — Действительно же. Я совершенно забыла. Да и ты хороша. Идиотки, не знать имени мужчины, с которым спишь.

— Ну, не знаешь, положим, ты одна. А я сразу заглянула в список членов экипажа, еще тогда, когда Артем принес из библиотеки «Положение об экспедиции». Карика на самом деле зовут Виктор. Виктор — значит победитель, Лен. Мы с тобой — подруги победителя. И наши дети — они тоже станут победителями. Непременно станут.

Годовалый Артем подтвердил слова матери жизнерадостным пронзительным воплем.

АЛЕКСАНДР ЧУРАЕВ

ЭКСПЕДИЦИЯ АРГО

ИЗГОТОВИТЬ ФОРСУНКУ И ПОДАТЕЛЬ СМЕСИ оказалось нетрудно: корабельная мастерская была хорошо оснащена. Механизм запала также трудностей не доставил: маленькая паяльная лампа в кожухе ствола. Тадеуш мог бы улыбнуться, заканчивая работу, но удовлетворения он не чувствовал. В его сердце жил только страх.

Тадеуш соединил баллон и огнеметный механизм. Подключил компрессор к переходнику.

– Вот так, – сказал он, вытирая лоб. Манометр на баллоне показал растущее давление огнесмеси.

– Чистый огонь – то, что нужно, – прошептал Тадеуш, словно хмельной. Его бежевый комбинезон потемнел, местами лоснились пятна, походившие на мазутные. Но эмблема «Медицинская служба “Арго”» на правом рукаве белела как ни в чем не бывало. Тадеуш специально протер ее влажной тряпкой.

– Я – врач, – сказал он себе. – И выполняю свой долг!

Компрессор негромко щелкнул и смолк, манометр показал рабочее давление.

Тадеуш подхватил баллон, накинул ремни на плечи. Тяжесть за спиной придала уверенности, рукоятка огнемета удобно легла в ладонь. Врач направился к выходу из полутемной мастерской. Но не дошел до нее метров десять, когда бронированная дверь с шипением ушла вбок.

На пороге возник кибернетик экипажа, чернокожий добродушный геркулес Джим.

– Док, мы тебя потеряли! – сказал он, улыбаясь. – И коммуникатор твой не отвечает. Зачем прячешься?

Тадеуш остановился, глядя на великана. «Он наверняка уже отравлен, – подумал врач. – Они все здесь уже не люди. Не люди! Проклятье! Я должен успеть...»

– Что это у тебя, док? – спросил Джим, переступая порог.

– Сейчас узнаешь, ниггер, – серьезно сказал Тадеуш, плавно передвигая флажковый сегмент запала. Острый язычок синего пламени возник в зеве ствола.

Джим отступил на шаг, потрясенный словами врача. Тадеуш надавил спуск.

– Черт! – Джим кувыркнулся в сторону.

Огненная струя туго хлестнула по дверному проему и опала. Стальная переборка и комингс горели, копоть кружилась в воздухе кошмарным снегом.

Тадеуш моргал, не разглядев – достал он кибернетика, или нет. Джим вскочил, пока врач не выстрелил снова, и бросился вон из мастерской. На выходе хлопнул кнопку аварийной блокировки. Дверь с грохотом закрылась, будто ею выстрелили, и огонь запоздало ударил по бронеплите.

– Подлая гадина! – прохрипел Тадеуш и снова плеснул пламени на дверь. – Но ничего, нелюди... ничего!

Он развернулся и побежал ко второму выходу. Он обойдет другими коридорами, но это будет дольше.

В навигационном зале было полутемно. Тихонько пели, перекликаясь, приборы, и за обзорным экраном на всю стену простирался космос.

Командир первой межзвездной экспедиции Игорь Державин смотрел на звезды и слушал приборные трели. Конструкторы снабдили системы звуковыми выводами: так советовали специалисты. Мелодии и звуки сочинял целый коллектив композиторов при участии психологов.

Что же, мастера постарались от души: «Механическая фантазия для Навигационной комнаты» успокаивала, разгоняла томительную жуткую тревогу, возникшую, лишь только начался разгон, и остро вспыхнувшую, когда Кэсвел Симонс...

Браслет-коммуникатор на руке прозвенел, и следом раздался голос Джима:

– Игорь! Блокируй мастерскую, вызови Алексея! Наш доктор рехнулся! Пытался меня сжечь.

Игорь стиснул зубы, приблизил системный монитор, одновременно переключая коммуникатор на Алексея, ответственного за безопасность корабля и экипажа.

Он не стал терять времени, расспрашивая о подробностях. Потому что два дня назад Кэсвел Симонс, инженер-механик, вышел за борт с открытым шлемом, повторяя, как безумный: «Время пожирает нас...»

Игорь заблокировал двери мастерской, включая детекторы перемещения и поисковую систему. Но Тадеуша уже не было там. Игорь заблокировал шлюзы силовой установки корабля. Доктор, впавший в безумие и вооруженный, похоже, не собирался просто покончить с собой.

– Я в курсе, командир, – отозвался Алексей. – Получил доклад Джима. Опять?

– Да, Леша, – сказал Игорь. – Надо поймать доктора, пока не натворил дел. Разрешаю открыть арсенал.

– Понял. Постараюсь взять целым и невредимым.

Тадеуш пробирался техническими коридорами. Проклятые нелюди! Они постараются убить его, это ясно.

Время пожирает нас, сказал покойный Кэсвел. Он-то знал правду, и подержал бы Тадеуша.

Они даже не смогли поймать труп: Кэсвел прыгнул с борта «Арго», и неторопливо исчез за кормой в черной бездне, утыканной темно-красными звездами.

Тогда-то Тадеуш понял, тогда-то все стало ясно. Кэсвел покончил с собой, потому что знал, чем все это закончится.

– Но... ты мог бы помочь мне, друг, – выдохнул доктор, карабкаясь по лестнице. Выбрался на уровень, ведущий к оранжерее.

– Ничего... – хрипло шептал он на бегу. – Я справлюсь и сам.

Доктор ступил на решетчатый настил оранжереи. Вдоль центрального прохода тянулись к светильникам растения, журчала едва слышно вода в оросительной системе. Тадеуш двинулся вперед – туда, где почти скрытая пышной зеленью побегов блестящая дверь главного переходника.

Он шел осторожно, стараясь не шуметь. Ствол в его руках покачивался, рыская по сторонам в поисках жертвы, остря синей иглой запала. Капля пота скользнула по виску, щеке, оставив зыбкий след.

Сзади раздался звонкий стук. Доктор крутанулся, присаживаясь для стрельбы с колена, но в проходе было пусто.

– Не пугайся, Тадеуш, – заговорили из-за спины. Доктор понял, кто: Алексей, офицер безопасности. И он перехитрил Тадеуша! А ведь оставалось совсем немного. Вот уже, шагов тридцать до двери переходника с красным восклицательным знаком, и дальше – длинный технологический коридор и силовая установка, фотореактор «Арго»...

– Лучше не надо туда, там сильный фон, – сказал Алексей.

Тадеуш спокойно повернул голову. В проходе стоял Алексей, рукава его комбинезона были закатаны по локоть, открывая жилистые предплечья. В руке он держал пистолет.

– Это не важно, Леша, – ответил доктор. – Лучше помоги мне.

– За этим я здесь, – сказал Алексей. – Пойдем, с фотореактором все хорошо. Зачем лезть в исправный механизм?

Алексей улыбнулся.

– Я знаю, что он неисправен, – ответил Тадеуш с болезненной ухмылкой.

Он стал поворачиваться, поднимаясь. Алексей следил за ним, по-прежнему улыбаясь, но пистолет направил выше, на доктора.

– Это бывает, – заговорил Алексей. – Знаешь ведь и сам, накатывает здесь порой на всех...

– Да, – усмехнулся Тадеуш. – На всех!

Он дернул стволом, нажимая спуск, но пистолет Алексея хлопнул раньше. Огненный выхлоп коротко хлестнул вбок, поджаривая молодые листья, ствол огнемета уже выпал из рук Тадеуша. Сработала пожарная система.

Доктор повалился на решетчатый настил, загромоздил баллоном. Офицер безопасности зло утер лицо ладонью и включил коммуникатор.

Игорь, Алексей и Джим собрались в навигационной. Молчали, глядя на экран. Джим работал с корабельными системами.

– Спасибо, Леша, – сказал Игорь. – Хорошо ты его взял, без крови.

Алексей кивнул. Он стрелял мощным транквилизатором.

Джим покосился на них.

– Пусть теперь в лазарете поскучает... – произнес кибернетик и продолжил громче: – У меня все в норме. Ничего такого ни снаружи, ни внутри корабля, чтобы впасть в безумие.

Игорь поглядел на большой экран. Длинные столбцы цифр, графики, модели корабля. Да, ничего загадочного.

– Тадеуш и был до сего дня нормальным, – отозвался Игорь. – Что же это? С Кэсвелом началось сразу, как набрали девять десятых световой...

– Световой припадок, – предположил кибернетик. – Как название для болезни?

– Не слишком убедительно, – ответил Игорь. – Лучше – релятивистский психоз.

– Слишком длинно, – сказал Алексей. – Но похоже на правду. Будем анализировать? Искать причины? Устранять?

Трое замолчали на минуту. Установилась мрачная тишина: навигационная тоже молчала.

– Очень опасно, – сказал Игорь. Помассировал пальцами лоб. – Может накатить снова, внезапно и на всех сразу. Будет корабль с экипажем безумцев.

Алексей кивнул, разглядывая жутковатую панораму пространства.

– Тогда надо забираться в морозильник? – уточнил Джим.

– Получается, так, – ответил командир. – Есть возражения?

Первым уложили Тадеуша, который был еще без сознания. Затем забирались сами. Криогенные камеры для гибернации настроили на автоматическое пробуждение по прибытии в систему, когда скорость станет уже совсем не релятивистской. Лишь камеру Тадеуша поставили в режим ручного пробуждения. На всякий случай.

Звезда, похожая на Солнце, стала уже самой яркой среди прочих, корабль продолжал торможение. Астрономический комплекс заработал в поисках планет, астероидных поясов. Две нашлись быстро – газовые гиганты, удаленные от материнской звезды на многие астроединицы в холодные и темные области системы.

Когда настало время будить экипаж, обнаружилась и небольшая, земного типа.

Игорь, Алексей и Джим работали в навигационной, улыбаясь друг другу. Тадеуша оставили в гибернации.

«Арго» чертил высокую орбиту над планетой, почти безводной и каменистой, словно полупустыня. Но там оказалась земная сила тяжести, кислородная атмосфера – настоящий мир, пригодный для жизни.

Космонавты изредка еще вздрагивали, тело неохотно избавлялось от ледяного сна, но в эйфории и не замечали этого: корабль вышел в точку назначения, открыта планетная система с кислородным миром, и даже тоскливая горечь потери отступила сейчас, притаилась на дне души.

Командир включил песню из старого фильма, из своего глубокого детства – «Арго». Подумал, что песня эта понравится товарищам.

Джим отвлекся от экранов, прислушиваясь. Алексей улыбнулся Игорю.

– Какая томительная и зовущая, – тихо сказал Джим. – Это флаг разлуки, странствий знамя вечное... – напел он вслед за мелодией в проигрывше.

Игорь бездумно кивнул ему, сам захваченный ритмом. Взгляд потерял строчки на экранах, искал теперь что-то в небообразимой дали.

– Командир, – негромко окликнул Алексей.

Игорь моргнул и чуть тряхнул головой, отгоняя видение.

– Это хорошая песня, командир.

– Да, – сказал Джим. – Она про нас.

Поступали данные от зондов астрокмплекса.

Следы протоплазмы, редкие бактерии. Нет лесов, вулканов, серьезных атмосферных фронтов. Планета казалась почти стерильной и вращалась вокруг оси, вертикальной к орбите.

– Мужчины! – воскликнул Джим. – Посмотрите-ка сейчас же! Это черт знает что такое!

Точная геометрия. Рукотворные объекты.

– Это тянет на космодром! – сказал Игорь. Добавил увеличения. Снимок был сделан уже в сумеречной зоне, вблизи терминатора, но огромное поле с темными проплешинами, дорожки, строения, механизмы, вроде чудовищных козловых кранов, и башни виднелись отчетливо. На краю снимка явно проступала разноуровневая транспортная развязка.

– Может, это и массовая галлюцинация, – проговорил Алексей, изучая экран. – Но сойдет за мыс Канаверал... Если его забетонировать. Весь. Что думаешь, Джим?

– Похоже... – отозвался тот. – Только стартовых площадок нет.

Аргонавты переглянулись. Игорь проверил радиодиапазон еще раз. Джим покачал головой. Эйфория незаметно исчезла, оставив зябкую, неуютную дрожь.

– Тихо здесь, только естественный фон. Да и сооружение это выглядит так, словно бросили его давно.

– Чужая цивилизация? – спросил Алексей. – Или же...

– Да, летели мы триста лет, – усмехнулся Игорь. – Земля нас могла опередить, научились летать быстрее света...

– И, похоже, опередила, – сказал Джим. При этом он поморщился, словно зуб заломило.

– Ты чего? – спросил Игорь.

Джим молча дал крупный план построек около развязки. Серый прямоугольник, очевидно, кровля какого-то склада или ангара; ровно очерченное поле, и выделялись на нем... огромные латинские буквы. Похоже, сделали их специально такими, чтобы видны были с воздуха, с кораблей, заходящих на посадку.

Игорь и Алексей присмотрелись, но общий смысл надписи не был ясен.

Джим запустил программу обработки изображений. Через несколько мгновений – будто с поля сдули песок и полили – буквы проступили отчетливо, потемнели и сложились в надпись:

SEARS. Starring on the stars!¹

– Так, – сказал Игорь.

Алексей прищурился, потер ладони.

– А ведь почти разорились в свое время, – произнес Джим. – Акции ни черта не стоили.

Все трое переглянулись.

Охватило их вязкое, тяжелое ощущение, как в болезненной дреме, словно и не было этого полета на огромном корабле, сумасшествия и гибели товарища, пустынного мира. Разве может человек достичь звезд?

Наваждение прошло. Знакомая рубка была вокруг и – чужая планета за обзорным иллюминатором. И снимки, висящие на голографическом экране, и огромная надпись. Надпись подтверждающая: человек может достичь звезд.

– Версии? – спросил командир.

– Первая, – сказал Джим, – и единственная реалистичная: нас опередили.

– Вторая, – подхватил Алексей. – Над нами ставят эксперимент.

– Третья: это другая цивилизация, но пишут по-английски, – закончил Игорь без улыбки.

– У меня чувство, точно вместо Санта Клауса притаился судебный пристав, – сказал Джим.

Кибернетик откинулся в кресле и развернулся к иллюминатору в полстены. Планета была на месте.

Алексей постучал по клавишам.

– Тогда выясним, зачем пожаловал, – сказал он и посмотрел на Игоря.

Тот кивнул.

– Готовьте планетарный катер.

Створка отсека тяжело поднималась, открывая черное пространство. Виден был яркий край планеты, чуть размытый, туманный.

Алексей поднял катер над палубой, тихо тронул его вперед, к внешним воротам.

Джим изучал мониторы, стараясь не смотреть на пространство.

– Мне не по себе, если честно, – сказал он.

Алексей кивнул ему.

– И мне, Джим. Эта каменюка похожа на дом с привидениями. – Алексей посмотрел на планету. – Но командиру тоже не сладко оставаться одному.

Игорь следил за катером. Вот он, похожий на старый самолет-невидимку, отошел от борта «Арго». Вот уже удаляется, уменьшаясь все быстрее. Вот его искорка погасла в черноте пространства.

¹ SEARS – название сети гипермаркетов в США.

Starring on the stars (англ.) – главная роль среди звезд, – вымышленный слоган.

Игорь выключил звуковое сопровождение приборов, не вставая с кресла, открыл дверь в коридор. Он хотел слышать корабль.

Показалось, или невесомый шепоток пронесся где-то?

Командир заставил себя не оглядываться на открытую дверь. Он один здесь.

На темной стороне планеты засветилась точка. Остывая, прочертила нелинейную линию и пропала.

Над далекими горами еще светлела полоска заката. Бетонное поле, на котором Алексей посадил катер, казалось бесконечным. Иногда проносилась пыльная поземка, словно поле вздыхало.

Они подогнали катер к портовому комплексу – огромному зданию с панорамными окнами, на которых был слой пыли толщиной с книгу. Над головами, где-то высоко, темнели балки кранов. Уходили в обе стороны ржавые рельсы.

Алексей и Джим осматривались, проникаясь мрачным величием этого места. Они откинули шлемы и вдыхали сухой, холодный воздух планеты.

Джим посмотрел вдоль рельс. Тронул Алексея. В стене комплекса виднелись распахнутые ворота, рельсы ответвлялись, исчезали там.

– Посмотрим? – спросил Джим.

– Обязательно, но только не пешком.

Алексей вывел вездеход из катера, оставляя в пыли следы гусениц. Аргонавты устроились в кабине, закрыли люки. Машина покатила вперед, освещая путь мощными прожекторами.

Внутри комплекса были те же ржавые рельсы, козловые краны, помельче тех, что снаружи, наклонные фермы и бетонные марши – видимо, остатки сложных конвейерных путей. Потолок едва угадывался в свете прожекторов вездехода, а стены уходили вдаль, словно это был какой-то чудовищных размеров коридор. У стены они увидели штабель светлых пластиковых ящиков, в каждый из которых поместился бы танк.

На одном из них смогли прочесть:

Земля, Владивосток – Новая Мексика, система Z Орла, Брэдфорд. По-ставщик: Объединенная корпорация Роботикс. Отгрузка: 2276, единое время 04: 55...

Дальше текст не читался. Джим сделал несколько снимков, отправил их командиру на «Арго». Тем временем Алексей забрался на ближайший ящик, осмотрелся. Впрочем, упаковка оказалась пуста.

– Корпорация Роботикс, – хмыкнул он. – Интересно, что тут было.

– Автоматические ассенизационные машины, думаю, – отозвался Джим.

– В общем, ясно. Когда уходили, все мало-мальски ценное забрали. Посмотрим, что в Сирс делается? Может, на распродажу успеем!

Они забрались в кабину. Выехали через ворота. Алексей прибавил скорости, и вездеход понесся вдоль рельс. В лучах фар мелькали опоры кранов, возникали погрузочные платформы. Впереди показалась разноуровневая развязка, Алексей направил вездеход на дорогу, спиралью уводящую вверх.

– Вот она! – сказал Джим. Перед развилкой был указатель:

Сирс. Вам сюда

Аквариум гигантского торгового центра бы темен и пуст. Такие места не должны быть темными и пустыми, особенно ночью, слишком жутко они тогда выглядят. Особенно на планетах, только что обнаруженных.

Несколько витражей стояли разбитыми. Алексей завел машину прямо в торговый зал. Завихрилась потревоженная пыль, колонны рядами уходили и терялись в темноте. Дальше проехать не получилось: путь преградила цепь кассовых островов без аппаратов, огражденная поручнями. Алексей осветил прожектором по сторонам. Кроме серых колонн в зале ничего не было.

– Конечно, всю электронику, стеллажи, холодильники и что там еще снимали, – произнес Алексей, вглядываясь.

Джим кивнул.

– Постой-ка, – сказал Алексей. Он осветил поручни ближайшего кассового участка.

– Видишь? Поручень из секции выпилен.

Он выпрыгнул из кабины, постоял немного, осматриваясь и прислушиваясь. Затем подошел к ограждению.

– Свежий срез, довольно аккуратный.

Джим присоединился к нему. Оглядел поручни, кассовый остров. Краска на металлической его обшивке облупилась, истерлась. Из пластикового кобоба торчали три серых провода, аккуратно обрезанных. Джим осветил на ближайшую колонну. На ней виден был выцветший и сорванный наполовину, словно этикетка с бутылки, рекламный постер:

Распродажа переносных холодильников. Две недели супер-цена 13.99\$ вместо ~~15.25\$~~

– На распродажу явно опоздали, – сказал Джим. – Эх...

Он сильно ударил по колонне. Сморщился, затряс рукой. Алексей внимательно посмотрел на кибернетика.

– А знаешь, – сказал тот. – Я хотел и в то же время не хотел в эту экспедицию. Я занимался интересными, серьезными разработками, едва ли не единственный черный в штатах. Да-да! – закивал он, встретив недоуменный взгляд Алексея. – Несмотря на всю показную политкорректность, именно так: единственный. Мне казалось порой, что эту свободу слова специально придумали и выпустили в мир, чтобы разрушить его. Теперь вы не просто можете быть кретинами, вы можете гордиться этим! До сих пор считаю, что меня выдвинули для полета из-за этой фальшивой политкорректности! Ну, и заодно сместили с программы исследовательского центра. Сочетание приятного с полезным, чтоб его.

– А почему ты согласился?

Джим пожевал губами, все еще изучая рекламный постер.

– Я ждал, как бы это, откровения, что ли. Увидеть другой мир! Вдохнуть чужого воздуха. Встретить братьев по разуму, или, на худой конец, – величественные города и увековеченную мудрость другой цивилизации. Мудрой, гуманной, счастливой!

Джим сплюнул в пыль.

– Но вместо этого – объявление о распродаже переносных, чтоб им пусто было, холодильников! Понимаешь?

Алексей кивнул. Положил руку на плечо кибернетика и даже сквозь плотную ткань комбинезона ощутил, как напряжены мышцы Джима.

– Понимаю, – сказал Алексей, – мы достигли Колхиды, но нет ни золотого руна, ни даже дракона.

Джим усмехнулся, в его темных глазах появилась улыбка, добродушная, как и сам Джим обычно. Он хлопнул Алексея по спине, задев автоматический карабин.

– Так и ты без дела останешься, если дракона нет.

Они снова были в вездеходе, он нес их по дороге сквозь каменистую пустыню. Путь лежал в сторону далекого города, единственного на планете. Они еще надеялись хоть что-то найти. Что-то такое – в этом не признались бы даже себе – из-за чего не напрасным окажется этот полет длиной в триста лет. Золотое руно, быть может.

– Все это так, – сказал Алексей. – Но почему никто нас не встречает? Неужели забыли?

– А ты помнишь когда, откуда и куда плыло первое паровое судно и как оно называлось? – спросил Джим. – А ведь не так уж давно это было. Да что там первый пароход! Про Колумба-то сможешь вспомнить точно?

Алексей покачал головой.

– Только примерно.

– То-то же. А здесь триста лет! Я думаю, забыли про нас, вот и все. Видишь, полеты теперь обыкновенное явление. И ничего в мире не поменялось. Вряд ли эта цивилизация вообще что-нибудь помнит. Если не так, покажи мне комитет торжественной встречи.

Алексей кивнул; кибернетик привел убедительный довод.

Помолчав, Джим сказал:

– Знаешь, может, и неплохо, что не встречают. Не хочь быть обезьяной в клетке.

Дорога вела в предгорье. Все больше камней становилось вокруг, и впереди пересекали густо-темное небо изломанные горы. В свете фар показалась развилка: направо уводила дорога, покрытая трещинами.

– Сдается мне, – сказал Джим. – Там будет поселок. Проверим?

– Сделаем.

Вездеход неспешно повернул. Минут через десять на обочине показался невысокий столб. На нем когда-то, должно быть, висел указатель с названием поселка – первые дома уже виднелись метрах в трехстах впереди.

Вездеход покатился по центральной улице. С десяток коттеджей вытянулись вдоль нее, глядя черными, пустыми окнами. Вот показалась закусочная – большой каркас под листовой кровлей. Алексей вывел машину на центральную площадь, на которой стояла маленькая католическая церковь, вблизи нее – массивный кирпичный особняк, а дальше громоздились панельные трехэтажные дома какого-то казарменного вида.

– Поселок шахтеров где-нибудь в Неваде, – сказал Джим. – Осмотримся? Вон, рядом с церковью, точно говорю, муниципалитет.

Аргонавты покинули кабину, подошли к двухэтажному зданию. В свете фар протянулись длинные тени от их фигур, легли, изломанные, на мостовую, потянулись вверх по кирпичной стене муниципалитета.

– Точно, – сказал Джим. – Вот и вывеска...

Алексей поднялся по ступенькам к двери, Джим пошел вдоль фасада. Навстречу из-за угла метнулась темная фигура, мелькнули белые пятна глаз.

Кибернетик едва увернулся от ножа, блеснувшего в руке незнакомца.

– А-а... – вскрикнул Джим. Агрессор резко и страшно ударил его в бок ногой.

Алексей обернулся на шум, перекидывая карабин из-за спины, и тут же прыгнул вперед, перекатился – сади возник еще один чужак. Алексей развернулся, скупой очередью прошел незнакомца. Тот глухо стукнулся об стену, сполз, застыл на ступенях.

Джим, лежа на мостовой, держал руку своего противника, в которой был нож, и пытался бить коленом. Враг упорно молча жал всем весом, направляя острие в грудь кибернетика, чуть содрогаясь от ударов.

Тень мелькнула возле вездехода, отвлекая Алексея. «Целая банда?» – пролетела мысль. Он резко перекатился еще раз, убираясь из светового пятна. Вовремя: от вездехода грохнул выстрел, пуля визгливо срикошетила от стены. Алексей метнулся к Джиму, в прыжке сбил врага, вогнав ему в висок ствол. Ощутил хруст, тело нападавшего вздрогнуло и обмякло.

Алексей повел карабином, выцеливая третьего. От вездехода послышался удаляющийся топот.

– Живой? – спросил Алексей шепотом.

– Да.

Алексей побежал частым зигзагом, выглянул из-за кормы вездехода. Темная фигура быстро удалялась, вот-вот скроется за коттеджем. Алексей поднял карабин, но не успел и прицелиться, как странный треск раскатился в тишине, и фигура подломилась на бегу, полетела на землю.

Из темноты раздался грубоватый, спокойный голос:

– На виду стойте. Ствол – вниз.

Джим поднялся, держась за бок, сказал:

– А вот и шериф, мать его.

Стрелок, которого звали Сэм, оказался не шерифом. Он был пилотом в отставке.

Сэм пригласил Алексея и Джима к себе – он жил один в квартире на третьем этаже панельного дома. Все остальные были пусты. Алексей заметил это, поднимаясь по темной пыльной лестнице вслед за Сэмом.

В жилище отставного пилота стоял диван, два потертых кресла, холодильник, похожий на гигантское синее яйцо. Оттуда хозяин достал упаковку пива, совершенно такую же, какую Алексей, бывало, покупал в супермаркете рядом с домом.

– Угощайтесь, – сказал Сэм. Открыл банку, не дожидаясь гостей, и стал

хлебать, проливая пиво на седую бороду, на джинсовый комбинезон, расстегнутый на волосатой крепкой груди.

– Стоит на три дня отлучиться, – сказал он, осушив банку. – Так черт те что происходит с этим спокойным городком.

Джим прислушивался к его необычному акценту – Сэм словно глотал слога.

– Гребанные бичи, – прорычал хозяин. – В метрополиях сидят тихо, что мыши. А на периферии выделяются.

– А как узнали, что это бичи? – спросил вдруг Джим.

– Я с гор подъезжал и увидел катер – точно на троих. Характерное ведро, бичевское. Только чего они тут забыли, в этой глуши? Думаю, поломались, или по городу решили прошвырнуться.

Хозяин вдруг засмеялся – тяжело, недобро.

– Но это они зря. В городе, хоть и запустение, община мормонов живет. Они бичей очень уж любят! На кресты вешать.

Джим кивнул, слегка улыбнулся. Он, похоже, успел отойти после схватки, хотя и трогал временами бок, слегка морщась. Алексей следил за ним, но больше – за хозяином. Банку он все же открыл и тянул теперь прохладное пиво. Делать, наверное, этого не стоило, мало ли что там может быть?

Но пиво оказалось отличным.

– Сколько же сейчас человек на планете? – спросил Джим.

Хозяин засопел, заулыбался еще шире.

– Давка натуральная здесь, неужто не заметили? Со мной и вами – человек пятьдесят наберется. Эту задницу, Колхиду, уж лет тридцать как из лоций вычеркнули.

Алексей с Джимом переглянулись.

– Колхида – хорошее имя для планеты, – сказал Джим осторожно.

– Да, вытянули имечко откуда-то, лет триста назад, – сказал хозяин и махнул рукой. – А до того как из лоций удалить, сняли орбитальный сервер сети. Вот такая глухая дыра. Мормоны тут и поселились. Любят глушь, оболтусы. Вы, как понимаю, первый раз на нашем, хе-хе, курорте? С Кассиопейского, говорите, альянса?

Алексей покосился на кибернетика. Джим покачал головой. На площади после перестрелки, когда выясняли, кто есть кто, кибернетик сказал Сэму, что они – экипаж каботажного судна «Арго». На шевронах комбинезонов это название – порт приписки Брэдфорд, Новая Мексика, система Z Орла, слышали? Сэм, впрочем, оказался не дотошным, выпытывать детали не стал.

– Новая Мексика, – поправил Джим.

– А, точно-точно, – сказал хозяин, хлопнув себя по лбу. – Бывал пару раз. Периферия, да...

– Давно здесь отдыхаете-то? – спросил Джим. Алексей оценил маневр кибернетика: незачем заводить разговор об этой неизвестной Новой Мексике, система Z Орла, о которой они не знают ничего кроме названия, и что объединенная корпорация Роботикс отгружала туда из Владивостока ассенизационные машины.

– Лет десять, – сказал хозяин. Он ухватил новую банку. – А чего! Климат спокойный, воздух – чистейший. Никакой тебе суеты. А я за жизнь насуетился будь здоров! Иные планеты, особо метрополии вроде Стамбула-3, сущие базары! Людей там, словно мух у навоза в жаркий день.

Алексей рассматривал черную, с ребристым коротким стволом, винтовку хозяина. Тот держал ее словно невзначай под рукой на диване.

– Всяк по-своему с ума сходит, – продолжал хозяин. – Вот, был у меня друг, Ральф. Вместе учились. Пилот почтовых курьеров. Видали эти машины? Быстрые. Так он годам к пятидесяти накопил достаточно, чтобы выкупить такую лохань, не новую, ясный день. И знаете что?

Алексей и Джим синхронно и вопросительно дернули подбородками.

– И купил-таки, осел! Хотя мог взять апартаменты на Луне и скрипеть себе там на пилотскую пенсию, Землей в иллюминаторе любоваться, как носорог.

Джим и Алексей изображали недоверие.

– А все-таки, почему он так? Он еще при выпуске, как сейчас помню, вбил себе в дурную башку, что должен ну хоть тресни повстречать, вы только не лопните – прекрасную инопланетянку! Попалась ему в каком-то журнальчике дивная картинка: небывалой красоты смуглая девчонка с золотистыми лучистыми глазами, на фоне зеленого неба, двойного солнца, оранжевого океана и прочее такое. В серебряном и облегающем, как водится, комбинезоне. Вот и лишился покоя и ума с этой мыслью. Ральф эту картинку из журнала вырезал, пластиком покрыл, и всегда она у него под курсовой планшеткой прижата была, всегда перед глазами.

Хозяин вздохнул, задумчиво припал к банке.

– Это хорошая история, – сказал Алексей. – Я ему вдруг даже позавидовал. А что с ним теперь?

– Кто ж его маму знает? Мечется где-нибудь в окраинах спиральных рукавов, где звезды постарше, а может, и в шаровые скопления нелегкая занесла. Говорят, пять топливных контейнеров загрузил на свою почтовую старушку, с тем и отбыл. Романтик, – сказал хозяин мечтательно. – Пожалуй, только теперь я его хоть чуточку понимать стал. Только не верю вот, что выгорит у Ральфа. За все триста с лишним драных лет космической эры ни единого следа, сигнала, развалин каких-нибудь жалких, ничего! Пусто в нашей галактике, точно в Колхидском порту. Ральфу следовало бы лет этак двести с лишним назад родиться, когда еще была служба глубокого поиска. Быстро ее прикрыли, однако. Нерентабельно, как же! – хозяин скривил губы, почесал бороду. – Оставили только коммерческие перевозки. Все, мол, исследовано, на тысячу лет освоения хватит. Хотя я слышал, чудаки в отдаленной группе колоний... э-э... содружество свободных земель, кажется, отправление экспедиции на разведку. Они там вообще от торговли и радостей пренебрежения отказались, счастливое общество строят.

Алексей и Джим слушали с интересом, пытаясь представить этот новый мир.

– А на Земле бывали? – спросил Джим.

– Был однажды, как раз перед тем, как здесь осесть. Ничего не меняется. Та же сотня куполов, разбросанная по континентам, хе, под которыми сохранилась растительность. Эти же чертовы города-офисы с замкнутым жизненным циклом. Ну и Луна в небе, будто шербатый железный шар, вся застроена.

Хозяин оживился, схватил очередную банку.

– А слышали вы недавнюю историю? Много шума было!

– Что за история?

– Как из криогенного хранилища вышел один, большая шишка. Он целиком залег в спячку лет триста назад, верите? Тогда это только миллиардерам по карману было.

– Нет, не слышали, – сказал Джим. – И что с ним?

– Отстали вы ребята от жизни, – вздохнул хозяин.

Алексей невесело рассмеялся.

– Богатей этот, значит, пришел в себя после заморозки. Походил, посмотрел новую Землю, даже на Луне побывал. В информатории посидел тоже. И!.. – хозяин заулыбался, выдерживая паузу.

– Что? – спросил Джим.

– Вернулся назад, в хранилище. Повелел разморозить, когда коммунизм наступит.

– Он ведь очень богатым проснулся, – сказал Алексей. – За триста лет приличные проценты должны были набежать, нет?

– Денег у него и по сей день немало осталось, – кивнул хозяин. – Только не так, чтобы всю Землю скупить или что-то вроде. Там же обвал сто десятого года, забастовка космоперевозчиков – все это дерьмо банковские счета малость выпотрошило, хе-хе...

Сэм грузно пошевелился, поднялся с дивана.

– Заболтался я чего-то, как старик прямо. Джим, ты говорил, помнится, у вас на корабле с прыжковым генератором нелады?

Джим осторожно кивнул.

– Ремкомплекта здесь нет, парни. Но есть целый генератор, кварк-глюонный. Не новый, но вполне сгодится. Даже для дьявольских корыт вроде супертранспортов подходит. Тянет, да! Знаешь модель игрек-330?

– Слышал, – ответил Джим. – Верно, дорогая штука?

– Недешевая, – ответил хозяин. – Но вам как родным уступлю в обмен на катер бичей, он же ваш по закону теперь. И вот еще за этот антиквариат.

Сэм указал на карабин Алексея. Алексей слегка напрягся, а Джим сказал быстро:

– По рукам!

Сэм помог им погрузить объемный стальной ящик в кузов вездехода. А перед тем показал содержимое – колонну плотного матового стекла с терминалом и разъемами для шлангов и кабелей. В отдельном ящичке лежал цветной альбом с инструкциями и два компакт-диска.

– Бывайте, парни! Чистого пространства до вашей сраной Новой Мексики, – улыбнулся на прощание Сэм.

Алексей крепко пожал ему руку, и забрался в кабину. Вездеход тронулся навстречу светлеющему горизонту. Сэм махал им вслед, становясь все дальше.

Джим тем временем связался уже с Игорем. Пересказал вкратце о приключении на планете.

- Дела, – только и ответил Игорь. Спросил:
- Теперь у нас есть генератор для прыжка?
- Да, командир. Я его установлю, точно. И мы свободны в выборе пути.
- Отлично, решим только еще, что с этой свободой делать.
- За это не переживай, – встрял Алексей. – Выдай только мне билет!

Они с Джимом не слишком весело засмеялись, командир – слышно было – тоже.

– Да, еще – я разбудил Гадеуша. Тоскливо было одному, видите ли. Говорит, ничего не помнит. Сидит сейчас в лазарете, самоисследованием занимается. Я на всякий случай поставил шлюзы лазарета на свой контроль доступа.

Сэм еще долго смотрел туда, куда увез вездеход этих странных парней. Местное солнце уже выползло и оторвалось от горизонта.

- Новая Мексика, – сказал Сэм себе под нос. – Система Z Орла.

Он бывал в тех местах несколько раз. Жуткая планета с единственным автоматическим космопортом Брэдфорд. Ни одной живой души, только могильники опасных отходов по всей поверхности. Их свозили туда со всего окрестного сектора пространства.

Было и такое в послужном списке: пилот мусоровоза – огромной, почти бесконечной цистерны, которую нужно доставить и сбросить со сверхнизкой орбиты.

Ральф, помнится, подшучивал над ним, – докатился до карьерных высот, адмирал десяти кубокилометров мусора.

Ральф истово мечтал об инопланетянке, а Сэм хотел увидеть Аргонавтов – тех первых, кто ушел в глубокий космос.

Он, похоже, единственный верил в первую экспедицию, которую даже эксперты по истории космогации считали не состоявшейся. За эту его почти религиозную уверенность Сэма едва не отчислили из школы пилотов.

И потом, полет на световых скоростях – экспериментальная экспедиция «Колумб» – привел к панике, помешательству, приступам агрессии среди экипажа. Световой психоз.

Возможно, Сэм ждал бы Аргонавтов вместе с Ральфом, но встреча с иномирянкой захватила того целиком. Каждый по-своему сходит с ума.

Сэм верил и ждал тридцать лет, когда Арго должен выйти в систему. Он не знал точного времени, даже в точке назначения не был уверен. Но – верил.

Он поселился на Колхиде, приготовил прыжковый генератор, на это ушли почти все накопления. Вложил в отсек с документацией два лазерных диска. Там – координаты и описания миров, скудная хроника эры глубокого космоса. Это пригодится Аргонавтам из прошлого.

Сэму они понравились. Он и ждал их такими: спокойными, собранными, сильными. И они умели слушать, Сэм редко встречал подобных парней. Разве что Ральф был из таких.

Весь день Сэм крепко спал. Снилось ему далекая планета, где небо зеленое, океаны оранжевые, а солнце – двойное. И на берегу была просторная хижина из белых пальмовых листьев, где живет Ральф со своей девчонкой, у которой глаза словно золотые звезды.

Проснулся он на закате в хорошем настроении, чувствуя себя счастливым, даже молодым. Прошел в комнату, в которой стоял небольшой радиоприемник. Сэм включил автопоиск передач, ни на что особо не рассчитывая.

Но почти сразу приемник поймал волну. Сквозь помехи – так обычно фонит передача с корабля, на котором запускается генератор прыжка – Сэм услышал голоса. Кажется, он узнал там голос Джима. Они пели дружно, с чувством; тихим фоном шла мелодия.

Сэм прислушался. Он не понял слов, но музыка тронула сердце – томительная и зовущая.

ТАТЬЯНА СТРЕЛЬЧЕНКО

СОННЫЕ ЗВЕЗДЫ

МАРК ПРИЕХАЛ В СРЕДУ, И ЭТО ГОВОРИЛО О МНОГОМ: середина недели, отсутствие средств у посредственного музыканта, некогда родная среда обитания...

Словом, его день.

Зачем приехал? Не знал сам.

То есть знал, конечно: деньги забрать у квартиросъемщиков.

Но ведь и сестра могла приехать, и зять, а он вызвался сам, впервые за много лет.

Город его не ждал.

Город поспешно готовился к какому-то легкомысленно-весеннему празднику, суетился, пыхтел выхлопными трубами авто, дышал талым снегом, морем, подснежниками и очень сердился, если такие, как Марк (хуже татарина, ей-богу!), ему мешали.

Гостиница, где он остановился, была необоснованно дорогой и очень уютной, пыльной, похожей на средневековый постоялый двор... Коней, к слову, тоже хватало.

Владельцем этого удовольствия оказался Витек, дылда из параллельного класса... То есть, когда-то он был в параллельном, а нынче — преуспевающий бизнесмен. Марка Витек узнал и, моментально оценив преимущества встречи, попросил выступить перед почтеннейшей публикой в один из вечеров. Гонорар был обещан вполне аппетитный, и Марк не отказал.

Он вышел из гостиницы опустошенным и растерянным, не зная, куда идти.

Было тепло и тоскливо. И совсем не так, как в детстве.

Как будто тот же переулок Матросова: серые пятиэтажные здания, синие лавочки, переполненные мусорные баки... Но вот гастроном исчез! И кино-театр явно не работает.

Какая-то элитная парикмахерская вместо музыкальной школы... А вот тут раньше была стройка (забраться наверх — дело чести), помнится, он еще руку сломал тем самым летом, когда Светка... Да Бог с ней, со Светкой, интересно другое: строили-строили — и ничего нет! Пустырь. А если пересечь пустырь, повернуть за угол безликого дома, свернуть в подворотню...

...Отчаянно, с надрывом, каркали вороны. В лужах, пахнущих арбузной коркой, плескалось охмелевшее от ранней весны солнце, плавилось, растеклось по каплям, исчезало, уносимое грязным потоком, появлялось вновь.

У ручья сидел мальчик в красной курточке и сосредоточенно бросал в мутную воду камешки.

Тоска!

А когда-то здесь было...

Марк ошарашено уставился на вывеску: кафе «Фортуна».

Ух ты! Надо же! Сохранилось! То самое кафе, где Светка... То самое... Невероятно!

Внутри, как и ожидалось, было темно, прохладно и пахло свежевыпеченной сдобой.

Единственный посетитель, тощий студент с голодными глазами, меланхолично жевал бутерброд за угловым столиком.

Марк сел у окна, заказал латте и ждал свой заказ бесконечно долго, как будто по его прихоти готовили кролика по-лионски или террин из свиных ушек. Все-таки ничего не изменилось в этом кафе! Как радостно, однако, как приятно, что есть вещи, над которыми время не властно: те же серые скатерки и искусственные фиалки в голубых вазочках, а официантов, видимо, по-прежнему тренируют в спецшколе «Бесноватая черепаха» (по крайней мере, так всегда шутили Михалюта и Батон!).

...Михалюта сейчас в Лондоне. После распада их подпольной рок-группы он один сумел добиться настоящего успеха, а вот Батон... Да Бог с ним, с Батоном... кофе-то где?

Марк бездумно уставился в окно: мальчишка в красной курточке, кажется, забыл о камушках и выглядел безоблачно счастливым. К нему подошла молодая стройная женщина, сказала что-то, улыбнулась, зашла в «Фортуну». Марка она не заметила, стремительно пересекла зал, чуть не столкнувшись с хмурым официантом, который нес Марку латте, поднялась по ступенькам на второй этаж.

— Что это за дама? — спросил Марк у официанта.

— Учительница. Занимается музыкой с хозяйской дочкой, — кисло ответил тот.

Действительно, вскоре зазвучали первые аккорды — неумелые, фальшивые. Наверное, «хозяйская дочка» плохо выучила домашнее задание. Рояль страдал, Марк морщился, как от боли.

Последовала пауза, звон посуды на кухне, вязкая, будто кисель, тишина, а после...

Марк услышал, скорее, ощутил... Нет, не так: его *обожгло* музыкой.

Она (музыка!) была горячей, густой, пряной, с кофейным запахом, с привкусом корицы, черного перца и августовского полнолуния. Она завораживала. Она душила. Она бесцеремонно заглядывала в самую душу, срывала замки, шарила по сырým углам.

Ему до нервной дрожи захотелось подняться по ступенькам наверх. Вот так просто подняться, сесть рядом и выпить эту музыку залпом, вот просто...

— В четверг. Ровно в восемь, — вдруг произнес кто-то громко и сурово, совсем рядом, за его спиной. Марк, еще полусонный от горячих звуков,

обернулся. Возле его столика стояла девочка лет двенадцати, тоненькая, темноволосая и очень серьезная.

— Прости, что? — попытался улыбнуться Марк, в обществе детей он всегда чувствовал себя несколько неуютно.

— Да, именно в восемь, я не могу ошибаться, — пробормотала девочка и без спросу села рядом. Столь наглых девочек Марк еще не встречал, он вообще с подростками не общался с тех пор, как сам перестал таковым быть, соответственно, не знал, что в таких случаях нужно делать.

— Ты что, голодная? — спросил он на всякий случай.

— Закажи мне шоколадный пломбир и колу, — потребовала незнакомка и, чуть подумав, добавила: — Пожалуйста.

Официант, конечно, даже не думал подходить. Музыка стихла. Студент, сидевший за соседним столиком, покосился на необычную пару с неодобрением.

«Хозяйская дочка! — наконец догадался Марк, — удрала с урока!»

— В принципе, ты уже вряд ли что изменишь... Сам виноват... Сегодня среда?

Марк машинально кивнул. Вот странная! Откуда только взялась на его голову?

— Тебе музыка понравилась? Я тоже услышала, решила, что нужно тебе сообщить, ты... того... готовься потихоньку...

— Послушай, — перебил ее Марк, — ты на уроке была? Или потерялась?

— Нет. Забавный ты! Какой еще урок! Я к тебе пришла, чтоб предупредить. Потому что — скоро. Уже в четверг! А сегодня среда.

Как бы подтверждая ее слова, на верхнем этаже вновь зазвучали аккорды, некое жалкое подобие музыки... ученица опять села за рояль.

Тогда откуда эта взялась?

На попросайку девочка совсем не была похожа, разве что худенькая очень, фигурка почти прозрачная, будто вырезанная из бумаги, но мало ли... Было в ней что-то смутно-знакомое, что именно, Марк никак не мог уловить, мысленно вспоминая всех племянниц, троюродных кузин, крестниц и дочерей одноклассников.

— А что случится-то в четверг? — осторожно поинтересовался он.

Девочка с непониманием взглянула ему в глаза, и в ее блестящих зрачках Марк увидел себя — усталого и немного злого.

— Я... Я думала, ты и так все понял. Тебя не станет.

Марк поперхнулся холодным латте. Сумасшедший дом! Общение с малолетними психами в его планы не входило.

— Конечно, это неминуемо. Так звезды сложились, такая судьба...

— Девочка, шла б ты отсюда! Моему терпению тоже есть предел! — прошипел он раздраженно.

—...Жаль тебя, очень жаль... Может, если уедешь завтра утром...

— Ты сектантка? Или с цыганами шастаешь? Натаскали они тебя, научили, как людям голову дурить! Вот, возьми десятку и вали отсюда, предсказания можешь оставить при себе!

Девочка обиженно надула губки и замолчала. К столику подошел угрюмый официант, видимо, услышавший громкие и резкие возгласы Марка:

— Что вы ребенка обижаете? Дома будете отцовские нравоучения читать, а у нас тут приличное заведение! Лучше закажите девочке...

— Шоколадный пломбир и колу, — вставила девчонка быстро и, глядя в спину удаляющемуся официанту, прошептала:

— Ты, Марик, потише! Все-таки папаша...

— Какой я тебе папаша? Марик? Откуда ты?.. Кто вообще тебя послал?!

Девочка загадочно улыбнулась, провела пальцем по грязному стеклу, нарисовала корявую звездочку. У нее были красные испарянные ладони и очень тонкие музыкальные пальцы... Удивительное сочетание!

...По улице проехал велосипед, оставляя за собой звонкий собачий лай. Солнце зарумянилось, смутилось, спряталось за тучу. Мальчик в красной курточке, задрвав голову, напряженно смотрел на белесое небо.

— Пожалуйста, послушай меня, Марик! Ты мне, конечно, не веришь, а я все о тебе знаю, лучше, чем ты сам. Знаю, как ты влюбился в Светку-сердце-едку, как познакомил ее с ребятами, как она тебя сначала поддерживала, ходила на все ваши тайные концерты, как ты деньги у отца украл, чтоб подарить ей золотую брошку...

— Откуда ты...

— Не перебивай! У меня мало времени. Я ненадолго пришла, а мне еще много нужно... Потом она сказала, что ты неудачник. И уехала с Батоном в Ригу, а ты остался. Это я тоже помню... Сколько их сыну, десять? А помнишь, ты решил прыгнуть вниз? Там, на стройке... Руку сломал... Правильно? И никто не знал, что это попытка суицида... А я вот знаю...

У Марка кружилась голова. Очень хотелось пить, губы пересохли так, словно он третий день шел по красным пескам пустыни без надежды на оазис. Совсем некстати вспомнилась идиотская песенка, которую он сам сочинил когда-то давно:

На душе скребутся кошки, на душе...

Обещали с милой счастье в шалаше,

Обещали с милой счастье в шалаше,

Но сгорел шалаш, и милой нет уже...

— ...И ты не знаешь, зачем сюда приехал. То есть знаешь, конечно, деньги забрать у квартиросъемщиков, но ведь и сестра могла приехать, и зять, а ты вызвался сам. Впервые.

...Официант наконец принес пломбир и колу. Девочка, сочувственно взглянув на своего собеседника, заказала «минералку для папочки».

— Кто ты такая? — пробормотал Марк еле слышно, но темноволосая девочка услышала и снова улыбнулась.

— Ты меня не узнаешь? Совсем-совсем? Ну, правда, куда тебе! Марик, это сейчас не важно. Четверг близится. В восемь часов ты... тебя не станет.

— Бред какой-то! Бред! Ты просто... Ты нарыла где-то мой старый дневник, теперь вот шантажируешь! Ты — сумасшедшая, чокнутая!

Ему казалось, что он кричит, но сил едва ли хватало на шепот.

— Глухой ты! Я б могла, конечно, рассказать популярно, что тебя ждет. Мол, не ходи по пустынным подворотням, там тебя стукнут по башке, но ты ж не поверишь... Тут нужно подойти к делу издалека, таинственно... Туманные предсказания? Вот им ты поверишь! Марик, запомни: будет утро, синяя дорога, двое в сером съедят своего в черном... В переулке прожужжит шмель... Там опасность! Не поворачивай, слышишь? Лучше сваливай быстрее из этого города... Иначе... ты отдашь свою последнюю рифму, а взамен получишь ветер, отдашь ветер, а в руке останется воздух... Страшно, да? Не дрожи, папочка! А потом... будет вечер, и дождь, и холод... И...

—...Я умру! Ровно в восемь. После дождичка в четверг, — скептически подытожил Марк.

— Я о смерти не сказала ни слова! — возмутилась девочка. — Я сказала... «тебя не станет». Ты просто... сойдешь с ума.

— Что-то ты мутишь! — невесело усмехнулся Марк. — «Такая судьба»... Ой ли? Если тебя цыгане учили, то ты прекрасно знаешь, что у любой истории возможны, как минимум, два варианта развития сюжета...

— Умный! — насмешливо подмигнула ему девочка. — Сечешь! Теоретически сюжет может развиваться по-разному: ты уедешь отсюда завтра на пятичасовом поезде — и все будет, как прежде. Или ты останешься и в восемь вечера сойдешь с ума...

— Или?

—...Или... ну... Туз пик, например, это тот же туз червей, только перевернутый... Цвет, по существу, не имеет значения... Говорят, момент сокрушительного падения звезды совпадает с моментом ее взлета... Есть один такой миг в жизни каждого, звездный час, когда можно обмануть судьбу и влюбить в себя фортуны... Звезды, говорят, в этот миг улыбаются, как дети...

— Кто говорит?

—...Вот если такую улыбку вовремя разглядеть, поймать и держать крепко, не отпуская, тогда все возможно... Да только куда тебе! Уезжай, Марик! Завтра же после обеда — уезжай!

Почтеннейшая публика откровенно скучала.

Марк исполнил одну из собственных композиций, неплохую, в принципе, вещь, но играл он без вдохновения, через силу, все время мысленно возвращаясь к дурацкому разговору в кафе.

Тонкая душа флейты чувствовала его раздражение и гнев, и голос ее звучал сегодня простужено и устало.

«Все она врет! Все! У девчонки просто отличная фантазия!»

«Бред! Не стану же я, в самом деле, верить в рассказы какой-то соплячки!»

«Ух, попадись ты мне!»

Слушатели зевали в кулачки.

Когда-то его учитель музыки, покойный Вениамин Федорович, говорил, что у музыканта всегда найдется хотя бы один преданный слушатель в огромном зале:

— Даже если один-единственный человек слушает тебя, затаив дыхание, играй для него! Играй во всю мощь, во всю силу, словно в последний раз. Играй так, как будешь играть у смерти на балу!

Маленький Марик едва ли понимал высокопарные слова учителя, но картинку будущего представлял отчетливо и, морща лоб, задавался вопросом:

— А если зал совсем-совсем пустой? Если я в нем один?

Учитель тонко улыбался и хлопал мальчика по плечу:

— Все равно играй, главное, играй! Само-заб-венно! Помни, в пустом зале, в самом последнем ряду сидит твоя душа и слушает. И слышит. Играй для нее!

Сегодня зал был пуст, по-настоящему пуст, даже душа Марка блуждала где-то далеко, не слушая простывшую флейту.

Такой уж это был день — среда!

После выступления к Марку подходили какие-то люди, интересовались столичной жизнью и ценами на бензин, передавали привет маме и сестре, приглашали на обед в следующую пятницу.

«В пятницу я уже буду блажен и невменяем!», — с мрачным удовольствием думал Марк, раскланиваясь при этом весьма галантно и не забывая сообщить, что «погоды в столице нынче сырые и промозглые, а цены растут мгновенно, на зависть грибам, дрожжам и детям, употребляющим «Растишку»».

— Спасибо за выступление! — неожиданно к Марку подошла миловидная женщина, та самая, учительница, мастерица по части кипящих кофейных звуков.

— Спасибо? Честно говоря, похвала ваша напрасна. Играл я паскудно.

— Зачем вы так... Я услышала только концовку, но мне, правда, понравилось! Композиция — хороша!

— А вы лучше покритикуйте, проку больше будет. Что-то ведь не понравилось?

Женщина задумчиво откинула светлую прядку со лба, помолчала.

— Ну, если хотите... Вы хорошо играли. Сдержанно и с достоинством. Техника на высоте. Только души не хватало, что ли? Знаете, некоторые умеют всю душу вложить так, словно в последний раз играют, словно завтра не наступит...

— Вы, например? — резко переспросил Марк. Он чувствовал себя гадко. Женщина озвучила его недавние воспоминания с таким невинным видом, что захотелось хорошенько встряхнуть ее! Кто дал ей право лезть в чужие мысли?

— Я? Ой, нет... Куда мне!

Она недоговорила: лунной сонатой разлился сигнал мобильного. Извинившись, женщина вышла из зала и больше не возвращалась.

Марк постоял немного, глядя ей вслед, потом побрел в свой номер, прижимая к груди холодную немую флейту.

Наступил четверг.

На прозрачной нитке горизонта повисло утро, сырое и размытое, настоящее такое мартовское утро, проступающее сквозь трафарет голых веток.

Марк шел по тротуару неуверенно, наощупь пробираясь сквозь густой туман, похожий на ванильный пудинг — хоть ложкой ешь!

Настроение его значительно улучшилось.

В кожаном портмоне появилась пачка хрустящих банкнот, полученных от квартирантов сорок минут назад, а внутренний карман пальто приятно отяжелел гонорар за вчерашнее выступление.

О сумасшедшей девочке Марк старался не думать, и это ему вполне удалось. Мысли его, тяжелые и неясные, вспыхивали в утреннем мареве и гасли. В одном девчонка была права: ловить здесь больше нечего. Он поменяет билет и уедет из треклятого города сегодня же.

Идея эта показалась Марку такой простой и милой сердцу, что он без лишнего раздумий свернул в сторону площади Славы, где, на перекрестке улицы Юных Моряков и проспекта Генерала Медведева, возвышалось безобразное унылое здание. Оно стояло здесь с незапамятных времен и помнило, должно быть, и генерала Медведева, и юных моряков, и тех же моряков, но уже отнюдь не юных. Нынче в утробе серого здания располагались железнодорожные кассы, и этот факт делал его местом оживленным и популярным среди жителей и гостей города. Завидев впереди кирпичную уродину, мигающую сквозь туманную завесу электрическими лампочками, Марк радостно ускорил шаг. Он не чувствовал приближающейся опасности.

В-вжих!

Марк едва удержался на ногах. От падения его спасла скамейка, за липкую, свежевыкрашенную спинку которой он вовремя успел схватиться. Под ногами растекалась яркая лужа синей краски, тут же болтались пустые испачканные ведра... Весь тротуар в пределах видимости был в синих кляксах, а впереди, бурно жестикулируя и живописно чертыхаясь, шли маляры в темных рабочих комбинезонах. Один из них, особенно громкий и взволнованный, был изрядно обляпан краской, второй, постарше, выглядел опрятно.

— Понимаешь, эта тачка выскочила просто ниоткуда. Нет, я понимаю, туман и прочее... Но я же стоял на тротуаре! Не успел докрасить, как она выехала прямо на меня, сбила с ног и скрылась... Водила, видать, пьяный вдрызг! Я хоть испугом отделался... ушибся... Ведра перевернул мне, сволочь! Вон, видишь, даже ворону на обочине сбил!

Марк резко обернулся: возле синеватой кромки тротуара валялась мертвая черная ворона... и не одна! Два крупных серых ворона лакомились своей погибшей сестрой, с удовольствием отщипывая от распотрошенной тушки куски розоватого мяса. Зрелище это было омерзительным, но от него невозможно было отвести глаз. Марк смотрел на желтые клювы воронов заворожено и вспоминал: *«Туманные предсказания? Вот им ты поверишь! Марик, запомни: будет утро, синяя дорога, двое в сером съедят своего в черном...»*

Что там еще она говорила? В переулке прожужжит шмель?

Какой, к черту, шмель в марте, в центре города?!

Да и переулка никакого нет...

Марк огляделся по сторонам, сглотнул.

Переулок был. Совсем рядом.

Марк заметил его не сразу, раньше ничего подобного здесь не наблюдалось.

Переулоч, откуда доносилась музыка... аккордеон. Марк не сразу узнал произведение, а узнав, обмер: Римский-Корсаков, «Полет шмеля», фрагмент из оперы...

Шмель!

Что она там говорила? Не поворачивай... опасность... А он и не повернет, он только подойдет поближе, глянет, кто это так замечательно играет, и все... Потом его ожидает неудобное серое здание и длинная очередь... Вот только б глянуть одним глазком!

В переулке самозабвенно играл мальчик в красной курточке, Марк не сразу понял, что видел этого мальчика вчера возле «Фортуны». Впрочем, совпадения его уже не удивляли, все происходящее он воспринимал несколько отрешенно, как будто читал книгу или смотрел незатейливый фильм. Возле мальчишки громко и неприлично ржали два парня с затуманенными глазами.

— «Мурку» сыграй!

— Ты че... Не понял? «Мурку»!

Мальчик перестал играть, быстро взглянул на парней, начал было играть «Мурку», но аккордеон неожиданно захрипел и выдал нечто несуразное.

Марк знал, что именно сейчас нужно отвернуться и уйти, потому что потом будет поздно. Не стоит ждать, пока обкуренные герои начнут лупить мальчишку, пока...

Поздно! Началось.

Наркоман ударил мальчика по лицу, потом выхватил аккордеон и озлобленно пнул ногой...

Второй, похрюкивая от смеха, моментально присоединился к приятелю.

Марк больше не мог ждать.

«Там опасность! Не поворачивай, слышишь? Лучше сваливай быстрее из этого города...»

Он подбежал к ним и выкрикнул что-то нецензурное, получив в ответ короткий недоуменный взгляд и не менее грязное ругательство, и... удар пришелся в ухо... Потом еще один в голову... Он упал, успев крикнуть мальчику хриплое: «Беги!»

Они били его достаточно долго, по крайней мере, достаточно для того, чтоб потерять сознание.

Воздух звенел в ушах. Кто-то великолепно играл на аккордеоне... Или нет, это, кажется, был рояль... Женщина сидела к нему спиной, перебирала клавиши, пела:

*Если зажмурить глаза, то увидишь звезды,
Красные звезды на черной изнанке века...
Можно увидеть, как время, нетрезвый лекарь,
(С видом нелепым какой-нибудь феи-крестной!)
Пряным отваром из снов, чабреца и снега
Лечит мне сердце...*

Он попытался подойти к ней, он сразу узнал ее, даже со спины узнал: Светка!

*Лечит мне сердце, а я опускаю веки,
Веки-столетья, где звезды, — и мне не грустно!
Дождь четверговый... Река изменила руслу
(Склонны к измене теперь и сердца, и реки!)...
Снова стихи расцвели на хрустальной люстре
И потемнели...*

Не получалось сдвинуться с места. Не получилось крикнуть. И дышать было трудно. Марка обволакивало горькое ватное облако, скрывающее даже изящную фигурку играющей на рояле. Нет, это не Светка, это та учительница из «Фортуны», надо откинуть облако прочь, как занавеску, разглядеть получше...

И потемнели стихи — я уснула просто.

Или проснулась? Уже не поймешь, пожалуй!

...Жаль, что у бабочек нет ни шипов, ни жала...

(Странные мысли! И где же мой лекарь-крестный?)

Трудно дышать... задыхаюсь! Я к вам бежала,

Сонные звезды.

Перестала петь... Обернулась! Господь милосердный!..

*«Уезжай, Марик, уезжай! Останешься — и в восемь тебя не станет! Раз-
ве что... звезда улыбнется...»*

Все расплылось; сквозь свинцовый дым, пахнувший серой, на него смотрели большие темные глаза сумасшедшей девочки.

Он очнулся почти сразу. Рядом громко всхлипывал мальчишка в красной куртке.

Марк с трудом поднялся. Удивительно, он по-прежнему был жив. Кружилась голова, мутило.

— Чего ревешь? — спросил он хрипло.

Мальчик испуганно посмотрел на него, затих.

— Ты чего в такую рань играл здесь? Тебя и грохнуть эти кретины могли...

— Мама говорит, что музыкант не должен бояться публики, а я боюсь... Я думал, если сыграю на улице... Только в обед я не могу, слишком много людей... Они... Они забрали мой аккордеон...

Мальчишка снова разревелся, Марк осмотрелся в поисках портмоне: утянули, сволочи! Соображал туго. Потирая виски, не сразу вспомнил, что в портмоне были не только деньги, полученные от квартирантов, но и (о, дьявол, дьявол!) билет, и даже паспорт!

— Мать убьет меня теперь, как я домой...

Мальчишка рыдал, Марк молча шарил по карманам... О, чудо! Во внутреннем кармане пальто по-прежнему хрустели купюры, полученные за вчерашнее выступление. Странно и радостно, что их наркоманы не нашли... Видно, и не искали особенно... Этого как раз хватит, чтоб купить билет на

пятичасовой поезд, отлично пообедать и даже ворох газет с собой прихватить, чтоб нескучно было ехать...

— Убьет меня мама, точно убьет...

— Пойдем, — строго сказал Марк мальчишке, не совсем понимая, что такое говорит и что собирается делать. — Поторопись! До восьми нужно выдать тебе аккордеон.

...В музыкальном магазине было пусто. В углу, возле запыленных, не пользующихся спросом тамтамов, сидел древний старичок и комментировал все происходящее.

Интересное дело, в этом негостеприимном городе, который когда-то было ему родным, теперь почти везде было пусто: пустыри, пустые кафешки, магазины, подворотни... А что если город со всеми так обращается, как с ним? Что если девочка из «Фортуны» — это суровый городской призрак, который с завидным хладнокровием мстит тем, кто когда-то его предал, покинул в поисках лучшей жизни? Город давал ему последний шанс уехать, и этот шанс Марк бравурно менял сейчас на аккордеон для незнакомого мальчика Леши.

Новые инструменты, сверкавшие космическим серебром, стоили баснословно дорого. Марк перехватил мечтательный взгляд мальчишки, направленный на изысканные футляры и дорогие железяки, и отвернулся. Оставшихся денег едва ли хватит на самый дешевый, подержанный аккордеон.

Зеленоглазая продавщица хмурила лоб, пытаясь найти для Марка подходящий товар. Покупатель с взъерошенными волосами, кровоподтеками на лице, одетый в испачканное пальто, вызывал у нее недоумение и опаску. Наконец она вынесла из каморки старый, выдавший виды, инструмент.

— На нем, видать, еще генерал Медведев играл! Ей-богу, деньги на ветер! — сострил старик, выгибаясь дугой, чтоб проследить процесс покупки.

Марк выложил все, что имел. На последней купюре был изображен великий поэт, смотревший на Марка печально и задумчиво.

«Ты отдашь свою последнюю рифму, а взамен получишь ветер»...

Память предательски подсовывала слова девочки, но Марк не слушал, не слышал их! Он протянул Леше покупку, и мальчишка едва слышно пробормотал «спасибо».

Казавшийся глуховатым старик, тем не менее, услышал и эту фразу и моментальноотреагировал:

— Спасибо! Что такое спасибо, мальчик? Воздух! Спасибо в карман не положишь...

«...отдашь ветер, а в руке останется воздух... Страшно, да? Не дрожи, папочка! А потом... будет вечер, и дождь, и холод... И...»

Марк криво усмехнулся собственным мыслям и, не заглядывая в глаза взволнованного мальчика, державшего старый аккордеон, стремительно вышел из магазина.

Он очень долго бродил по городу.

Ветер гонял по дворам целлофановые пакеты, туман растаял, открывая на всеобщее обозрение скучное алюминиевое небо.

Марк так и не пообедал: в кармане звенела мелочь, которой не хватало даже на скудный бутерброд, впрочем, голода он не ощущал. Редкие прохожие с изумлением смотрели на странного человека, который стоял посреди дороги, задрав вверх непокрытую голову.

Звезды, звезды... Где ж ваша благосклонная улыбка?

Стемнело. Над головой плескалась густая тьма. Звезды не улыбались, их просто не было.

В семь начался дождь. Марк вернулся в гостиницу, вынес из номера флейту и наобум вошел в полутемный гостиничный зал, где выступал вчера. Здесь тоже было пусто — ни души!

А может, он уже сошел с ума? Вдруг в этом городе время течет совсем по-другому, и предсказание девочки уже сбылось, а он и не заметил?!

Он сел на край сцены, помешкал немного, а потом заиграл.

От его музыки не взорвалось небо, Земля не перестала вращаться вокруг своей оси, мир не помолодел, люди не стали счастливей. Его музыка была другой; в ней он услышал строгий мамин голос, звавший его ужинать, и лай своего любимого первого (и последнего!) щенка, и шелест лопухов у старого ручья, и субботнее пыхтение кофеварки, над которой обычно колдовал отец. Марк отчетливо услышал свой собственный ломающийся басок, исполняющий первую песню перед публикой, и жидкие аплодисменты, и негромкий голос Вениамина Федоровича, и даже Светкино: «Уезжаю с Батомом в Ригу»...

Все, все помнила уставшая флейта. Когда она умолкла, Марк с удивлением увидел, что в зале он не один. В самом последнем ряду у прохода темнела чья-то фигура, тонкий девичий силуэт.

Девочка!

Он вскочил, чуть не уронив флейту, летящим шагом направился к ней...

Девочка!

«Ты совсем меня не помнишь, Марик?»...

Знакомые глаза, исцарапанные руки...

«...на душе скребутся кошки, на душе...»

«...Помни, в пустом зале, в самом последнем ряду сидит твоя душа и слушает. И слышит. Играй для нее!»

Она пришла, значит, он успел, он что-то изменил и...

Девочка... нет, нет!

Женщина. Учительница музыки.

Марк разочарованно остановился возле нее, она смущенно отвела глаза.

— Извините... Я... я не хотела вам мешать... Сын рассказал мне об аккордеоне, я сразу поняла, что это вы. Музыка... Я услышала... я... Я деньги за инструмент принесла.

— Ах, оставьте! Идите-ка лучше домой... — зло ответил Марк. Он никак не мог справиться с раздражением.

— Возьмите, пожалуйста! — умоляюще произнесла женщина, протягивая

ему мятые бумажки. Моей зарплаты вполне хватает, чтоб содержать сына, мы вдвоем всегда справлялись! Не нужно этой благотворительности! — она нервничала и тоже начинала кипятииться.

Марк помолчал, наблюдая, как вальсируют серые тени на стене, потом не выдержал, выдавил из себя смешок, который даже ему показался полубезумным:

— А если я скажу вам, сударыня, что общение со мной небезопасно, что я, знаете ли, на грани сумасшествия?!

— С каких пор гениальная игра на флейте считается признаком безумия?

— Гениальная игра! — хмыкнул он. — Не верите, значит... А я, между прочим, действительно на грани... Вот послушайте историю... Вчера ко мне приходила моя душа, вернее, то лучшее, что в ней осталось. Совсем тоненькая, бедняжка! Она сообщила мне, что... Впрочем, это уже вас не касается... Сейчас я — всего лишь неудачник, а через пару минут могу стать свирепым чудовищем, и я за себя не отвечаю!

— А мне плевать. Я, может, тоже неудачница! — серьезно ответила женщина. — Я, может, тоже на грани... А ведь все предрекали головокружительную карьеру! Вы не поверите... Я даже диск успела записать, у меня был нелепейший псевдоним... Астра! Возьмите деньги, и я уйду...

— Астра? Да-да, помню, сестра привозила диск... Так это вы? Астра... Это что же, как цветок?

— Нет, — женщина устало покачала головой, — я была амбициозней... Это как звезда... С древнегреческого...

— Звезда, — глухо повторил за ней Марк, — звезда...

Он подошел к окну, отвернул рукав рубашки и не сразу рассмотрел время на светящемся циферблате часов.

До восьми оставалось три минуты... всего лишь три минуты... долгие три минуты, чтоб заставить звезду улыбнуться.

Киев, апрель 2008

ЮРИЙ АНТОЛИН

ЯСНОВИДЕЦ

— МАМ, ТЫ КУПИШЬ МНЕ ИГРУШКУ? — спросила голубоглазая девочка в зеленой курточке. Она сидела возле окна троллейбуса с матерью — женщиной лет сорока. Мать одета в старенькое кожаное пальто, на голове — платок, вроде тех, что носят цыгане.

За окнами мелькает вечерний город. Людей в троллейбусе совсем немного. Голос из динамика объявляет остановку. Двери открываются, заходят и выходят люди.

Женщина не отвечает девочке, и та продолжает ее теребить:

— Мам, я хочу игрушку! Купи мне игрушку!

«Осторожно, двери закрываются, — слышится из динамика записанный на магнитофон голос. — Следующая остановка...»

За секунду до закрытия средней двери к ней устремляется парень с кавказской внешностью и успевает выпрыгнуть. Похожий на него человек с небритым лицом одновременно выпрыгивает из задней. Я слышу испуганный женский вопль:

— Сумка! Он оставил здесь сумку!

Двери закрываются, и троллейбус трогается вперед.

Взрыв. Все исчезает в оранжевом огне.

Я вздрогнул и проснулся. Рывком сел на кровати. Пот течет по мне липкими струйками.

Впервые я увидел этот сон две недели назад. Потом он снился мне через ночь.

В первый раз он был таким же ярким, как сегодня. Потом были лишь отрывки. Блеклые, размытые.

И вот теперь я увидел его снова. От начала до конца. словно сам побывал там.

Значит, это произойдет сегодня, — подумал я. — Страшный взрыв, который унесет жизни людей.

Я встал с кровати и пошел в душ. После на кухне сотворил себе яичницу с колбасой и кофе. Пока я мылся, а затем избавлялся от голода, терзающего меня по утрам, было время поразмыслить над тем, что мне приснилось.

Меня часто посещают видения. Иногда яркие, иногда — туманные и расплывчатые, так что приходится анализировать ситуацию и блуждать в лабиринтах своего разума, сопоставляя различные детали и нюансы, чтобы точно определить, где именно произойдет то, что я увидел. Мои способности помогают Отделу МВД по борьбе с терроризмом и, как правило, неплохо оплачиваются, что просто прекрасно, учитывая, что ничем другим я не занимаюсь. Ни к чему другому у меня просто нет таланта. Я абсолютно бездарен в иностранных языках (несмотря на то, что в свое время окончил немецкое отделение МГЛУ) и в столь востребованной ныне экономике. Никудышный из меня и оператор ПК, хоть я и ходил на курсы.

Казалось бы, человек на моем месте должен быть счастлив. Или хотя бы доволен. Увы!

Я видел множество терактов до того, как они происходили. Но, как потом выяснялось, Отдел реагировал далеко не на все.

Они объясняли это тем, что, мол, люди умирают ежеминутно по всему миру. Спасать всех — невозможно в силу объективных причин: отсутствие средств, специально подготовленных кадров и т.д. К тому же сфера деятельности Отдела ограничена московской областью. А на практике, как правило, — просто Москвой, где я в данный момент и обитаю в своей однокомнатной квартире, не шикарной, но приличной и чистой.

Мои способности провидца кажутся мне иногда даром Высших Сил, но чаще я думаю о них, как о проклятии.

Отдел реагирует на три случая из пяти, о которых я сообщаю. Чаще всего они сами просят «мысленно прощупать» будущие события, вроде демонстраций, народных гуляний, театральных и кинопремьер — в общем, мероприятий, во время которых велика вероятность терактов.

Я не знал, как поступить со своим сном. Взрыв, что я видел, должен был произойти в каком-то троллейбусе, в котором, кстати, и людей-то совсем немного. С точки зрения Отдела, мелкая рыбешка. И слушать не станут. К тому же троллейбус все время в движении, да и какой именно троллейбус? Ни его номера, ни улицы, на которой случится взрыв, у меня нет. Так что идти с этим к куратору в Отделе не стоит.

Но почему-то этот сон целых две недели не давал мне покоя. Где-то глубоко, на самом дне моего сознания поднималось чувство, что этот сон очень важен. Это явно будет не просто взрыв. Подобно черному пятну, это чувство расплзлось во все стороны, угрожая заполнить мозг.

Чтобы собраться с мыслями, я сделал еще кофе.

Допив и сложив посуду в раковину, я отправился на прогулку. Свежий воздух всегда помогает мне думать. К тому же — на дворе тепло, сентябрь, всюду сияют золотом и багрянцем деревья. Это время года просто создано для прогулок.

Как бы я ни старался найти объяснение своему сну, в голову ничего не приходило.

Я шел по дорожке, по обе стороны которой тянулись лавочки. Слева перед белой стеной Новодевичьего монастыря раскинулся небольшой покры-

тый травой пустырь. Пара тропинок пересекали его, словно две линии на руке. Справа, оттуда, где неспешно текла Москва-река, ветерок доносил до меня запах влаги.

Я опустился на ближайшую скамейку. Затем набрал номер куратора.

— Да, — ответил суровый голос.

Этот низкий баритон в который раз моментально обрисовал мне своего владельца. Не только потому, что я уже много раз с ним встречался. Когда он впервые позвонил мне на следующий день после взрыва Башен-близнецов, я представил его в точности, каким он был при первой нашей встрече в его большом, но пустоватом кабинете.

Валерий Гершин был высоким человеком с волевым лицом и мрачными серыми глазами. Три года он прослужил в Чечне. Ушел на войну веселым парнем, а вернулся совсем другим. Война отучила его смеяться, оставив лишь редкую мрачную улыбку. А еще он вернулся в твердой уверенности, что в мире нет ни добра, ни настоящей любви. Только в дружбу он по-прежнему продолжал верить.

«Вы, Евгений, — часто повторял он мне, затягиваясь сигаретой и выпуская дым в экран компьютера у себя за столом, — единственное исключение. В ваш дар я верю. Но этот талант только ваш, и вы им обладаете от природы. Вы — не экстрасенс, и не ясновидящий. Нет никого наверху, кто вам помогает. У вас просто есть свойство, которого нет у других. Возможно, в будущем люди научатся развивать в себе ваш дар. В средние века мало кто использовал логику в познании мира, тех людей называли провидцами и мудрецами. А сейчас этим пользуется каждый».

— Валерий Петрович, — сказал я, чувствуя, как ветерок с Москвы-реки мягко обдувает лицо, — добрый день. Сегодня для меня что-нибудь есть?

Этой незатейливой фразой он велел мне маскировать вопрос: «Нужна ли вам сегодня моя помощь?» Опасения Гершина понятны — меня может кто-нибудь «перехватить» и тогда пиши пропало. В людях вроде меня заинтересованы как западные спецслужбы, так и террористы, которые не хотят, чтобы их планы сорвались, и даже просто «новые русские», которым хочется, чтобы их «поразвлек ясновидящий».

— Здравствуйте, Евгений, — ответил Гершин на другом конце провода. Затем отстранился от трубки и что-то сказал стоящему рядом. В ответ прозвучало что-то неразборчивое. — Сегодня ничего не намечается, кроме премьеры Фауста во МХАТе им. Горького. Вечером в 19.00. Я вас прошу — прощупайте это событие. Там будут важные люди, журналисты, политики, вы понимаете...

— Да, конечно. — У меня перед глазами вновь появился троллейбус, который я видел во сне каждую ночь две недели подряд.

«Осторожно, двери закрываются...» — вещает голос из динамика.

Кавказец успеваet выпрыгнуть сквозь закрывающиеся створки двери. Через заднюю выпрыгивает второй.

Взрыв.

— Евгений, вы меня слышите?

Я шумно выдыхаю и провожу рукой по взмокшему лбу. Сон реален даже сейчас. Никогда еще я такого не чувствовал.

— Евгений? — в голосе Гершина звучало беспокойство. Меня это взбесило. Ведь он беспокоится не за меня, а за мое «ясновидение». Будь я обычным человеком, он бы меня в упор не видел.

— Все хорошо, — сказал я через силу. — Просто задумался.

— А, ну хорошо. Позвоните, как только у вас что-нибудь будет.

— Договорились.

— Спасибо.

Я нажал на отбой. Откуда это чувство бессилия и досады? Будь у меня в руке не сотовый, а какой-нибудь стакан, я бы грохнул его об асфальт.

Я шел по траве, хмуро глядя перед собой. Передо мной словно две чаши весов. На одной — премьера во МХАТе, где соберется «цвет общества», изысканнейшие люди города, политики, журналисты. На другой чаше весов — троллейбус из моего сна. Я видел, как каждая чаша стремилась опуститься, но обе оставались на месте, ни одна не сдвинулась.

На премьерке во МХАТе будет множество людей. «Прощупать» этот вечер — мой долг. К тому же, я ни в коем случае не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал. На другой чаше весов — сон, который не дает мне покоя.

Мой долг и мое желание борются между собой. Ни одно не может победить, но и не уступает. Если я не прощупаю сегодняшнюю премьерку «Фауста», может случиться непоправимое, а я обязан использовать свой дар, чтобы спасти людей. С другой стороны, если я не разгадаю этот проклятый сон, я, возможно, никогда не найду покоя.

Что же делать, черт побери?

Я и не заметил, что сижу на траве, привалившись спиной к дереву. От тягостных размышлений голова отяжелела.

Кофе, сказал я себе, встряхнувшись и открыв глаза. Нужно добраться до ближайшей кофейни и прочистить мозги. Потом решу, что делать.

Метро здесь недалеко. Доеду до Охотного Ряда, там есть кофейни.

Я делаю несколько шагов вперед, и вдруг на меня обрушивается это.

Видения редко приходят с болью настолько сильной. Голову сдавили чьи-то могучие руки, а потом — ярчайшая вспышка света. И вот — я совсем в другом месте.

Предметы и лица проносятся, как в тумане.

Все медленнее и медленнее... Я различаю детали...

Всюду стеллажи с книгами, множество людей. Картинка приобретает обычный ракурс, проясняется.

Я — в книжном магазине. Я отчетливо его узнаю, но память заклинило, и не могу вспомнить название. На лицах людей улыбки. Усы, брови, тоненькие, изящные губы. Глаза женщин в обрамлении длинных ресниц с пытливыми и пораженными взглядами. В центре сидит человек, чье лицо мне знакомо, но я не могу вспомнить, кто это. Он подписывает книги подходящим по очереди людям.

Боль разрывает мне голову пополам. Мышцы деревенеют. Стоять все труднее.

— Который час? — спрашивает кто-то. Голос звучит, словно эхо.

У меня язык не шевелится, но за меня отвечает кто-то другой:

— Половина первого.

Половина первого, думаю я, тут же вспоминая, что сейчас утро, где-то около одиннадцати.

— Что это там, в углу? — спрашивает вдруг кокетливый женский голос. До этого девушка смеялась, но ее смех вдруг оборвался.

У меня внутри все леденеет.

— Бомба!

— Все из магазина! Быстро! — орет кто-то хриплым голосом.

Вспыхнула паника. Крики отчаяния, топот множества ног.

Картинка вновь задернулась туманом, словно кто-то сдвинул передо мной кисейные шторы.

Меня пронзает чудовищная усталость. Видения отнимают много сил — чем ярче, тем больше.

Ноги подкашиваются, и я падаю на траву. Вслед за мной летит грохочущее эхо. Взрывной волной из витрин выбрасывает осколки стекла. Они накрывают дождем асфальт и разбегающихся в панике людей.

Десятки, а может, сотня человек — мертвы.

Когда это кончится? И когда я перестану это видеть?!

В голове туман, в висках стучит кровь. Я делаю чудовищное усилие и становлюсь на колени. Начинаю медленно подниматься.

Рядом раздается брезгливое:

— Ты смотри, уже нажрался!

— И возле монастыря, — с упреком добавил голос молодой женщины. — Эти алкаши совсем распоясались!

Меня шатает от слабости.

— Пошли быстрее, — снова слышится голос. Судя по деловым ноткам, какой-нибудь менеджер в костюме. — Мне надо на встречу, а потом я хочу еще забежать в книжный.

— Зачем? — спрашивает женщина.

— Олег Писарев презентует новую книгу.

— Ух, ты! Я тоже пойду. В каком магазине-то?

— В «Селене».

Мне, наконец, удалось встать на ноги. Я добрался до росшего рядом тополя и держался за него, пока не пришел в себя.

«Селена», — с облегчением вспомнил я. Точно. Это «Селена». И автор — Олег Писарев. Надо позвонить Гершину.

Моя рука потянулась во внутренний карман куртки, как вдруг меня грубо схватили за плечи.

Передо мной двое парней в кожаных куртках. Третий держит меня сзади. Не знаю, откуда они взялись, секунду назад их не было.

Волосы коротко острижены, в глазах — наглость и уверенность в своей силе. Один высок и худ, как жердь. Второй — пониже, плечи, наверное, шириной в Триумфальную арку.

Это уже не видение.

Парни быстро оглянулись. Немногочисленные прохожие идут в стороне. Мужчина в светло-сером плаще выгуливает овчарку.

Высокий с размаху ударил в живот.

Я согнулся, судорожно хватая ртом воздух.

— Давай быстрее, — слышу я.

Второй, тот, что пониже, взял меня за шиворот и заставил распрямиться. Рука проворно нырнула во внутренний карман.

— Что там у него?

— Паспорт и телефон. — Низкорослый вытащил оба предмета и стал расковырять по карманам. — Бумажник.

Денег у меня там тысяч пять.

Паспорт он сунул обратно мне в карман.

Третий, что держал меня сзади, для верности ударил меня о дерево. Я успел повернуть голову, удар пришелся на скулу. В голове загудело, перед глазами вспыхнули разноцветные круги.

— Эй, вы! — раздался вдруг окрик.

Грабители обернулись. К ним быстрыми шагами приближался тот самый мужчина в светло-сером плаще. Рядом с ним бежит овчарка, сосредоточенный взгляд собаки направлен на хулиганов.

— Оставьте человека в покое!

От быстрой ходьбы полы его светло-серого плаща развевались вокруг ног.

— Уходим, — процедил высокий хулиган, кивая товарищам.

Грабители бросились прочь.

Мужчина подбежал ко мне. Его собака уже полным ходом преследовала ограбившую меня троицу, однако хозяин свистом ее отозвал.

Сам он присел возле меня на корточки.

— Как вы? — задал он дурацкий вопрос. — Они что-нибудь забрали?

Стиснув зубы от боли, я кивнул.

Укоризненно качая головой, мужчина смотрел в ту сторону, куда убежали грабители.

— Ничего, — начал было он, посмотрев на меня, — главное, что вы живы и...

Я поднял голову и посмотрел на него.

— Который час?

Он уставился на меня, но затем все же посмотрел на часы.

— Одиннадцать тридцать. — Его голос был полон недоумения, словно он хотел добавить: «Какая тебе разница? Тебя едва не убили, а ты спрашиваешь про время». Но больше он ничего не сказал. Подбежала овчарка и шумно принялась меня обнюхивать.

В другое время я бы с ней поиграл, люблю собак, но сейчас мой мозг занят совсем другим.

Осталось полчаса, чтобы предупредить Гершина. И пока он доберется до «Селены» — еще полчаса.

— У вас есть телефон? — спросил я хозяина овчарки. — Мой забрали.

— Да, — сказал тот, все еще не понимая, почему я не зову милицию и не жалуюсь на грабителей. — Только от него сейчас мало толку. Там почти нет денег, я собирался положить после прогулки с Василисой. — Мужчина кивнул на овчарку. Она что-то нюхала в траве в нескольких шагах от нас.

— Позвольте мне все-таки попробовать.

Мужчина критически оглядел мою кожаную куртку, любимые старые джинсы с лохмотьями на шиколотках. Рубашку навыпуск. Затем все же протянул старенькую «Моторолу».

На телефонные номера у меня всегда отличная память. Быстро набрав номер Гершина, я приложил трубку к уху, но оттуда уже неслось монотонное: «Сумма на Вашем счете недостаточна...».

Хотелось ругаться последними словами. Сегодня вторник, двадцатое сентября, но события развиваются так, словно сегодня пятница тринадцатое.

Как трудно порой бывает в наш век высоких технологий раздобыть самые элементарные вещи. Мне позарез необходим телефон. Он необходим мне, а еще больше — людям, которые через сорок минут погибнут в книжном магазине. Если я не смогу связаться с Гершиным произойдет непоправимое, и вина тяжким грузом будет висеть на мне. Чтобы там ни говорили бывалые люди. Даже после заверений, что виноват не ты, а обстоятельства, что ты делал, что мог. Когда стараешься загнать поглубже мысли, что по твоей вине кто-то погиб, или чья-то жизнь разлетелась на куски, как самолет при ударе о землю, все равно в минуту одиночества или когда напьешься, воспоминания разбегают тебя с утроенной силой. Одиночество и алкоголь этому даже способствуют.

Телефон. Полцарства за телефон!

В кофейне, где я при иных обстоятельствах расслабился бы с чашкой кофе, меня вежливо послали подальше. Телефон — только для работников заведения.

Бегу по Тверской вперед и смотрю на электронные часы над входом в Телераф.

11.45. До взрыва — сорок пять минут.

Вокруг меня люди, идущие по своим обычным делам. Кто-то с зонтиками, я и не заметил, что моросит дождь.

Прошла девушка. Болтает с кем-то по «блютусу». Красивая...

Черт, сейчас не до девушек.

Я бегу, а люди смотрят на меня, как на больного. Многие говорят, орут в телефоны, смеются.

Меня вдруг посетило озарение. Простое, но своевременное. Оно подлое и дурно пахнет, в других обстоятельствах я бы никогда такого не сделал. Но люди, чья жизнь вот-вот унесет взрыв, мне дороже.

Навстречу мне идет представительный мужчина лет тридцати-пяти в костюме. В одной руке дипломат, другой он держит у уха телефон и о чем-то оживленно говорит. Наверное, обсуждает новую сделку.

Подбежав к нему, я врзал ему по глазам и бросился прочь, зажав его мобильник в кулаке.

Меня несколько раз пытались остановить, но я благополучно ускользал. Я бросился на проезжую часть, и перебежал дорогу прямо перед идущим на полной скорости грузовиком. Хозяин телефона отстал.

Остановившись на островке безопасности, я набрал номер Гершина. Мимо с обеих сторон с ревом неслись машины.

Часы на дисплее телефона показывали 11.53. Времени почти не осталось. Номер занят. Только этого не хватало.

Набираю заново. Опять короткие гудки. Проклятье!

Я обернулся. На той стороне улицы, у телеграфа, бизнесмен, у которого я «одолжил» телефон, говорит с двумя милиционерами, яростно тыча в меня пальцем.

Честное слово, перейду дорогу и верну ему телефон, как только дозволюсь.

Я нажал кнопку повторного набора — занято.

Я обернулся — ко мне через дорогу идут те самые двое милиционеров.

Они показались мне двумя моисеями, переходящими Красное море: чтобы добраться до меня, им пришлось остановить широкий и бурный, как горная река, поток машин.

Сзади на тротуаре стоит бизнесмен и нетерпеливо ждет, пока меня схватят.

Милиционеры приближались.

Я побежал вперед по полосе безопасности. Транспорт снова двинулся, мимо в опасной близости проезжают автобусы, легковые, грузовики. Легкое отклонение в сторону, и меня размажет по асфальту.

Справа от меня идет грузовик. Грязные колеса, темно-зеленый брезент на кузове. Кузов сзади открыт. Вот он — мой шанс.

Я бегу быстрее и хватаюсь за борт кузова. Подтягиваюсь. Теперь я внутри.

Грузовик пошел быстрее.

Мои преследователи остановились. Оба тяжело дышат.

Один из них вытащил рацию и стал в нее что-то говорить, прищурившись и всматриваясь в уносивший меня грузовик. Ставлю что угодно — он пытался рассмотреть номера.

12.10.

Грузовик застрял в пробке. Я сижу на полу кузова, стараясь, чтобы меня не было видно снаружи. Больше всего я боюсь, что милиция возьмет меня прямо сейчас.

12.12.

Грузовик проехал еще метров пять. И снова встал.

Отставив скрытность, я выглянул из кузова. Вот китайский ресторанчик. Вон аптека. До «Селены» рукой подать.

Но вдруг по дороге я попаду в руки милиции? Что если я выпрыгну, и пробка, как это часто бывало раньше, тут же рассосется? Ненавижу выбирать из двух одинаково плохих вариантов.

Но я все же принял решение. Больше шансов, что пробка здесь все же надолго.

Я спрыгнул на асфальт из кузова прямо перед стоящим сзади «BMW».

Пробравшись меж машин, я выбрался на тротуар, торопливо зашагал вперед. Жилы у меня на висках отчаянно пульсируют. Целая Тверская застрявших в пробке машин сигналит не переставая. Надрывные высокие звуки впиваются в мозг, как осколки стекла.

12.17.

Я побежал. Черт с ней, с осторожностью.

12.22.

«Селена» всего в нескольких метрах.

Но тут я замечаю вокруг входа в магазин желтую с черной полосой ленту заграждения. Стоят люди в черной форме с тремя большими желтыми буквами на груди и спине — МВД.

У меня вырывается вздох облегчения. Каким-то образом теракт предотвращен. Люди спасены. Слава Богу!

Я вытер со лба пот. С плеч словно скатился огромный камень.

На другой стороне улицы — поодаль от заграждения, ближе не подпускают оперативники — столпились люди. Все с напряжением следят за происходящим у магазина.

Оттуда саперы осторожно выносят небольшой пакет и несут к черному фургону. Лица у них веселые, они разговаривают, шутят. Все, бомба обезврежена. Теперь шутками они стараются снять напряжение.

Я такое уже видел несколько раз. Они — как студенты после экзамена.

Я делаю глубокий вдох, с облегчением выдыхаю. До метро недалеко, поеду домой. Или, может, все-таки сначала заскочить в кофейню? Я уже сегодня весь день собираюсь, но все время что-то отвлекает.

Да, решил я. Выпью чашку или бокал, или как там называется то, в чем они подают кофе. Съем яблочного торта.

Внезапно меня кто-то хватается сзади за руки. Что за черт?!

Я пытаюсь вырваться, но двое крепких парней в кожаных куртках с милицейскими погонами держат меня мертвой хваткой.

— Тихо, тихо, — грубо советует один. — А то пришьем сопротивление при задержании.

Меня отвели к стоящему чуть поодаль от магазина «УАЗику».

Милиционер заломил мне руку и обыскивает. Второй стоит рядом на случай, если я попытаюсь удрать. Но рука моя крепко вывернута, лишнее движение, и она треснет.

— Чист, — сказал товарищу милиционер, что меня обыскивал. Видя, что я не сопротивляюсь, он отпустил мою руку. — Даже бумажника нет. Ничего, кроме паспорта и телефона, который он украл.

Второй кивнул. Он смотрел на огороженную ярко-желтой лентой «Селену» и стоявших возле нее оперативников. Ленту уже снимали, люди сидели в фургоны.

— Послушайте, — сказал я, пытаюсь повернуться к милиционеру, что держал меня. Но он снова заломил мне руку, и я ощутил, как от кисти до плеча пробежал мощный разряд боли. — Я вам все объясню, — проговорил я, стискивая зубы, пытаюсь задавить боль. — Я украл телефон у того типа в костюме,

потому что знал о взрыве. Мой телефон сегодня утром украли, а мне необходимо было позвонить. Предупредить, понимаете?

— Да что ты? — насмешливо бросил мент. — Откуда же ты знал о взрыве? Сам его организовал, а потом передумал?

— Да не. Он — ясновидящий, — веско заявил другой, ослабляя зажим на моей руке. — Он все это предвидел и хотел предупредить, ведь так?

Я молчал. Теперь эти власть имущие начнут издеваться.

— Только вот спорю, что собственный арест он предвидеть не мог, — с иронией сказал заламывавший мне руку. — Все ясновидцы на этом горят.

Второй милиционер с усмешкой кивнул.

— Так-то вот. Лучше быть нормальным человеком. Целей будешь. И никто тебя не арестует. — Он открыл передо мной дверцу «УАЗа» и сказал: — Лезь давай, ясновидец.

Я уже поставил ногу внутрь салона, как вдруг у меня за спиной раздался голос:

— Подождите.

Я обернулся. Возле «УАЗа» стоял человек в расстегнутом плаще поверх костюма.

Второй раз за сегодняшний день я облегченно вздохнул.

Гершин ничего не стал объяснять милиционерам. Просто показал им удостоверение и кивнул на меня. Мой «патрон» выглядел усталым. Я его понимал. Его работа располагает к постоянной усталости.

С меня сняли наручники, но извинений традиционно не последовало.

Я в двух словах объяснил Гершину, как и для чего я раздобыл телефон. Он нахмурился, а затем взял его у меня и отдал милиционерам.

— Верните владельцу, — сказал он. А мне: — Пойдемте, Евгений.

Его «нисан» был припаркован на другом конце улицы. Мы шли молча.

Гершин курил, а я раздумывал о том, что хорошо бы послать подальше свой дар ясновидения и заняться чем-нибудь другим. Хотя бы улицы подметать. Или вспомнить свой немецкий. Насиловать себя, но ясновидением больше не заниматься.

Домой я возвращался поздно. После долгого разговора Гершин меня отпустил.

Прежде чем отправиться домой, я все-таки зашел в кофейню. Пил кофе, глинтвейн, грог. Но мозг отказывался пьянеть. Единственно, что он мне дал в обмен на алкоголь, — это чувство отстраненности от всего происходящего вокруг.

Я спустился в метро. Поезд шел только половину пути. Потом пассажиры вышли и стали ждать следующего.

Я отправился на улицу. Ехать в метро больше не хотелось.

Я спросил какую-то женщину, как доехать до своей улицы, и она назвала мне номер троллейбуса. Что ж, троллейбус, так троллейбус.

Уже стемнело, людей в троллейбусе совсем немного.

Я сидел у окна и смотрел, как мимо неспешно мелькает ночной город в огнях.

Я снова задал себе вопрос, смогу ли забыть о ясновидении, перестать спасать и предотвращать. Из глубины моего сознания тут же всплыл ответ — нет.

Видимо, помимо отстраненности от окружающего мира, накачанный алкоголь мозг позволил мне быть честным с самим собой.

Передо мной сидела женщина с девочкой. На девочке зеленая куртка и джинсы. Мой взгляд на секунду задержался на ее ярко-темно-синих, как вечернее небо, глазах. Ее мать своим ярким платком на голове напоминает цыганку, не смотря на то, что одета в кожаное пальто.

Я снова смотрю в окно.

— Мам, ты купишь мне ту игрушку из магазина? — спрашивает девочка.

Голос из динамика объявляет остановку. Двери открываются, начинают выходить и входить люди.

Женщина не отвечает, и девочка продолжает ее теребить:

— Мам, я хочу игрушку! Купи мне игрушку!

Меня вдруг словно кто-то дергает. Я поворачиваюсь и смотрю на девочку. На ее глаза, ее платье. Моя отстраненность стремительно улечувчивается.

На меня накатывает страшное осознания происходящего.

«Осторожно, двери закрываются, — слышится из динамика записанный на магнитофон голос. — Следующая остановка...»

Я знаю, что будет дальше. Дверь — совсем рядом. Но я не могу встать. На меня напал нервный ступор, я словно приклеился к сидению.

Лихорадочно вскинув голову, я смотрю вперед — двери одним прыжком достигает невысокий парень-кавказец. Из задней двери справа от меня тут же выпрыгивает второй.

Троллейбус трогается.

Я, наконец, могу двигаться, но уже поздно.

Испуганный вопль какой-то женщины:

— Сумка! Он оставил здесь сумку!

Оглушительно гремит взрыв. Все исчезает в оранжевом огне.

Меня охватила волна страшной боли. В голове мелькнула мысль, которая теперь уже не имеет значения: я мог предотвратить сотни чужих смертей, но только не собственную.

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ

РЫБАКИ ЛОВИЛИ РЫБУ...

У

ТРОМ МЕНЯ РАЗБУДИЛ ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК. Я НЕ услышал обычного приветствия Максима и его неизменного вопроса: «Как сам?» Не было и традиционных максовых шуточек, и, наверное, я долго бы терялся в догадках, кто говорит, если бы мой лучший друг сразу не представился.

— Дмитрий, это Максим. Ты вчерашнюю вечернюю газету читал?

— А что случилось?

— Прочитай. На первой странице внизу. Заметка называется «Найден у проруби». Не дав мне возмутиться, какого черта он звонит в такую рань, Максим повесил трубку.

Зевая и потирая кулаками глаза, я пошел вынимать газету из почтового ящика. По выходным так редко удается поспать вдоволь. Получается, что в рабочие дни спишь больше. А по субботам и воскресеньям я обычно встаю ни свет, ни заря и отправляюсь на рыбалку...

Вот и в прошлую субботу я тоже поехал половить рыбку. В тот день мне позвонил Зверьев и сообщил, что его контора выделила автобус, который ровно в полночь с площади Белорусского вокзала отправляется на Вазузское водохранилище, и что у них есть три свободных места. Даже не спрашивая, во сколько эта поездка обойдется, я сразу попросил забронировать места для меня и моих друзей.

На Вазузу приехали затемно. Последние километра два автобус, свернув с накатанной дороги, тащился по полю, рискуя в любой момент нырнуть в какую-нибудь занесенную снегом яму. Водитель, сам заядлый рыбак, предпочитал застрять, чем идти лишние пятнадцать минут.

Остановился автобус на самом берегу. Все приступили к раннему завтраку, но мы с Максимом и Сашкой сразу убежали на лед.

Я повел ребят в залив, который заметил еще в прошлом году. Запомнился мне он своей необычностью. С берегов залива над скованной льдом водой нависали старые темно-зеленые разлапистые ели, некоторые деревья давно уже рухнули, многим предстояла такая же участь в недалеком будущем. Запомнилась мне и особенная тягучая тишина, царившая там. Если бы не отличный клев, я бы, наверное, и не подумал привести друзей в это жутковатое место.

Лед в заливе был нетолстый. Мы быстро собрали коловороты и насверлили сразу много лунок, после чего присели на рыболовные ящики, чтобы перевести дух. Светать только начинало.

— Неплохо бы и выпить, — предложил Максим, — а то вдруг после некогда будет.

Мы достали бутылку, сваренные вкрутую яйца, соленые огурчики и черный хлеб с салом. Яйцо я предпочитаю разрезать на четыре дольки, посолить каждую и, не торопясь, по одной, их есть. Соленые огурчики — это всегда очень вкусно, а черный хлеб с салом на морозе, да под водочку — вообще прекрасно!

Выпили мы по три маленьких стаканчика. Оставшееся убрали. Полные энергии, в прекрасном настроении взялись за удочки, оборудованные для блеснения, и начали поиск хищника.

Интересная это вещь — отвесное зимнее блеснение. Особых премудростей оно не требует и с мотылем возиться не надо. Опускаешь блесну на дно, приподнимаешь ее сантиметров на пятнадцать и периодически взмахиваешь удилицем, наблюдая за сторожком. Если он вдруг дернется — значит, клюнуло. Сразу подсекаешь, вытаскиваешь из лунки окунишку, не мешкая, снимаешь его с крючка и продолжаешь ловлю. Главное — найти стайку рыбы, и тогда за улов можно не волноваться...

Сначала клев что-то не заладился. Я нашел было уловистую лунку и взял четырех окуньков, но следующий сорвался, и на этом поклевки прекратились. У Максима по блесне долбила какая-то мелочь, и он никак не мог ее подсечь. А Сашка зацепил самую лучшую блесну то ли за пенек на дне, то ли еще за что-то, и сколько ни возился, пытаюсь ее достать при помощи отцепа, ничего не помогало. Потом посильней потянул за леску, и она лопнула.

Сашка расстроился и заявил, что блеснить больше не станет. Он достал удочку с вольфрамовой мормышкой-бусинкой и принялся аккуратненько играть ею у самого дна. Тут-то клев у него и попер! Одного за другим таскал он окуней, не обращая внимания ни на мороз, ни на возню с мотылем.

Правда, у нас с Максимом поклевки тоже участились, но у Сашки на мормышку окуни попадались крупнее, чем на наши блесны, хотя по всему должно быть наоборот. Как ни старались мы и ни злились, Сашка все равно нас облавливал, к тому же ему начали попадаться и плотвички.

Плотвичкам Сашка очень радовался и сразу опускал их в металлическую кану.

— Вы как хотите, — сказал он, — а я буду жерлицы ставить. Вот только побольше живцов наловлю.

У нас с Максимом тоже были с собой жерлицы, но уж очень не хотелось с ними возиться: расставлять их, живца ловить и так далее. Сашка же, в отличие от нас, не ленился, и вскоре пять заряженных жерличек были расставлены на одной линии перпендикулярно берегу.

Мы думали, что после этого он снова начнет блеснить, но не тут-то было — Сашка опять побежал с мормышкой под берег.

Но прошло несколько минут, и он стал жаловаться на отсутствие клева.

Зато нам с Максимом наконец-то подфартило! На глубине три с половиной метра начался настоящий жор. Почти после каждого взмаха удилищем следовала поклевка, и горбачи один крупнее другого оказывались на льду. В азарте мы забыли про все на свете. И вдруг услышали Сашкин вопль на всю Вазузу: «Мужики, помогите! Багор давайте! Быстрее!»

Максим сразу бросился к своему ящику за багориком, а я к Сашке побежал. Вижу — тащит он что-то тяжелое.

— Не торопись, Александр, — говорю я ему. — Сейчас Макс багор принесет, подмогнем.

А Сашка, может, и рад бы поторопиться, да не может. Медленно-медленно подтащил он свою добычу ко льду, а завести в лунку не получается. Тогда он, не дожидаясь Максима, держа левой рукой натянутую леску, окунул правую в лунку. И тут же заорал благим матом! Я даже вздрогнул от неожиданности и успел подумать, что, скорее всего, укололся окуневым плавником. Сашка же, не переставая орать, вытащил руку из лунки, и мы с подбежавшим Максимом увидели, что на пальцах его висит что-то непонятное, черное.

Сашка тоже это увидел, аж визгом зашелся и бешено затряс рукой. Черное от его пальцев отцепилось и упало на лед. Только тогда мы поняли, что наш дружок умудрился на свою мормышку рака поймать!

Рак был крупный, черно-зеленый, с маленькими злыми глазками, угрожающе шевелящимися длинными усиками и огромными клешнями. Одной из этих клешней он и прищемил Сашкины указательный и средний пальцы. Прищемил сильно, до крови.

Мы удивились необычностью произошедшего. Бывает, что летом раки попадают на крючок, но зимой...

Несколько мгновений рак лежал не шевелясь. Потом вдруг стал быстро передвигаться, семеня тоненькими ножками. Это было так интересно, что мы не сразу сообразили, что рак приближается к лунке. Только в самый последний момент, когда он уже готов был бултыхнуться в воду, Максим успел наступить на лунку валенком. Натолкнувшись на препятствие, рак поднял обе клешни и цапнул ими надетую на валенок резиновую калошу.

— Во дает! — восхитился Максим. Он наклонился и отвесил агрессивно-мужественно увесистый шелбан точно между глаз. Клешни разжались, и рак повалился набок.

— Негодяй, — сказал Сашка, облизывая кровоточащие пальцы. Он поддал рака ногой, и тот, кувыркаясь, отлетел метра на два.

— Осторожнее, мужики, — сказал я. — Вы его так убить можете.

— На морозе он в любом случае через несколько минут копыта отбросит, — сплюнул красную слюну Сашка.

— Вот гад, — воскликнул Максим. — Он мне калошу испортил!

— В таком месте и не заклеишь, придется новую покупать, — посочувствовал я, увидев два глубоких пореза.

Мы окружили неподвижно лежащего рака. Мне стало его жалко. Возможно, потому, что я был единственный, кому рак пока не причинил никакого ущерба.

— Слушай, Александр, — обратился я к другу, — подари мне этого бедолагу. Я его домой отвезу, в Москву.

— Куда ты его сейчас-то денешь?

— В кан посажу.

— А как же мои живцы? — возмутился Сашка.

— Что живцы? На жерлицы все равно поклевков нет. А если понадобится, то живца я быстро поймаю. Свеженького.

— И что же ты в Москве с ним сделаешь? На «птичку» продавать понесешь?

— Зачем! — возмутился я. — Посажу его в ванну. Пусть живет как в аквариуме. Кормить его буду. Курицей. И каждый день воду менять.

— Ну ладно, — сдался Сашка, — можешь забирать рака вместе с канной. Только смотри, чтобы он в твоей ванне дырку не сделал, как в Максовой каше.

Довольный, я вытащил из кана плотвичек, добавил в нее воды и аккуратно опустил рака. Он был какой-то квелый. Или успел уже замерзнуть, или никак не мог очухаться после удара ногой.

Мы возобновили ловлю в заливе. Сашка наконец-то отложил мормышку и вместе с нами стал блеснить окуня. Клев немного поутих, но все равно был неплохой.

Приблизилось время обеда. Я предложил до окончания ловли больше не пить, но ребята мои слова проигнорировали. В результате мы выпили всю оставшуюся водку и, конечно же, прилично захмелели. Особенно Максим. Про рыбалку он и думать забыл, зато развел прямо на льду огромный костер и все пытался выпросить у меня рака, чтобы поджарить его и съесть. Я на его уговоры не реагировал, и тогда Максим решил рака напоить. Вытащил бедное животное на лед и стал пихать ему в морду наполненную водкой пробку. Рак нервно пятился, а Максим все пихал и пихал и, в конце концов, вылил водку на его голову...

К автобусу мы вернулись одними из последних. Как выяснилось, уловы у всех были хорошими, а Зверьев один поймал больше, чем мы втроем, и выглядел, в отличие от нас, бодрым и веселым.

— Вот так-то, Макс, ловить надо, — сказал я с упрекom, — меньше надо на льду водку пить!

— Нет, Димон, — возразил он, — пить надо больше и чаще. А в том, что мы маловато рыбы поймали, рак виноват.

Вспомнив о подарке Сашки, я полез в ящик и увидел, что вода в кане, где сидел рак, сверху покрыта льдом. «Ну, и ничего страшного, — подумал я. — Ничего с этим злодеем не сделается». Автобус тронулся, я облокотился на Сашкино плечо, закрыл глаза и сразу заснул.

Очнулся я у подъезда своего дома, поддерживаемый Максимом, который растирал мне снегом лицо.

— Отстань от меня, псих ненормальный, — сказал я и, не попрощавшись с другом, пошел домой. Завалившись в квартиру и собрав последние силы, разделся-разулся, вытащил из ящика пакет с рыбой и пяток окуньков отдал

моей кошке Феде, а остальное убрал в холодильник. Федя окуньков слопа-ла за шесть секунд и давай мяукать — еще просит. Я полез в ящик за каном, она туда же свой нос сунула, да вдруг как шарахнется в сторону! Спина выгнута, шерсть дыбом, хвост дрожит, глаза круглые.

— Успокойся, Феденька, — говорю. — Я тебе дружка привез — рака.

Но Федя еще больше ошетибилась, убежала в комнату и залезла под гардероб. Вот дура, как мышей ловить, так это пожалуйста, а какого-то рака испугалась.

В ванной я поставил кан под струю горячей воды, чтобы лед побыстрее растаял. Потом, не в силах долго ждать, перевернул кан и стал стучать по краю ванны, пока все не вывалилось. Тут я увидел обломок рачьей клешни, вмержавший в льдинку и самого рака, одноклешневого и, несмотря ни на что, живого.

Рак довольно шустро пополз к сточному отверстию, наверное, рассчитывая через него удрать, но оно, конечно же, было слишком мало.

— Не повезло тебе, бедолага, — сказал я, закупоривая отверстие и включая холодную воду. — И в неволю попал, и инвалидом сделался.

Дождавшись, когда вода поднялась сантиметров на двадцать, я закрыл кран и отправился спать. Думал, что усну, как только доберусь до кровати, но не тут-то было. И икота меня одолела, и мутить начало, и голова разболелась. Пришлось пить анальгин, димедрол, еще что-то, после этого я все равно ворочался Бог знает сколько времени...

Проснувшись, я чувствовал себя ненамного лучше. К тому чуть не проспал на работу. Обычно после звонка будильника я в полудремотном состоянии продолжаю нежиться в постели, пока меня окончательно не добуживает Федя. Она запрыгивает на кровать и ненавязчиво начинает лизать мне шею. Щекотно. Здесь уж деваться некуда — приходится вставать и первым делом кормить мою подлизу. Но в то утро кошка, хоть и спала у меня в ногах, своими обязанностями пренебрегла, из-за чего я убежал из дома, не побрившись и не позавтракав.

Как назло, начальник попросил задержаться и поработать еще пару часов. В перерыве я пообедал в заводской столовой и успел сбегать в магазин — купить пачкупельменей и пару бутылок пива. Вернувшись домой, первым делом открыл одну бутылку и жадно ее осушил. Только после этого обратил внимание, что Федя, всегда радостно встречавшая меня у двери, на этот раз осталась лежать на кровати.

— Уж не заболела ли моя кошка? — подумал я, беря ее на руки и относя на кухню. Достав из холодильника окуней, наложил ей полную миску, но Федя любимое свое лакомство понюхала, нехотя сжевала одну рыбешку и сбегала обратно в комнату на кровать.

— Ну и Бог с ней. Пускай себе лежит — поправляется.

Зайдя в ванную комнату помыть руки, я сначала удивился, почему в ванне налита вода. Потом рака увидел — все вспомнил.

— Эй, — говорю, — а клешня-то твоя где, сожрал что ли? — но присмотревшись повнимательнее, обнаружил, что обломанную клешню рак своим телом накрыл и как бы охраняет. Я хотел было взять его в руки, но только

воды коснулся — представил себе прокусанную калошу, Сашкины пораненные пальцы и моментально трогать рака расхотелось.

Уставился я на него, а он на меня своими малюсенькими глазками. И тут на меня нашло что-то, накатило. Такое чувство возникло, будто должен я немедленно доставить рака в то самое место, откуда привез. То есть в тот самый мрачный залив на Вазузском водохранилище. И что должен я опустить его в ту же лунку, откуда рак был выловлен. Прямо наваждение какое-то.

Потом отшатнулся от ванны и как бы очнулся. С тех пор на рака старался не смотреть и в ванную комнату заходить как можно реже. Я совсем бы туда не совался, если бы в моей квартире санузел был раздельный, а так, волей-неволей, иногда приходилось рака навешать.

После ужина читал любимых Стругацких. Все вроде бы нормально было. Вечер как вечер. Но чувствовал я себя чуточку не так, коряво как-то.

Когда спать лег, и вовсе маята одолела. Стоило только глаза закрыть, как передо мной появлялся рак с одной клешней. И виделся он мне постоянно меняющим свой облик: то окраску изменял и делался либо рыже-красным, словно вареным, либо мертвецки сине-белым, то становился огромным, величиной с сенбернара, а клешня его, обломанная, будто сама по себе передвигалась и казалась такой угрожающе-кошмарной, что просто жуть...

Не знаю, сколько времени я так мучился, но все же отрубился. А посреди ночи проснулся от короткого, пронзительно-неприятного взвизга. Я аж подскочил на кровати. Очень страшно стало. Кое-как ночник нащупал, включил, смотрю — Федя моя в угол забилась и вся дрожит.

— Феденька, — говорю, — сволочь, ты что орешь? Ну-ка иди ко мне.

Кошка, поджимая переднюю лапу, медленно подошла к кровати, кое-как на нее запрыгнула и к моему боку прижалась — как приклеилась.

— Ты где лапку-то повредила? — спросил я, глядя ее. — И почему такая мокрая, в ванну к раку, что ли, лазила? Может, он тебя и цапнул своей клешней?

Но дверь в ванную комнату была закрыта: я ее всегда закрываю. Посмотрел на будильник — пятый час. Я чертыхнулся, выключил свет и с мыслью, что в квартире происходит что-то непонятное, уснул, обнявши дрожащую Федю.

Утром единственным моим желанием было как можно скорее уйти из дома. Когда, собравшись, я открыл входную дверь и уже ступил за порог, Федя, неподвижно пролежавшая на кровати, вдруг стремглав проскочила мимо меня на лестничную площадку и, прихрамывая, побежала вниз. Я бросился за ней, но кошка успела вслед за выходящей из дома женщиной прошмыгнуть на улицу и там запрыгнуть в открытое окно подвала.

Вообще-то Федя — кошка домашняя. На улицу я ее не отпускаю. Она и сама улицы боится. То, что она добровольно покинула родное жилье, меня очень удивило и огорчило. Но времени искать ее у меня не было.

На поиски ее я отправился сразу после окончания смены. Долго бродил по подвалам дома, шугая наглых крыс и пачкаясь в грязи, потом забрался на чердак, но все было напрасно. Пропала моя кошка.

Расстроенный, я пошел к Максиму, но дома его не застал. Потом долго блуждал по московским улицам, не переставая думать о Феде. Почему же все-таки она так рака испугалась? Может, недоброе почувствовала и от этого недоброго сбежала?

— Выбросить надо рака, вот что! — внезапно решил я. — Отнести куда-нибудь подальше и выбросить на помойку.

И почему нельзя было додуматься до этого раньше? Прошло всего двое суток, как рак появился в моей квартире, но с тех пор я перестал чувствовать себя в ней хозяином. Ведь не упрости я Сашку подарить мне его, наверняка все было бы нормально. Сидел бы сейчас на мягком диване, «глядя в телевизор», как поет Гребень, попивал пивко и поглаживал любимую кошечку.

Домой я вернулся с твердым намерением сразу исполнить свой замысел: отнести рака на помойку. Не раздеваясь и не снимая куртку, вошел в ванную и... И все! Увидев рака, я сделался другим человеком. Все во мне словно перевернулось. Из грозного властелина я превратился в жалкого раба. Вместо того, чтобы, не церемонясь, выбросить рака на мороз, мне захотелось слезно молить его о прощении...

Внешне рак ни в чем не изменился. После моих ночных видений даже показалось, что он немного уменьшился. Но при всем том исходила от него какая-то неумолимая сила, заставляющая ощутить себя таким ничтожеством и подлецом, что выть от стыда хотелось.

Вялым и безвольным покинул я ванную. Кое-как разделся, помыл на кухне руки, без аппетита поужинал и с затуманенной головой лег спать.

Вряд ли когда-нибудь мне удастся забыть ту ночь. Спал я совсем мало. Может, часа два, может, и того меньше. Все остальное время пытался разуверить себя в невозможности происходящего. Но это происходило вновь и вновь. Я слышал, как дверь в ванную с легким скрипом медленно открывается, и через несколько томительных секунд видел выползающего из коридора огромного рака с одной клешней. Черный и мокрый, он приближался к кровати и протягивал ко мне отвратительно шевелящиеся усики. С каждого усика стекала вода и тяжелыми каплями падала на одеяло, в которое я что есть силы впивался зубами, чтобы не закричать от ужаса. Рак поднимал клешню, она оказывалась перед моими глазами, и я не мог оттолкнуть ее из-за страха, что пальцы будут тут же перерублены этим кошмарным живым орудием. Когда клешня уже готова была сомкнуться и раздавить лицо, я орал что есть мочи, и сразу все пропадало.

Я лежал, тараща глаза в темноту, обессиленный и мокрый от пота. Но как только переставал слышать удары своего бешено колотящегося сердца и более-менее успокаивался, дверь в ванную открывалась снова.

Рак размером с крупную собаку появлялся из коридора, и его маленькие глазки словно пронзили меня насквозь. Я вдруг оказывался на льду Вазузского водохранилища темной морозной ночью. Путь мой лежал в залив, где недавно ловил с друзьями рыбу. Единственной моей ношей был рак, которого я держал перед собой на вытянутых руках.

Но не я нес рака. Нет! Это он, вцепившись единственной клешней в мои оковеченные пальцы, тянул меня в залив. Мы оказывались в том мрачном месте, и я пытался сбросить его в лунку, но рак не отцеплялся. Он погружался в ледяную воду, утягивая мою руку за собой, и я не в силах был сопротивляться. Отчаянный крик оглушал мертвую тишину залива и всего водохранилища, и мою, погруженную во мрак, квартиру...

Звонок будильника, наверное, спас меня от сумасшествия. Включив свет, я увидел, что часть одеяла и подушка пропитаны непонятно откуда взявшейся влагой. Может, я плакал во сне? Но какими же страшными должны быть сны, чтобы излить столько слез!

Решение пришло как бы само собой. Я торопливо оделся, достал из рыболовного ящика кан и налил в него воду. Зайдя в ванную, быстро схватил неподвижного рака, намочив при этом рукав куртки, и бросил его в кан.

Не прошло и десяти минут, как я стоял перед дверью Сашкиной квартиры.

— Забирай своего рака, — сказал я, вручая другу кан.

— Зачем он мне? — зевнул не успевший еще окончательно проснуться Сашка.

— Не знаю. Свари, если хочешь. Он живой еще, только клешня обломилась. Она тоже тут лежит.

Сашка заглянул в кан, потом молча уставился на меня, наверное, силясь сообразить, что же в действительности я от него хочу и не разыгрываю ли.

— Ну ладно, Санек, мне на работу пора, — сказал я и ушел.

Я ушел, передав своему другу кошмар! Зачем я сделал это? Почему не выбросил проклятого рака в какой-нибудь сугроб? Может, что-то независящее от меня заставило поступить именно так?

Вечером, возвратясь с работы, я обнаружил на половичке перед дверью мою любимую кошку. Нашей обоюдной радости не было предела. Вдоволь наевшись рыбы, соскучившаяся Федя, вместо обычного послеобеденного возлежания на кровати, продолжала бегать за мной по пятам по всей квартире. Только в ванную комнату она не пошла. Остановилась на пороге и недоверчиво так принюхивается.

— Не бойся, дурочка, — сказал я, — нет здесь никакого рака. Теперь ты в квартире снова полновластная хозяйка.

Я и сам бояться перестал. Настроение отличное, никаких тягостных мыслей. И спал нормально, без снов.

На следующий день под вечер позвонил Сашка.

— Слушай, Димон, ты за раком ничего странного не замечал? — осторожно поинтересовался он.

— Нет, ничего, — как ни в чем не бывало соврал я. — Рак как рак. А что случилось?

— Да так, ничего особенного, — разочарованно сказал Сашка и повесил трубку.

«Ну что я мог ему рассказать? — подумал я, уставившись на телефон. — Не пересказывать же свои ночные галлюцинации. И вообще — он сам рака поймал, пусть сам с ним и разбирается».

Но отговорки эти не могли вытеснить из моей души неприятнейшего чувства предательства. Я должен был все рассказать Сашке, пусть и рискуя показаться непонятым и даже смешным...

Обычно по пятницам Максим и Сашка приходят вечером ко мне, чтобы попить пивка и обсудить планы на субботу и воскресенье. На этот раз Максим пришел с пивом, но без Сашки.

— Представляешь, Дмитрий, — сказал он, раздеваясь, — меня Александр даже на порог не пустил!

— А в чем, собственно, дело? — как бы удивившись, спросил я, предчувствуя, однако, что Максим произнесет сейчас слова, которые мне меньше всего хотелось бы услышать.

— Не знаю в чем дело, — продолжал возмущаться он. — «Ты, — говорит, — Макс, ко мне не заходи. Занят я, — говорит». Чем он там может быть занят?

Я только пожал плечами. Максим достал из сумки одну бутылку «Клинского», открыл ее и приложился к горлышку.

— Какой-то Сашка странный был. Словно пришибленный. И весь мокрый почему-то.

— Мокрый?

— Ага, — Максим сделал еще пару глотков. — Я говорю: «Ты что, белье стираешь?» — А он: «Да, стираю». — И дверь перед самым моим носом хлопнула.

— Нет, Макс, белье он никогда в жизни не стирал. За него это всегда мамаша делает.

— Ну, и черт с ним, — махнул рукой Максим. — Ему же хуже. У тебя там, Димон, с прошлого раза, вроде бы, вобла осталась?

Я принес двух копченых лещей и мы, болтая о том, о сем, стали пить бутылку за бутылкой. На рыбалку в выходные решили не ездить — слишком холодно было, градусов тридцать мороза. Сидели мы долго. Но вопрос, мучивший меня весь вечер, я задал, только когда Максим собрался уходить.

— Может быть, Сашка из-за рака не согласился с нами пиво пить?

— Какого рака? — не понял Максим.

— Которого он на Вазузе поймал.

— А-а-а, — вспомнил Максим, — того самого, что мне галошу испортил? Так он же тебе его подарил.

— Правильно, подарил. Рак у меня в ванне жил. А позавчера я его обратно Сашке отнес.

— Ну и в чем дело?

— Понимаешь, — замялся я, — когда рак у меня жил, мне всякая чертовщина мерещилась. И Федя на улицу убежала...

— Так вот же Федя твоя, на кровати спит, — кивнул Максим в сторону мирно дремлющей кошки.

— Она вернулась только после того, как я рака Сашке всучил. А когда рак дома жил, Федя сама не своя была — зло чуяла. Я тоже сам не свой ходил. Знаешь, какие меня кошмары преследовали? Чуть не свихнулся!

— Эх, Димон, — ухмыльнулся Максим, — говорил же я тебе, что пить надо больше и чаще!

Я открыл было рот, чтобы ему возразить, но понял, что нормальный человек вряд ли мог бы серьезно воспринять чепуху, которую я только что молел...

Суббота пролетела незаметно. Встал я поздно. Немного побаливала голова, но после выпитой большой кружки крепкого чая — прошла. Весь день я безвылазно просидел дома. Даже по телефону ни с кем не разговаривал.

Сегодня воскресенье. После звонка Максима я сходил на лестничную площадку за газетой и прочитал заметку, о которой он говорил. Прочитал несколько раз, отказываясь верить тому, что в ней написано. И вот уже в который раз я набираю номер телефона моего друга Сашки. Набираю, чтобы снова услышать длинные гудки. Набираю в тщетной надежде, что гудки прервутся, и мой друг Сашка наконец-то снимет трубку...

«Найден у проруби»

О трагедиях на рыбалке в зимнее время читатели узнают довольно часто. Причиной их обычно бывает неосторожное поведение на льду. Рыбаков уносит в море на отколовшихся льдинах; одиночки тонут в полыньях; проезжая реки и водохранилища, проваливаются под лед автомобили, владельцы которых не всегда бывают достаточно расторопны, чтобы вовремя покинуть обреченное детище.

Случай, произошедший сегодня на Вазузском водохранилище, необычен и загадочен. Рыбаки, передвигавшиеся в поисках уловистых мест, обратили внимание на человека, продолжительное время лежавшего на льду. Подойдя ближе, они увидели, что человек лежит, уткнувшись лицом в снег с опущенной в лунку правой рукой. Самым ужасным для потрясенных свидетелей этого происшествия стал момент, когда они приподняли уже окоченевшее тело. Рука, опущенная в лунку, оказалась полностью лишенной кисти. Один из рыбаков успел заметить, как с искромсанного кровавого обрубка руки отвалился и плюхнулся обратно в лунку рак с одной клешней...

ОЛЬГА БАКК

СКАЗКОЛОЖЬ

Г ОВОРИЛА МАТУШКА: «НЕ ХОДИ ЗА НЕГО ЗАМУЖ!»

Обеденное блюдо свистнуло возле уха Ивана и, врезавшись в стену, брызнуло разноцветными осколками.

— Марусенька, да бог с тобой! Чего ж, милая, злишься?

— Жизнь ты мне, ирод, испоганил!

Второе блюдо едва не снесло Ивану голову, да он ловко увернулся. Что блюдо! От меча, поди, труднее уклониться!

— Марусенька, сердце мое! Да что ж приключилось?

— Полы не мыты, еда не готова, одёжа не стирана! А ты, негодный, спрашиваешь, что приключилось! Чем весь день занимался? Опять мечом махал?

Марья метнулась к печи, да Иван выскочил за дверь, прежде чем скорая на расправу жена ухватила чугунок.

Выбежал Иван на резное крыльцо, за голову схватился. Доля его, долушка горькая! Кто же может помочь в эдакой беде?

— Ты где это запропастился? Ну, погоди, найду я тебя!

Вздрогнул Иван. Жена голосила где-то рядом, миг один — доберется до него. Бросился Иван опрометью в конюшню, раскопал припрятанный в ворохе сена меч-кладенец, скатерть самобранку, перекинул через плечо седло богатырское. Опасливо выглянул во двор — жены не видать? Тихо было кругом: куры копались в пыли, дремал под навесом конюший, издалека доносились песни: бабы работали в поле. Жены не слышать, не видать.

Выскочил Иван за ворота и припустил что есть духу. Нешуточное дело нестись с такой поклажей. Но он же богатырь как-никак! Сдюжит!

Добежал до дуга Иван, остановился, дух перевел. Бросил седло и сам растянулся рядом. Приволье благодатное! Над головой небо синее, птицы поют, ветер траву гладит, в сон клонит.

Передохнул Иван, достал волос конский, поджег и крикнул богатырским голосом: «Сивка-бурка, вещей каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!»

«Конь бежит. Земля дрожит», — вспомнилось Ивану. Бабка часто ему сказки сказывала, пока мал был. Про богатырского коня, да про доблесть богатырскую. «Эх, бабка, бабка, — вздохнул Иван, — знала бы ты, как сказка былью оборачивается».

— Чего надобно, хошяин?

Глянул Иван на коня своего верного и глазам не поверил. Старая кляча, понунив голову, еле стояла на дрожащих ногах. Обнял Иван Сивку и заплакал.

— Друг ты мой верный! Сколько же мы не виделись?

— Долгонько, хошяин мой! Что ш ты не шпоминал Сивку-бурку швоего? Аль плохо он тебе шлушил?

— Да вспоминал, вспоминал! — гладил Иван друга верного по спутанной гриве. — Да Марья, как только оженились мы, взяла слово с меня, что не буду я по свету белому шастать. Припрятала волос из гривы твоей, да не сказала куда. А вчерась старый сундук выкидывали, так волос твой я и нашел.

Лизнул старый конь хозяйскую ладонь.

— Ты уж ишвини, Иван, что пошлушить тебе не могу.

— Что же делать мне, Сивка? — закручинился Иван.

— Приклюшилось-то шего? Аль с шенкой не ладишь? — беззубо улыбнулся вещий конь.

Удивился Иван:

— А тебе откуда ведомо?

— Шлухом шемля полниша!

— Нелажу, ой как нелажу, Сивушка!

— Ну тадыть, внушка моя тебе пошлушит!

— Внушка? Но мне нужен настоящий конь!

— Да брошь, хошяин! Ты швегда баб не увашал и што тапериша? Шнаешь, как люди умные говорят? Как аукниша так и отликниша! А внушка моя хороша. Ну-ка крикни богатыршким голошом и швисти богатыршким пошвистом: «Белка-штрелка! Штань передо мной, как муш перед шеной!» Она и примшится! Белая как шнег и быштрая как штрела!

Удивился Иван. Но медлить не стал. Вот-вот Марья на луг придет. Набрал воздуха побольше и крикнул так, что трава приклонилась: «Белка-стрелка! Стань передо мной, как муж перед женой!»

Кобылица бежит, под ней земля дрожит. Белая грива по ветру летит. Из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Грозно глянула, фыркнула кобылица на Ивана:

— Кто посмел потревожить меня? Уж не ты ли?

— Здравштвуй, внушенька! — зашамкал Сивка-бурка.

— Здрав будь! — махнула хвостом кобылица. — Уж не ты ли, дедуля, сказал человеку, как меня кликать?

— Не гневайшя, внушенька. Это Иван-шаревич, хошяин мой. Пошлуши ему! Не в шлушбу, а в друшбу!

Осердилась кобылица, фыркнула огнем, траву кругом пожгла, но ослушаться не посмела.

— Дедушка родимый, просьбу я твою уважу. Но как сослужу человеку службу, больше он меня не увидит!

— Вот и шладили! — обрадовался Сивка Бурка. — Ты уш береги ее, хошяин! И шебя береги! Мош, швидимшя ишо!

Вскочил Иван на спину Белке, и взвилась кобылица чуть повыше леса стоячего, чуть пониже облака лежащего. Закружилась голова у Ивана. Отвык он по свету летать. Попросил кобылицу спуститься на землю и скакать по дороге. А то, неровен час, сомлеет он, упадет да разобьется. Фыркнула недовольно кобылица, но не послушалась. Спустилась на землю.

Долго ли, коротко ли ехал Иван, да привела его дорога в царство Змеево. Едет Иван, по сторонам озирается. Неровен час, нападет Змей, огнем сожжет да пеплом по ветру пустит. Доехали до опушки леса. Иван расседлал, разнуздal кобылицу, да пустил на луг пастись. Сам же развел костер, разложил скатерть-самобранку. Сидит, угощается.

Вдруг грянул гром среди ясного неба. Пала тень на землю. То не туча тучится, то летит Змей Горыныч о трех головах, о шести хвостах.

Вскочил Иван на ноги. Меч поднял. Приготовился принять битву. А и радостно ему на душе. Молодость вспомнил. Не раз они со Змеем бивались. Считай, что побратались!

Упал с неба Змей. Хвостами глубокий след в земле прорыл. Бежит, с лапы на лапу переваливается, крыльями дерева сшибает.

— Иван! Радость-то какая!

Подбежал Змей к Ивану, схватил, к груди прижал, всего о чешую оцарапал. Долго тискал, приговаривая:

— Друг мой сердечный! Сколько лет, сколько зим!

Изо всех сил отбивался-уворачивался Иван от шершавого языка Змея. Лизнет Змей, так все лицо начисто и снесет.

— Да полно, тебе Змей! Полно!

Отпустил Змей Ивана, а от радости сам не свой. Вертится, приплясывает вокруг гостя, хвостами крошит в щепы дубы вековые.

— И я рад тебя видеть в добром здравии, — отвечает Иван. — Садись, угощайся! Обрадовался Горыныч:

— Скатерть-самобранка! Иван, друг мой, попроси у скатерки мяса, да побольше!

Уважил Иван просьбу гостя дорогого. Сел Змей, словно пес, на лапы задние, передними схватил быка жареного, что скатерть явила, засунул в рот средней головы и принялся чавкать. Голова глаза закатила, блаженствует. Две другие алчно смотрят ей в рот.

— Не посрами меня, — шепнул Иван скатерти. — Угости гостя на славу!

Завизжали радостно головы Змея, узрев кабанчиков жареных. Захрустели косточки у них на зубах, а скатерть, решив не ударить в грязь лицом, или, что у нее там есть, все подавала и подавала кушанья. Змей Горыныч, от радости ополоумев, только и успевал яства хватать да отправлять их в три пасти. Дивится Иван такому аппетиту. Хорошо, что скатерть волшебная. Наконец головы облизнулись. Улыбнулся Змей счастливо во все свои пасти. Рыгнул застенчиво и учтивые речи повел:

— Каким ветром занесло тебя в наши края, друг сердечный? Дело пытаешь, аль от дела лытаешь?

— Добры молодцы, по делу ездят! Помощи к тебе приехал просить!

Удивился Змей.

— Чем же могу помочь тебе?

— Мастер ты, Горыныч, девушек воровать.

Удивился змей еще пуще, хвостами махнул, едва Ивана не зашиб:

— Эко, вспомнил! Давным-давно это было! Помню, украл я за морями, за долами Марью Моревну. Опосля Тугарин ее отвоевал. А еще приезжал меня воевать Кощей Бессмертный, Василису Премудрую отбирать. Да я сам ее и отдал. Что ж я дядьке родному не уступлю? А была еще девка красоты невиданной — Марья Искусница. Да ты ж ее у меня и отвоевал! Помнишь, хвост мне в бою едва не отсек? А я тебе бока славно намял! Здорово было! А теперь... Стар я стал. Даже огнем дышать не могу.

— Да, было дело справное! — вздохнул Иван. — Эх, Горыныч! Дня не прошло с той поры, чтоб не каялся я победе своей!

— Да чего жалеть? Девка-то красивая! И к тому ж искусница.

— Знал бы ты, какую злыдно я в дом привез! Поедом меня ест! Все не так, все не эдак. На руку горяча! Посуду в тереме переколотила. Не успеваю чашки-горшки покупать. Вот скажи мне Горыныч, для чего бабы на свет рождаются? Чтоб хозяйство вести, да мужа блюсти! А моя — ехидна! Искусница, говоришь? Вот, отведай!

Шепнул Иван скатерти слово заветное, и через миг явилась бутылка, с зельем мутным. Иван бутылку Змею протянул:

— Отведай!

Взял осторожно Змей ту бутылку. Нюхнули головы попеременно зелье то да покривились. Опосля голова средняя, смелая самая, отхлебнула глоток и закашлялась. От кашля ее могучего задрожали деревья, те, что не успел растоптать Горыныч. Откашлялся Горыныч, глянул на Ивана с подозрением:

— Никак отравить меня надумал?

— Да что я, изверг, что ль! Травить тебя! — отвечал Иван. — Ничего странного не чуешь?

Средняя голова нежданно-негаданно икнула и принялась песни горланить. Удивился Змей.

— Чего это она?

— Весело ей, вот чего, — хмуро отозвался Иван. — Это зелье — веселящее. Жена моя варит. Искусница! От занятий ее вонь по всему терему. А недавно разрушительное зелье сварила. Оно как громыхнуло! Пол терема развалило! Я уж думал — конец света пришел. Жаль, жена уцелела. Не жизнь мне с ней, а беда лютая! — вздохнул Иван. — А еще зелье веселящее гореть может. Набери его маленько в пасть.

Страшно Змею, но послушался он Ивана. Вытащил Иван из костра горящую веточку, поднес к Горынычу и говорит:

— Брызни-ка сюда!

Как дохнул Змей, да и вспыхнула влага та огненным шаром.

— Да ты могучий чародей! — взревел Змей. — Отдай мне волшебное зелье! Чего хочешь, все для тебя сделаю!

— Клянешься?

— Клянусь! — стукнул себя в грудь Горыныч.

— Держи, — всучил ему бутылку с зельем Иван. — А за это, друг мой любезный, укради мою жену!

— Да ты что, Иван! — Выронил Горыныч бутылку, замахал лапами. — Зачем мне твоя жена!

— Ну, Горынушка, как друга прошу-умоляю, укради! А я в придачу к зелью скатерть самобранку тебе отдам.

Пригорюнился Змей:

— Скатерть оно, конечно, хорошо! Да не могу я тебе помочь, Иван! Я бы всем сердцем. Но не могу!

— Да отчего же?

— Да оттого, что есть у меня жена!

— Да откуда?

— Эх, Иванушка! Беда моя горькая. Много девиц-красавиц покрал, да только всегда находился богатырь могучий, который девицу отвоевывал. Но пришла расплата мне за дела мои скверные. Украл я у царя Дадона дочку — Елену Прекрасную. Да только не ведал, что царь сам был рад дочку с глаз долой убрать.

— И что, не пришел богатырь ее из полона выручить?

— Какой богатырь, Иванушка! Царь Дадон десять возов с приданным прислал и свое родительское благословение! Так и стала Елена моей женой!

Вконец Змей закручинился. Хлынули из его глаз горячие слезы и костер загасили.

— Ох, Иванушка! Не жизнь у меня, а горе горькое! Жена голодом заморила! Мяса не дает! Щи да кашу варит. А то и травы всяческой в миску накидает, и жую я, подобно козлу. А уж кричит как! Куда там Соловью-разбойнику! Я даже на одно ухо оглох! Летать не велит! Как во дворец зайти — лапы и хвосты мыть надобно. А во дворце — страх и ужас. Ни сеть, ни лечь, ни повернуться, ни пузо почесать, того и гляди, разобьешь чего-нибудь!

— Что ж ты ее обратно в дом родной не вернул?

Змей Горыныч сторожко оглянулся, утер слезы, пригнулся к Ивану, зашипел в самое ухо.

— Думаешь, не пробовал? Да царь Дадон поставил на границе огромные луки, тетиву по двести богатырей натягивают, стрелы по две сажени. Не пролететь, миг убьют! А богатырям приграничным наказ строгий дал — не пускать Елену-царевну домой. Вот и маюсь теперь! Слушай, Иван! — Глянул Змей Горыныч с надеждой Ивану в глаза: — А может, ты отобьешь ее у меня? Я и сражаться не буду! Даром отдам! Да еще воз золота в придачу отсыплю.

Вздыхнул Иван горько:

— Не могу, Горыныч. У меня своя беда дома. Раз не судьба нам сразиться, поеду я дальше.

— Ну, бывай, брат мой названный! Не держи на меня зла! Авось свидимся еще!

Иван со Змеем обнялись.

— Скатерть оставь себе, — сказал Иван. — Да только схорони понадежнее, чтоб жена не нашла!

Сел Иван на кобылицу-белогривицу и в путь отправился, а Змей Горыныч долго махал ему вослед, утирая слезы горячие скатертью-самобранкой.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Долго ли ехал Иван, про то нам не ведомо, да и прибыл в землю далекую, царство Тугариново. Глядь-поглядь — на поляне зеленой, перед городом белокаменным, пасется стадо свиней огромное. Пригляделся Иван и признал в пастухе врага своего давнишнего — Тугарина.

Удивился Иван. Спешился. Как завидел его Тугарин, вскочил, навстречу бросился. Обнялись они богатырским объятием да на траву присели.

— Иван-царевич! Рад тебя видеть! Что на белом свете делается?

— Да много чего делается. Змей Горыныч женился. Да и я уже не царевич. Как батюшка помер, так и сел я на царство. А что ж ты, Тугарин, свиней пасешь? Аль поработил тебя кто? Так давай поедем, сразимся, царство твоё отобьем!

— Тихо, тихо ты! — замахал руками Тугарин. — Ещё прослышит жена! Со свету сживет! Эх, Иван, не ведаешь ты горя моего! Знаешь ли ты, кто жена моя?

— Как не знать, знаю. Марья Моревна, прекрасная королева. Её Горыныч в полон взял, а ты освободил.

— Ох, царь Иван! Как же глуп я был тогда! Говорила мне матушка: «Не женись, сынок!» Марья Моревна-то богатырка, оказалось, силы превеликой! Как привез я её домой, волком взвыл. Она-то сама на царство села, меня в бараний рог скрутила и свиней пасти отослала!

Посидели богатыри, помолчали. А потом и молвил Тугарин с надеждою:

— А ты чего, царь Иван, по свету бродишь? Аль за старое дело взялся? Может, повоюешь мою Марью Моревну, да себе возьмешь?

— Да нет Тугарин, у меня своя жена дома есть. А по свету еду, так помощи ищу. Думал, ты подсобишь. Да вижу, тебе это не по силам.

— Да какие силы, Иванушка. Видишь, отошчал весь. Как пригоню свиней домой, жена кормит день через день — хлебом да водой.

Посмотрел Иван на Тугарина, такая жалость его взяла! Сидит бывший враг, тощий-претощий, усы обвисли, волосы грязные, спутанные, земля на лицо вьелась. Говорит Иван:

— Вот незадача! Такой ты, Тугарин, был могучий богатырь! А ныне глянуть жалко. Зря, видать, на твою силу я понадеялся.

Достал Иван из сумки еду, да бутылку вина:

— Угощайся не стесняйся. А я дальше поеду. В царство Кощеево. Может, он поможет.

Разгорелись глаза у Тугарина, принялся он жадно уплетать гуся жареного, да пирог, да запивать все добрым вином. А солнце тем временем к земле клонится. Спешит Тугарин, торопится, скоро стадо домой гнать, опоздает хоть на минуту — будет жена драться-браниться.

Проводил Иван Тугарина до города, попрощались они у ворот. Вскочил Иван на кобылицу и направился в царство Кощеево.

Ехал он лесами дремучими, полями широкими, через реки бурные переправлялся, через озера глубокие переплывал. Лето сменило весну, а там и осень пришла. Доехал он до моста калинового через реку Смородину. Раньше под мостом тем огонь горел, около моста поле было, человечьими костями усыпанное, за мостом царство Кощеево стояло, черными тучами укрытое. Глянул Иван, а речка-то стала синяя-синяя и не огонь в ней горит, а вода чистая, как слеза, бежит. Перед мостом поле зеленое, цветами покрытое. А за мостом свет золотой сияет.

Удивился Иван, дальше поехал. Едет, едет, а свет золотой все ярче и ярче становится. Закончилась дорога и видит Иван: дворец из чистого золота стоит, как жар горит. Ограда вокруг дворца серебряная, зеленью увита, черепами усажена. Да на черепках тех венки из цветов полевых. Открылись ворота золотые, Ивана пропустили. Около тех ворот пёс раньше сидел трехглавый, а нынче растут деревья с изумрудными листьями да золотыми яблоками. А на деревьях жар-птицы поют-заливаются.

Подъехал Иван к крыльцу резному, спешился. Выскочили слуги, взяли Ивана под белые руки, да в палаты повели.

Глазам не верит Иван, так вокруг все красиво убрано и наряжено, камнями драгоценными изукрашено. Привели его прямо в столовую горницу, а там пир горой. Во главе стола царь сидит толстый и румяный, смеется-заливается. Кого-то смутно Ивану напомнил он, да только вспомнить никак может. А девушек в горнице видимо-невидимо. Около царя так и вьются, не знают, как и чем угодить ему.

Глянул хозяин на гостя, из-за стола вышел, с объятиями навстречу бросился:

— Иванушка, друг ты мой разлюбезный! Садись, угощайся! Чем богаты, тем и рады.

Только по голосу и узнал Иван Кощея. Сел за стол. Поднял кубок за здоровье доброго хозяина. Тотчас подлетели к нему две девицы-красавицы, принялись кушанья в тарелку подкладывать, да вина в кубок подливать.

Долго пир-столованье длилось. Уже и луна в окно заглядывает, а Иван с Кошеем все пируют. Говорят, не наговорятся. Столько лет, столько зим не виделись. Расставались врагами, а повстречались разлюбезными друзьями. Один вопрос покоя Ивану не дает: отчего Кошей так живет хорошо? И дворец у него в догляде, и сам он при параде. Не утерпел Иван и спрашивает:

— А скажи мне, друг разлюбезный, отчего живешь ты, как сыр в масле катаешься, как сливки в молоке купаешься? Не таи секрет свой!

Обнял Кошей Ивана, своей рукой в кубок ему зелена вина подлил. Задушный разговор повел:

— Оттого я, Иван, живу беспечно, что жены у меня нет!

— А где же Василиса Премудрая?

— Была, была! Чуть со свету меня не сжила! То нельзя, это нельзя! Ни девушек воровать, ни войны воевать. Бегать меня вокруг дворца заставляла, сигать через веревку. Черепа с ограды поснимала, пса трехглавого уморила.

Какой пес хороший был! Может, она и премудрая была, но только превредная! Что ни задумаю сделать, все наперед знает! На каждом слове перечила! Высох я весь, позеленел, тени своей пугаться стал. Думал, погибель пришла. Да тут, на счастье, королевич заморский приключился. Молодой да глупый. Пришел отвоевывать у меня Василису! Так я ему и меча не дал обнажить, Василису в ковер закатал, через его коня перебросил, привязал покрепче, чтобы не вырвалась. А в придачу королевичу еще кошелек-самотряс в руку сунул. Кошелек тот, хоть век труси, деньги не переведутся. Да наказал королевичу строго-настрою: Василису мне не возвращать, не то не жить ему на белом свете!

Удивился Иван:

— А девушки-то откуда? Жены лишился, за старое спохватился?

Засмеялся Кощей, словно кабанчик захрюкал:

— Да ты что! Кто же неволею так славно будет за мной ухаживать? А девушки, посмотри, какие веселые, задорные! Кинул клыч я по царствам. Ежели кто хочет старого царя до смерти его безвременной присмотреть да приголубить, тому он царство свое подарит, да казну отпишет, и станет та девушка после кончины его царевной. Вот и смотри, сколько охочих нашлось! Вмиг мое царство в порядок привели, и меня холят-лелеют, понравиться мне желают.

— Да ты ж бессмертный!

Испугался Кощей:

— Иван! Как друга верного тебя прошу. Не говори им про мое бессмертие! Пусть думают, что кончина моя не за горами! И про смерть мою, где запрятана — не сказывай. Неровен час, угробят меня, не успею жизнью насладиться. А ты пока живи у меня, сколько хочешь!

Остался Иван у Кощея. Живут они, пируют в свое удовольствие. Дни несутся, как вода бежит, а месяц за месяцем мчит, как стрела летит. Только стало вдруг Кощею муторно. Слег он. Не ест, не пьет. Зовет Ивана.

— Чую, Иван, смерть моя близехонько.

— Да откуда здесь смерть-то твоя!

— Чую-чую погибель неминуемую! Поединщика неведомого.

Не успел молвить, как зашумело, загремело у ворот, задрожал дворец, едва не рассыпался. Повалил по двору дым смрадный, а в дыму том высится поединщик на коне черном, словно сажа, и сам весь черный.

Крикнул поединщик тонким голосом:

— Выходи биться, Кощей! Не то яйцо со смертью твоей на сковороде изжарю!

Иван поднял Кощея, облачил в доспехи, сам меч взял и пошли они к воротам, на поединщика смотреть, да узнавать, чего хочет он. Ан ворот-то и нет! Валяются посреди двора, богатырским ударом сорваны.

Спрашивает Кощей поединщика, а разглядеть его и не может — дым глаза ест:

— Чего тебе надобно в царстве моем? Отчего мое добро поломал-порушил? Я ли тебя обижал, грабил?

— Отдавай мужа моего — царя Ивана. А не отдашь подобру, так будем плохому говорить! Вот яйцо со смертью твоей.

Пал тут Кощей Ивану в ноги:

— Выручай, друг-товарищ! Видишь, жена за тобой приехала. Спаси меня! Не допусти смерти моей безвременной! Чего хочешь проси! Хоть дворец золотой разбирай по кирпичику, да с собой увози. Не погуби только!

Делать нечего Ивану. Завет богатырский: сам пропадай, а друга выручай. Жаль ему себя, но Кощей жальче.

Взяла Марья Искусница мужа, посадила позади себя и повезла домой.

Как приехали они, так и жили долго и счастливо. И сейчас живут, если не померли...

А меч-кладенец Иван поглубже в солому спрятал. От греха подальше.

НАТАЛЬЯ ДЕЕВА, СЕРГЕЙ ЮХИН

ПИГМАЛИОН МЫСЛИ

рассказ-победитель внутриклубного конкурса Крымского КЛФ

ВАСИЛЕУС БРУДИНСКИ ЖДАЛ. «КАК ЖЕРТВА, БЕЗВИННО приговоренная к заклятию, ожидает явления палача, — думал он. — Как трепетный цветок на поляне ждет жестоких пальцев... Нет, как-то слишком сухо. Лучше так: как цветок, трепещущий от порывов свежего утреннего ветра, опьяненный буйством ароматов зари, с ужасом склонил бутон при виде черствых жестоких пальцев».

Великий писатель Н. не щадил никого. Он потрошил творения семинаристов, как вивисектор — лягушек, и его глазки-буравчики возбужденно поблескивали. Он буквально распинал бедных писателей. Но в глубине души Василеус надеялся, что этот мудрый, начитанный человек оценит его рассказ по заслугам, потому что красивое, рожденное в муках, должно жить. В веках.

— Василеус Брудински, — великий писатель Н., прищурившись, оглядел аудиторию.

Не очень молодой талантливый писатель оцепенел.

Он стеснялся своего настоящего имени и думал: «Вот, найдет читатель на полке книгу, прочтает: «Василий Бруднов» и подумает: «Как прозаично! Что хорошего может написать человек с таким пошлым именем?» Другое дело — Василеус Брудински. Увидит читатель книгу и подумает: «Этот автор романтичен и благороден, наверное, и роман подобен его имени». Подумает — и купит книгу, и насладится бисером слов, рассыпанным по страницам.

Писатель Н. извлек из кучки распечаток рассказ Василеуса и торжественно произнес:

— Рассказ «Пигмалион мысли».

За спиной хихикнули. «Как кровососущие паразиты, чужие глаза прилепились к моей спине», — подумал Василеус и съежился.

— Что я могу сказать? — продолжил мэтр. — Пигмалион влюбился в статую, которую сам и создал, богиня любви вдохнула в нее жизнь... Это знают если не все, то многие. А знаете ли вы, как звали ребенка Пигмалиона и Галатеи?

Семинаристы притихли, втянули головы, как черепахи.

— Вот вы, уважаемый Брудински, в названии рассказа упомянули Пигмалиона... Просветите нас, как же звали ребенка. Ну?

Сердце ухнуло и остановилось, спина покрылась липким потом. Василеус слотнул и прошептал:

— Но позвольте, я не писал ни про какого ребенка. И Пигмалион имеет отношение... так сказать, косвенное... это же... это... аллегория... аллюзия... Какое это имеет отношение...

— Непосредственное, — отрезал великий писатель Н. — Потому что ребенка их звали Пафос. И вы родили пафос, уважаемый Брудински! — он поправил очки и зачитал. — «Ранний утренний луч, подобно указующему персту, вонзился в черное затхлое пространство комнаты». И намотал внутренности на себя, — добавил мэтр.

Зал взорвался хохотом. Василеус, униженный, ошарашенный, сидел и еще не мог поверить, что его дитя... его любимое дитя, рожденное в муках, сейчас убивают.

— Но вернемся к нашим баранам. О чем этот рассказ? О неудачнике, которого не любили ни женщины, ни люди в общем. Поскольку работать над собой несчастное существо не хотело, ему оставалось молча терпеть пинки да затрещины. И сублимировать... то есть гре-е-езить, — «грезить» он сказал таким тоном, что позади снова засмеялись. — И он придумал суперженщину. Естественно, грудастую блондинку, которая полюбила нашего героя и жестоко наказала его обидчиков. Вот такая сказка. В ней как нельзя лучше воплощена русская мечта дурня, лежащего на печи. Простите, Василеус, — великий писатель склонился. — Но это сублимат. Вот, что касается содержания. Мое мнение: оно безнадежно и рассчитано на закомплексованных детей среднего школьного возраста. Переходим к форме. Как вам такое выражение «ее лебединый стан»?

В ответ — молчание.

— Лебединая шея — да, это тонкая, изящная шея. Есть еще лебединая верность. А стан... Представьте себе лебеда, — великий писатель растопырил руки. — Это белая утка на красных ножках. Неуклюжее существо, которое ходит вразвалку.

Василеус задохнулся от негодования:

— Это аллегория, которую даже Цветаева использовала!

Великий писатель покраснел, его губы дернулись:

— Вы имеете в виду ее книгу «Лебединый стан»? Книгу, посвященную белому офицерству? Там «стан» — это не осанка, уж поверьте! Ну да ладно, это не самое страшное. Дальше по тексту. Представьте это: «Я наклонился вниз, чтобы меня было лучше слышно, и сказал». Простите, — писатель Н. зыркнул на Василеуса. — А разве можно наклониться вверх? Да и зачем наклоняться-то? Или у собеседников уши в каком-то особенном месте?

На этот раз смеялись все: кто-то — во всю глотку, кто-то — тихонько. Две светловолосые женщины, сидевшие впереди, сложились пополам и затопали ножками. Василеусу хотелось провалиться под землю. Как они могут? Кто дал им право? Смех сотнями щупалец терзал его беззащитное сознание.

— «Его глаза разбегались в разные стороны», — процитировал мастер. — А мы их — тапкой, тапкой!

Взрыв хохота.

Дождавшись тишины, великий писатель продолжил:

— На самом деле все это грустно. Автор использовал штамп «глаза разбегались», ему показалось, что это слишком сухо, и он добавил «в разные стороны». Он кивнул своей головой в знак согласия — из той же оперы. Ну, не писать же просто «он кивнул», как-то это несолидно, — писатель вернулся к рукописи. — Приготовьтесь, сейчас будет шедевр: «Ее невысокая грудь высоко вздымала свитер, и мне стоило немалых усилий, чтобы не пялиться на ее бугристые возвышенности». Поясняю: бугристые возвышенности — это грудь. Почему же она бугристая? От метастазов, что ли?

Мастер замолчал, подождал, когда утихнет смех.

— Я понимаю, что смешно. Теперь поговорим о не очень смешном. Будем разбирать ту самую грудь. Сначала эта грудь восторженно описывается: «вздымала», «стоило немалых усилий» — чувствуете настроение? И вдруг — «пялиться». С небес — и в грязь. И так почти в каждом предложении! Вслушайтесь: «белые толстые одутловатые ноги», «красный нарядный плащ с большой сиреневой брошью». Обилие прилагательных и наречий не добавляет деталей, а делает текст неповоротливым, грузным. Прилагательные — это жир текста, которого должно быть в меру. Кроме того, прилагательные не работают: большая брошь... можно представить что угодно. Не говори «дерево», скажи «дуб», «береза» — больше конкретики. Василеус, вы не чувствуете слова.

На самом деле Брудински уже не чувствовал ничего, он оцепенел и отупел, потому что рассказ — его ребенок, и сейчас из-под топора в жестоких руках разлетались куски плоти. Кровь... Кровь заливала глаза, одежду, весь мир... И лица смеющихся людей, этих злобных тварей, тоже были в крови, и расправу остановить невозможно...

Очнулся Василеус, когда семинар закончился, и в зале остался только великий писатель Н., собирающий бумаги в чемодан. С трудом поднявшись, Брудински вышел в светлый холл, облокотился о подоконник. И что теперь? Куда теперь?

Ноги сами принесли в бар. За соседним столиком заливали горе препарированные семинаристы. Усевшись, Василеус заказал водку, и долго рассматривал заусенцы на пальцах. В голове было пусто, потому что все, во что он верил, чем он жил, безжалостно растоптали.

Потом он бездумно бродил по городу. Мыслей не было. Был назойливый звон. Так звенят комары над ухом, и нет сил отогнать их, потому что сознание в полусне. Пусть и дальше будет полусон, потому что, проснувшись, можно обнаружить, что никакие это не комары — это голос реальности, которая ждет момент, чтобы обрушиться и размазать по асфальту.

Небо разверзлось над головой Василеуса. Обнаженные рапиры дождя пронзали измученное тело сотнями холодных лезвий. Парализованные мысли постепенно обретали подвижность, и каждое их движение причиняло боль.

«О, Боже! — подумал Василеус, тяжело переваривая обиды и несвоевременный дождь, — Я же без плаща. Недоставало еще инфлюэнцу подхватить.

Хотя, растоптанной душе не жить более в брэнном теле. К чему все это? Меня не признали, препарировали, унизили... Я стою тут мокрый и несчастный... и... и...»

«Без плаща!» — пискнул голос внутри черепной коробки.

«И без шляпы», — подсказал бас где-то в районе правой глазницы.

«Тебя признают после смерти. Не горюй», — успокоила переносица.

«Тебя полюбят грудастые блондинки», — шевельнулось в паху.

«Ага. После смерти», — зачесалось в среднем ухе.

«Я сошел с ума!» — глухо стукнуло в затылке, и Василеус мелко задрожал.

«Конечно, все гении — сумасшедшие», — хохотнула диафрагма, отчего Василеус зашелся в приступе нестерпимой икоты.

— Такси, такси! Та-иик-си!

Желтый автомобиль затормозил рядом, принял промокшее икающее писательское тело и умчался, обдавая прохожих веером брызг. В салоне такси Василеус Брудински почувствовал себя лучше — многоголосье в организме слегка умолкло, только иногда прорывались отдельные слова: «Гений... умрет... ничтожество... все умрут... я был прав...»

«Я утомился своими творческими переживаниями. «Пигмалион» выпил всю энергию. Еще и писательская братия...»

«Жалкие ничтожные людишки!» — подсказал кто-то.

«Да-да. Именно так. Они не понимают масштаба моей личности. Просто неспособны. Но они раскаются! Ох, как они раскаются...»

«Когда увидят бронзовый бюст на твоей могиле!»

«Памятник в полный рост! — не согласился Василеус. — Именно памятник. Не менее. Стыд и раскаяние охватит этих шелкоперов! Поймут они, с какой глыбищей пришлось им столкнуться на своем жизненном пути. Не разглядели. Эх, не разглядели...»

«Это к окулисту».

«Не надо глупых шуток! — возмутился Василеус, невольно втягиваясь в дискуссию. — Я...»

— Приехали. С вас полтинник, — оборвал таксист все голоса разом.

— Да-да, — засуетился писатель, с трудом вытаскивая мокрые бумажки из кармана брюк, — спасибо.

Подниматься по лестнице в пустую квартиру было мучительно. Василеус Брудински шел, как на Голгофу, мимо расписанных неприличными словами стен, слишком великий для этого мелочного мира, слишком возвышенный, чтобы замечать плевки и окурки, слишком сосредоточенный, чтобы чувствовать резкий запах испражнений в парадном. Дверь квартиры послушно открылась навстречу. Белым засветилась лампа в прихожей... «Я в своем замке. Я в храме вдохновения и убежище муз, — убеждал себя Василеус, пытаюсь расшнуровать промокшие шнуры. — Я здесь хозяин. В этом доме нет злоязычных критиков и глупых читателей. Здесь я в безопасности».

Посторонний шум привлек внимание Василеуса. Прекратив бороться со шнурком, он обернулся и увидел на кухне обнаженную блондинку необычайной красоты. Она стояла, опершись о стол, тело ее излучало матовый

лунный свет, а в руке приветливо мигал лампочками бластер новейшей системы «Б-17».

— Здравствуйте, Василеус! — немного жеманно произнесла блондинка.

— Гар...мен...тиоха! — пролепетал Василеус, попытался выдавить улыбку и, лишаясь чувств, осел на пол, как пивная пена.

— Ты только не умирай, милый... Не умирай. А то я тебя сама убью! Не время сейчас. Потом — сколько угодно. Хоть десять раз. Но сейчас изволь пожить! Вот малохолный... Да очнись ты! — голос как будто пробивался через вату и звучал глухо.

— Ты... вы... кто? — пролепетал Василеус, открывая глаза. Над ним склонилась та самая блондинка, которая непонятным образом оказалась в кухне. Теперь было ясно, что она вовсе не голая — ее тело облегал костюм из странной фосфоресцирующей ткани. Сам же Василеус лежал на полу в прихожей и, судя по всему, давно — он успел продрогнуть.

— Я замерз... Помогите мне подняться...

— Да, сейчас. Поднимайся, хватит симулировать. Валяешься уже сорок минут. Думала, конец писателю. А ты мне еще нужен. Вставай, вставай, я сейчас чаю заварю, сразу полегчает. Ну что за беда с этими фантастами, пишут бог весть какие ужасы, а увидят молодую привлекательную даму и — бух в обморок... Ну прям как дети... Ты как? Несильно головой ударился? А то стук был такой, словно арбуз об асфальт раскокали...

— Извините, а мы с вами на «ты»? — поинтересовался Василеус несколько минут спустя, прихлебывая из кружки обжигающий чай, любезно заваренный блондинкой.

— Вася, ну что за официоз? — при этих словах Василеус Брудинский поперхнулся — он ужасно не любил, когда его называли по имени, — Ты, можно сказать, мой творец, Вася. Ты, Вася, мой Бог... Слышал где-нибудь, что бы Бога называли на «вы»?

— Я попрошу ВАС однако объясниться, — промямлил удивленный Василеус.

— Однако, сейчас объяснюсь, — передразнила блондинка, — Однако, я сейчас тебе такое устрою, что мало не покажется. Я, однако, сюда не чай распивать пришла. Ты, Вася, дурак дураком, а я за это расплачиваюсь...

— Я бы попросил...

— А я бы попросила тебя заткнуться, слушать внимательно и не пялиться на мою грудь.

— Я... я... не пялюсь... Извините...

— Уф-ф! Все, успокоилась. Итак, по порядку. Ты свой рассказ «Психология индивидуальности» помнишь?

— А... конечно. Одно из моих первых произведений. Его еще в журнале «Межгалактический форум фантастов» напечатали.

— Да, есть такой дрянной журнальчик, — согласилась блондинка, присаживаясь на соседний стул и закуривая тонкую сигарету, — помнишь, значит? Ага. Тогда ты должен помнить и меня...

— Вас?

— Вас... Вас... Вас ист дас!!! Да, меня, меня ты должен помнить! Я же в твоём рассказе самая распервая героиня.

— Кто? Вы?

— Ну, все, я больше не могу. Сейчас освежу память. В твоём, не побоюсь этого слова, «произведении» есть героиня, покорительница межзвездных просторов, блондинка, сиськи — во! Глаза голубые, ноги от ушей, закончила Академию первых штурманов (с отличием, надо заметить), девственница, в руках бластер... И зовут ее...

— Гарментиоха!

— Фиг! Гарментохой ты потом ее обозвал. После всех насмешек и критических отзывов. А сначала... Сначала звали ее Герпесиной. Это ж придет такое в голову! Герпесина!!! Так вот. Герпесина — это я.

— Как это?..

— Да просто. Живу вот на планете Умсидрон, гоняю со сверхсветовой скоростью по заданию Технического Разума, расстреливаю из бластера всяких мутантов... Короче, все, как ты описал. Казалось бы, жизнь как жизнь... Но есть некоторые побочные явления. С девственностью ты явно переборщил. Про имя я вообще молчу. Стоит только представиться — «Герпесина» — мужики шарахаются, боятся, что обсыплет после общения со мной. Ну, ты понял. Да и смеются надо мной...

— Почему? — спросил совершенно сбитый с толку Василеус.

— Почему? А ты вообще читал свой рассказ? Ах, да... Чукча не читатель, чукча писатель... Смеются потому, что только в моем мире существует квазимондрический апоплексус. И я вынуждена каждый день питаться этой гадостью. По-твоему это смешно? Ни один нормальный человек не станет есть эту зеленую размазню. А стихи, которые я пишу!!! Ну вот, например:

*Благую весть неся в пространство,
Наш орлокрылый звездолет
Пронзает черное коварство
Лучом на десять тысяч верст...*

Каково? «Орлокрылый» звездолет... Ну, пусть бы я просто писала стихи. Я же вынуждена их прилюдно декламировать на Фестивалях Свободного Творчества. И все по твоей вине... Короче, надо все исправить!

— Я угадал, — Василеус блаженно улыбался. — Я все угадал! И про Разум, и про Фестивали... И... А невидимые корабли Буршуйской империи прилетают?

— Регулярно. Ты, я вижу, действительно не в своем уме. Ты все это не УГАДАЛ. Ты все это ПРИДУМАЛ. Хуже того — ИЗЛОЖИЛ НА БУМАГЕ. И теперь существует дурацкая планета Умсидрон, населенная несчастными, типа меня, мы ходим друг к другу в гости, чтобы совместно послушать дыхание Космоса, дежурим возле оптоструйных пушек, когда прилетает буршуйский десант, завтракаем квазимондрическим апоплексусом, черт бы его побрал, и читаем стихи на фестивалях! А вокруг кипит нормальная жизнь. Вот на Марсе, например, брэдберийцы. Ну те, кого Брэдбери выдумал. Конечно, тоже со своими тараканами, но они хоть на людей похожи. Дома, любовь, дети, птицы, деревья... А у нас вместо деревьев — храмские

выплущи. Вместо любви — клеточно-стволовой синтез. А имена! Имена! Герпесина... Унтифлекс... Моя соседка Кнурь вообще-то попросила тебя пристрелить на месте без разговоров, но у меня другие планы...

— Я должен все переписать заново? — обреченно спросил Василеус.

— Ну уж нет! Первое, у меня нет времени ждать, пока ты родишь новый «шедевр», я устала... Второе... Бррр... Боюсь даже представить, каких еще чукабр ты выдумаешь. И теперь самое главное: я хочу... Хочу, чтобы прекратились постоянные насмешки надо мной. Немедленно. А то мне понравился один парень... он сам из стругацких. Ну, из тех, кого создали Стругацкие... Он просто умирает со смеху, когда мы встречаемся. Говорит, что наш Создатель — осел... Это он, между прочим, про тебя. Да ладно бы только о тебе шел разговор. Он считает меня абсолютно неестественной. Ненатуральной. А я хочу, чтобы он мной восхищался!

— Но как... Как это возможно?

— Мелочи. Ты должен стать классиком жанра. Корифеем. Тогда все эти стругацкие, брэдберийцы и прочие азимовцы будут совершенно по-другому к нам, брудинсковцам (тьфу, язык сломаешь!), относиться. И тогда этот парень... Тогда он приползет ко мне на коленях и будет мечтать, чтобы я обратила на него внимание... Будет молить хоть об одном взгляде!

— Но это же невозможно... Я и Стругацкие... Я и Брэдбери... Меня сегодня так... унизили, — Василеус застонал от обиды.

— Это я беру на себя. Пока ты тут околачивался по всяким семинарам, совершенно для тебя бесполезным, надо отметить, я создала машину времени. Ни больше, ни меньше. Не зря же прошла Высшие Курсы Прикладной Энергетики при Академии Духовной Экзальтации. Я тебя отправлю в прошлое...

— Куда?

— В прошлое. Бери с собой весь хлам, который написал, и отправляйся подальше... Точнее — пораньше всех этих Желязны, Достоевских и Вальтеров Скоттов. Будешь продвигать свой незабываемый литературный стиль.

— А если они все-таки правы? И мой стиль...

— Ерунда, — отмахнулась блондинка. — Все, что создано людьми для людей, перманентно. Вспомни женщин Рубенса... Ими восхищались, они были идеалом. А по нынешним канонам красоты они — жирные туши. Вот, что нужно менять — каноны! Не бойся, там уже все схвачено, я помогу...

— Пойдите... А как я вернусь обратно?

— А зачем тебе обратно? Здесь ты никто. И звать тебя... Вася. А там станешь классиком — почет, книги в кожаных переплетах и мемориальная доска на доме, в котором жил. Понял? Собирайся!

— Да я... мне...

— Все, хватит нюни распускать. Чай допьешь по дороге. Готов? Раз, два... три!

Поглаживая седую бородицу, великий писатель Д. прохаживался по читальному залу. Семинаристы трепетали, жались друг к другу, втягивали

головы в плечи. Лишь молодой человек в сером твидовом пиджаке сидел, вытянувшись.

— Ну, как так можно? — говорил великий писатель, глядя на него. — Как? Вы же можете чувствовать язык и такое выдаете: «Он кивнул».

Зал разразился хохотом.

— Кивнул — и все. Это же фраза-обрубок! Говорить так вы можете сколько угодно, но литература — искусство, она должна быть прекрасной и отражать мельчайшие грани реальности и черты героев. А вы пожертвовали деталями, невероятно богатым миром слов и звуков в угоду... я даже не знаю, в угоду чему. Ваш рассказ сух, линейен и лишен яркости. Вы забываете о прилагательных. Чем больше прилагательных, тем богаче эмоциональная окраска текста, тем больше граней. Прилагательные — это ворс на бархате! И наречиями вы тоже брезгуете, а не следовало бы, наречия вносят точность и расставляют акценты. А ведь вы можете рождать образы: «В окно едва пробивался дрожащий лунный свет, касался тяжелых бархатных занавесок у входа, измененного лица Олега, за окном тянул свои крючковатые ветви к небу лишенный листьев вяз, как трепетный скелет...»

Молодой писатель в твидовом пиджаке от стыда готов был провалиться под землю, он обещал себе учиться, больше читать классиков...

...а с портрета, что над головой великого писателя Д., победоносно улыбался основоположник канонов отечественной словесности, человек-символ, человек-легенда — Василеус Брудински.

АНТОН ТУДАКОВ

МЕРТВОЕ ДВЕНАДЦАТИЦИЛИНДРОВОЕ СЕРДЦЕ

Х ТЫ, ОХЛОМОН ТАКОЙ, ДА ЧТО Ж ТЫ
опять с одежкой-то сделал?!

— Дрался я.

Юный наследник престола шмыгнул и утер сопливый нос ладошкой, добавив еще одну полосу грязи на чумазое лицо. Рукав вельветовой куртки лохматился распушенной бахромой, королевский герб на спине болтался, как обвисшие крылья, а дыры на коленках штанов дорогого заморского бархата открывали отличный вид на исцарапанные августейшие коленки. А ведь только утром служанки от дворцового портного костюм принесли!

— Спаси Эру, дрался он! — королева всплеснула руками. — Седрик, ну как тебе не стыдно — ты же принц, а не уличный мальчишка! Тебе фехтовать положено, а не в грязи кулаками махать! Опять с сыновьями барона де Врие что-то не поделил?

Седрик упрямо усталился под ноги, всем своим видом показывая, что нежная зелень травы королевского сада ему интересней разговора с матерью.

— А чего? Они опять меня наперегонки обогнали! Казнить их папа не разрешает, вот они и выигрывают у меня. Так нечестно.

— Это почему же еще? — мать удивленно усталилась на сына.

— А потому что я будущий король, а они мои вассалы. Какое они имеют право быть первыми?

— А ты, значит, хочешь во всем первым быть?

— Хочу. Вот скажу папе, чтобы гномы сделали мне самую быструю на свете машину и обгону на ней братьев!

Королева-мать опустила на скамейку и посадила рядом сына.

— Ох, Седрик, не доводит до добра стремление быть первым любой ценой.

— Почему? — в глазах мальчишки загорелся интерес.

— Разве ты не слышал историю про Короля Мертвое Сердце?

Седрик замотал головой.

— Расскажи, мама!

— Расскажу, горе ты мое луковое, надеюсь, хоть это тебя успокоит.

Жила в одной стране юная принцесса. Звали ее... Ну, предположим, Вильда. Красавица была такая, что из самых далеких краев свататься к ней

приезжали короли да принцы. Но, как это водится у юных и взбалмошных принцесс, Вильда всех принимала, да никому «да» не сказала.

Седрик насупился.

— Фу, прям, как принцесса Ламантийская. Старше меня всего на год, а уже корчит из себя взрослую тетку. То принц Лемурийский ей золотые ведерко с совком подарил, то наследник Умарский на своей машине покатал. А со мной она, видите ли, и играть не хочет. Маленький еще.

— Вот-вот, и Вильда такая же в детстве была, — мать потрепала наследников вихры и продолжила. — Так может принцесса и прогуляла бы на пирах у сватов до повзреления, и остепенилась, да на свою беду влюбилась она.

В той стране жил барон Дирак, который королю приходился двоюродным братом. Богатым человеком слыл барон Дирак, потому что торговал он с подгорным народом и торговал успешно. Настолько успешно, что гномы даже взяли в ученики его сыновей Влада и Рема. И не просто учили их с камнями да рудами обращаться, а в самые главные тайны посвятили — как сковать железное сердце машины и вдохнуть в него жизнь. А такие секреты гномы кому попало не открывали. Много ли по нашим землям машин бегают? А все потому, что они не мертвое железо, а живое существо с сердцами-моторами. Машина ездит, только пока живо ее сердце. И уж если умерло сердце у машины — никакой ремонт не поможет, кончается в ней жизнь, и она становится мертвым железом.

— А правду говорят, что сердце у машины может не выдержать гонки и разорваться? — Седрик заворожено уставился на мать.

— Может, сынок. Поэтому все свои машины берегут, и без особой нужды никто сердце машинное сверх его возможности не нагружает. Ну вот, из-за тебя вперед забегаем. Слушай, непоседа.

Братья провели в обучении у гномов долгих семь лет. Из замка Дирак уезжали они мальчишками, а вернулись взрослыми красавцами, и никакая подземная жизнь без солнца их красоты не умалила. К тому же у обоих братьев руки, что называется, золотыми оказались, и в искусстве механики друг другу они ни в чем не уступали.

Надо сказать, братья хоть и родились двойней, а совсем разными оказались. Влад первым на свет появился и весь в отца пошел, что внешностью, что характером. А в Реме все черты его покойной матушки баронессы Дирак видели. Братья с детства не разлей вода были, а потому по возвращении из подгорного мира их обоих и представили принцессе Вильде.

Оба брата сразу сердцами к принцессе прикипели, да и принцесса к братьям равнодушной казалась. Стоило их только Вильде представить, как та, вроде бы, и забыла о своих капризах. То с одним братом вместе время проводит, то с другим. Вот тогда-то между Владом и Ремом кошка и пробежала.

Раньше они все вместе делали, всегда друг другу помогали. Даже ученичество у гномов братьев не разделило, хотя Рем явно уступал в мастерстве Владу. А гномы, надо сказать, народ такой, что мастерство их тайное важнее всего. И уж если ты выбился в высокие мастера, значит, остальные тебе боле не ровня. Такой гном и своему брату, что не так умел, как он, в работе с же-

лезом, руки не подаст. Также они и Влада с Ремом воспитать пытались, да ничего у них за семь лет не вышло. Какими пришли братья в подземный мир, такими и вышли из него.

А как принцессу увидели — так все, как будто и не было между ними никакой дружбы. Да и Вильда не упускала случая обоих братьев раззадорить. Мол, кто лучшим мастером себя покажет, с тем и пойду сегодня в сад гулять.

И уж на что только братья не шли, лишь бы на заветную прогулку попасть, да за белые принцессины ручки подержаться.

То Влад построит золотую механическую птицу, что птичий щебет на людской язык переводила. Рем же в ответ сделает механического ежа. Еж тот ключом заводится, по комнате, словно живой, бегает, иголки у него из платины выкованы, а в глаза редкие светящиеся изумруды вставлены. И так без конца.

Но то все безделушки для принцессы, а ведь они и между собой соревноваться затеяли. И каждый начал строить себе машину. Выковали, как водится, по железному сердцу, да оживили его тайной гномьей магией, а потом за кузова принялись. А как машины ожили и на дорогу выехали, так поняли братья, что в машинах своих они души не чают.

Влад построил машину красную, как кровь. Решетки из серебра, диски из платины, фары алхимическим огнем горят, на капоте герб королевский из цельного гелиотрона вырезан, а салон чудной заморской крокодилей кожей отделан. Длины машина оказалась футов пятнадцать, над багажником крылья посеребренные вздымаются. Под капотом же у нее жило сердце мощное, как у великана, и когда Влад за руль садился, ревели так, что в окрестных домах стекла только что не лопались.

Рем от брата не отстал, и получилась у него вроде машина, а вроде, как и лодка на вид. Белая, как чайка, и такая же легкая, она, казалось, не ехала, а летела над дорогой. Да только тут и сказалась разница в мастерстве братьев: как ни бился Рем, а так ни разу и не обогнал он на ней своего брата.

— А я тоже себе такую машину хочу, — мечтательно пробормотал Седрик.

— Как у Влада или у Рема? — спросила королева.

Тревога прозвучала в ее голосе, но Седрик еще был слишком мал, чтобы улавливать потаенные чувства.

— Не знаю пока... Главное, чтобы свою. Чтобы я мог на ней ездить быстрее ветра. И заботиться о ней буду, и у нее никогда-никогда сердце не разорвется!

— Ну, тогда слушай дальше.

Король, глядя на это дело, радостно ручки потирал. Ну, разве не выгодная партия наклеивается? Да и барон Дирак ко двору зачастил, потому что братья уже начали подарки принцессе носить, да такие, что не всякий принц мог себе позволить, благо торговля с гномами процветала, и удивительных украшений и механизмов подгорного народа в замке Дирак накопилось великое множество. Дело осталось за малым: кто первым предложение сделает? Казалось, принцесса только этого и ждет. Но никто не мог сказать, кто из братьев ей больше по душе.

Случилось так, что Рем в этот раз обошел своего старшего близнеца Влада и предложил принцессе руку и сердце.

И каково же было удивление двора, когда она при всех ему отказала.

Ух, как рассвирепел король при этом. Ударил по полу скипетром так, что из мраморных плит крошка полетела и говорит:

— Долго, дочь, ты мое терпение испытывала. Я уж думал, ты образумилась, к свадьбе готовился. Но, гляжу я, как была ты взбалмошной девчонкой, так и осталась. А потому не буду я больше с тобой церемониться, и объявляю по всей стране турнир. Через три месяца пройдут Большие королевские гонки, и тот, кто победит на них, — станет твоим мужем.

При этих словах Седрик встрепенулся.

— Мама, а у них что, тоже гонки, как у нас, проводятся?

— Конечно, а где их сейчас нет? Раньше, говорят, в моде были турниры рыцарские, да на них столько людей гибло, что запретили их во всех цивилизованных странах. Да и давно это было, даже мой прадед уже в Гонках участвовал.

А теперь слушай дальше.

Испугалась принцесса отцовских слов, бросилась ему в колени.

— Папочка, не надо, прошу тебя! Не хочу я замуж за Рема, мне его брат Влад милее, потому и отказала я Рему. За Влада замуж хочу!

Королю бы тут пойти на попятную, но слишком много народу при этом присутствовало, чтобы от своих слов отказаться. Да и гнев в нем еще играл.

— Ну, уж нет, не бывать тому! Если твой Влад так тебя любит, пусть делает себе машину, которую ни одна другая в этом мире обогнать не сможет. Победит — быть ему мужем, а нет, так выйдешь за другого.

Никто не заметил, как почернел лицом при словах принцессы баронет Рем. Отшвырнул он тиару из лучистых самоцветов, что в подарок Вильде принес, сверкнул глазами и был таков.

А принцесса плакала недолго, потому что вскоре увиделась с Владом. И тот рассказал ей, что не боится никаких гонок, так как его учителя-гномы помогут ему создать такую машину, которой нет ни у кого на свете. И будет она еще лучше, чем та, что у него сейчас.

Так что вскоре баронет Влад покинул замок и поспешил в горы. Ведь действительно, хоть и быстрая была у него машина, но знал он, что настоящие мастера-механики у гномов куда как более быстрые сердца ковали для его будущих соперников. Поэтому он задумал с помощью своих подгорных учителей построить самое мощное в этом мире сердце-мотор, что любые гонки выдержит и не разорвется.

Но самое удивительное было то, что после скандала во дворце исчез куда-то брат Влада Рем, и никто его с тех пор не видел.

Три месяца прошли быстро. За это время вести о том, что главным призом королевских гонок в этом году будет сама принцесса Вильда, разнеслись по всему свету. Заметались, забегали принцы, графы да бароны, которым Вильда раньше отказала: всем захотелось наказать своевольную принцессу. Засуетились и дворяне рангом помельче, а то и вовсе купцов

детки: а ну как именно им в этом году повезет? Кто ж откажется стать наследником престола?

Задымились, зашумели по всем странам кузни да мастерские. Много денег за эти три месяца и гномы и человечьи мастера-механики заработали.

А Вильда лишь посмеивалась да ждала возвращения Влада. Потому что знала, что никому гномы не позволят выковать сердце-мотор сильнее, чем у своего любимого ученика Влада.

В день гонок столько претендентов на руку и сердце принцессы понаехало, что, казалось, не поместятся все на главном ристалище страны. Каких только машин там не оказалось: от мощных, изукрашенных самоцветами до золотом родстеров принцев-баронов до совсем уж непонятно как допущенных до соревнований полуживых городских работяг-кэбменов. По традиции, все проехали круг перед трибунами, задрал капоты, порычали, поревели всласть. У некоторых даже и от этого моторы перегрелись да позагорались, так их сразу за забор и выволокли, где гномы, которые ради такого события даже на поверхность выползи, их паять да лудить принялись.

Но все ждали, на чем приедет баронет Влад, ибо историю о том, почему в этих гонках такой приз объявили, обошла уже все таверны. Странно, но о неудачнике Реме почему-то никто не вспомнил.

А Влад не торопился перед публикой появиться и предпочел выехать на поле последним.

Когда публика увидела его машину, ристалище взорвалось радостным криком. Никогда еще сюда не въезжала такая машина. Влад остался верен себе и выкрасил кузов в ярко-алый цвет. Но не это главное — на машине не было никаких украшений, зато, казалось, гномы заковали в кипящую сталь западные ветры, что каждую весну приходят с моря и срывают крыши в портовых городах.

Да, славно потрудились гномы на этот раз, не одну неделю провели в расчетах формы удивительной машины. Расстарались для Влада, и никто больше не сомневался, кто победит на этих соревнованиях.

Только хотел Влад публике мощь машинного сердца продемонстрировать, как вдруг ристалище затихло. И не машина Влада эту тишину вызвала.

Понял Влад, что не последний он на старт выходит, и обернулся.

Стояла за ним машина, да такая, что кровь в жилах стыла. Черная, как земля в глубокой могиле, даже солнечный свет, казалось, тонул в ней. И стекла, и диски были чернее ночи, и из фар не свет льется, а сплошная темень. Под колесами у этого чудовища клубился туман, а сзади гроздя труб пускали черный дым, отдающий самой едкой на свете гарью.

Поравнялся пришелец с машиной Влада и зашевелились у того волосы на голове — не жило сердце у этой машины, не билось в унисон с сердцем водителя, а лишь глухо отмеряло секунды, как метроном.

Пригляделся Влад и понял, что не просто машина перед ним, а детище черных гномов.

Наследник престола при этих словах поежился и спросил:

— Мама, а кто такие черные гномы?

— Это, сын, такие же гномы, только они не хотят жить, как все. Не уважают они законы природы, и все норовят переделать этот мир под себя, а не жить в гармонии с ним, как все остальные. И до того страшные непотребства они при этом творят, что все остальные гномы с ними никаких дел иметь не хотят. Потому что все, чего они ни коснутся, превращается в мертвое железо, души лишенное.

— Ой, а кто же тогда осмелился приехать на такой машине?

— Слушай дальше, непоседа.

Так вот, понял Влад, что машина эта давно мертва и в трубах ее текут колдовские масла и страшная мертвая кровь земли. Никто, кроме черных гномов не осмеливается с ней дело иметь, так как кровь та есть сгнившие тела мертвых зверей и людей, тысячи лет назад наши земли населявших. Сильна магия крови земли, да только жуткая это магия, мертвецкая. И если в обычной машине сердце-мотор само по себе бьется и движет ее, то в этой машине сгорала черная кровь земли, клубами выбрасывая в воздух останки мертвецов. И дьявольский огонь двигал все ее части, а не сила жизни, что вдохнули искусные гномов мастера-волшебники.

А принцесса Вильда, только взглянула на черную машину, как тут же побелела и в обморок упала.

Замерли зрители. Все ждали, кто из машины появится, что за водитель за руль такого чудовища сесть осмелился. Но не дождалось. Взревела черная машина, обдала Влада черным облаком и покатила к старту, со страшным скрежетом раздвигая со своего пути всех, кто под борт подвернулся.

При удивительной тишине объявили глашатаи о начале состязаний, зачитали список призов и сообщили всем давно известную новость — что победителю гонок достанется рука принцессы Вильды. Но никто не слушал горлодеров. Взгляды всех — начиная от короля и заканчивая уличными мальчишками, что облепили окрестные деревья, — прикованы были к стоящим рядом красной машине Влада Дирака и его страшному черному сопернику.

Так же, в полной тишине, прозвучал сигнал к старту и лишь тогда воздух наполнился ревом застоявшихся и изголодавшихся по скорости моторов. Над ристалищем поднялось облако пыли и дыма, из которого огненной вспышкой вырвалась алая машина Влада и черной молнией колдовская машина. И если до этого момента в победе Влада мало кто сомневался, то первый же круг дал понять, что у него появился серьезный соперник: черная и красная машины шли вровень, оставив далеко позади всех остальных соперников.

Круг за кругом шли они бампер к бамперу, и ни одна из машин не уступала другой. В красной машине Влада Дирака билось удивительное пылающее сердце, благодаря которому ее колеса наматывали на себя мили быстрее разудалых весенних ветров. А рядом неслась черная машина гонщика, которого тут же окрестили Черным Всадником. С ужасным ревом мертвого железа оставляла она за собой черный след и была похожа на разрушительный ураган.

Уже давно все остальные соперники сошли с круга, понимая, что они в этой гонке лишние. И зрители, затаив дыхание, следили за удивительной гонкой. Но быстрее всех билось сердце принцессы Вильды, ведь на этом гоночном круге решалась ее судьба.

Но даже когда Влад Дирак и Черный Всадник вышли на последний круг, никто так и не мог сказать, кому же из них взмахнет клетчатый флаг.

— И кто победил, мама? — Седрик не сводил глаз с матери.

— Когда до финиша оставалось всего полкруга, машина Влада вздрогнула и издала жалобный стон. Не выдержало ее сердце напряжения гонки с Черным Всадником и разорвалось.

Седрик вздрогнул.

Вслед за этим вспыхнуло пламя, в котором исчезла и сама машина и Влад Дирак. Первым к машине бросился сам барон Дирак, горестно заламывая руки. Его едва успели оттащить от бушующего пламени, иначе и он бы сгинул в нем. Пожарные, тоже бросившиеся спасать баронета, ничем не смогли погасить пламя, бившее из разорвавшегося мотора. Лишь когда вся жизнь ушла из машины Влада, пламя улеглось, оставив обугленный остов без малейших следов ее водителя.

А черная машина подъехала к финишу и остановилась прямо напротив королевской трибуны.

Ошеломленный, как и все зрители, король сидел, не в силах вымолвить ни слова, глядя, как открывается дверь машины и из нее выходит Черный Всадник.

Принцесса же Вильда, сцепив тонкие пальцы, шептала молитвы всем святым, которых только помнила, потому что сразу узнала эту машину. До того, как ей вырвали живое сердце и набили мертвым железом и черной магией, она была снежно-белой и Вильда не один раз каталась на ней с Ремом Дираком.

И когда Черный Всадник снял шлем, все увидели, что это и есть Рем Дирак, бледный, осунувшийся и седой, как древний старик. Вильда же, заглянув в его потухшие бездонные глаза, горько заплакала.

Вот так Рем Дирак и стал Королем Мертвое Сердце...

— Мама, мама, он стал плохим королем?

— Нет, сынок. Он правил справедливо и никому не сделал зла без причины. Вот только не полюбил его народ того королевства.

— А почему?

Отвернулась мать, ничего не сказала сыну, лишь смахнула слезы, набежавшие в уголки глаз.

Как объяснить ребенку, что у сгубившего чужое сердце ради мести и свое давно умерло? Ведь не только от того расплакалась юная принцесса, что погиб ее возлюбленный. Взглянув в глаза Рема Дирака, поняла она, что натворила. Как признаться, что все это из-за глупости и заносчивости ее юности? И не расскажешь теперь сыну, как она боялась, что ее и Рема ребенок станет таким же, как отец. Но смилостивился Эру, и дал им обычного сына, ныне сидящего у ее ног в протертых штанах и затаив дыхание слушающего сказку.

Слезы прочертили две дорожки на ее щеках.

При виде материнских слез Седрик вскочил и обнял ее.

— Мамочка, не плачь, пожалуйста, — детский голосок задрожал, готовый разразиться безудержным ревом. — Не хочу быть как Король Мертвое Сердце, не хочу больше быть первым! Завтра с братьями де Врие помирюсь и буду честно играть!

Королева крепко обняла сына, и ее слезы стерлись пропыленным вельветом детской куртки.

— Ну, хорошо, чудо ты мое, вот и славно.

Она осторожно отстранила от себя Седрика.

— Пойдем, милый мой, умываться, а то скоро ужин.

Взяв за руку сына, королева направилась с ним к выходу из сада.

ЕКАТЕРИНА «КЕЛЬД» СЕРЕДА

ВЕТЕР И ТЕНИ

*Утренний бриз
В окно постучался.
Не меня ли ждет?*

Дайто Тиосский

— Я

НИКОГДА НЕ ВЫУЧУ ТЕБЯ КОЛДОВАТЬ, Дин. И не проси больше, пожалуйста...

— Но почему? Разве я плох?

— Нет...

— Тогда в чем же причина? Что же мне делать?

— Ты не поймешь и не устранишь ее. Просто поверь мне.

Залитый солнцем двор. Вытоптанная до земли трава; яблони. У поленицы, кутаясь в бесформенный залатанный плащ, сидел пожилой человек. Рядом, уперев руки в боки и отбрасывая длинную тень на чисто выбеленную стену дома, переминался с ноги на ногу юноша. Он стоял так уже довольно давно, наверное, с самого полудня, и повторял свои вопросы, заставляя слова, словно ученых голубей, двигаться по кругу.

— Если плох я, то научи другого, но научи же! Ты же не вечен, дед... Ох, неужели ты не понимаешь, как это важно? Хоть кого-нибудь! Ты меня обидел, отца обидел, но хоть как-то, хоть кого-то! Не дай пропасть...

Старик глухо кашлянул и ничего не ответил.

— Ты один остался...

Тихо. Только хлопает на крыше какая-то старая ветошь, размоченная последним дождем: размеренно и неторопливо отвешивает ветер звонкие пощечины самому себе. Так хочется развернуть плечи, распрямиться,дохнуть могучей бурей и разом всю боль, всю скверну, всю мерзость сдуть с людей и земли. Но сил нет. Нет их, сил. Не осталось. А слабый, как поможешь? Да и не каждый день нужны земле бури.

— Я никого не стану ничему больше учить, — наконец проскрипел старый маг, набивая трубку. Маленький огонек поднялся от его пальцев и скользнул

вслед за табаком. Теплый... Можно ведь и камень поджечь, если знаешь, как. Можно сделать из пламени огромное облако и придать ему форму дракона в небе, чтобы подпалить сами звезды, но нужно ли это на самом деле? Нужна трубка. Вечером понадобится, наверное, фонарь: разогнать ночную темень. Что еще? Ах, дрова сырые... да дрова и по-простому высушить не трудно.

— Дед! Неужели ты не видишь? Неужели ты и впрямь выжил из ума, как мать мне каждый день твердит? Разве есть что-то важнее твоих знаний? Кузнецов, бондарей, гончаров много на земле, их всегда будет много. Ты же...

Юноша вдруг умолк, поразившись собственной мысли.

— Ведь... ты все забудешь, или умрешь, и... и все. Совсем.

Длинная тень задержалась, замахала руками, зачем-то утирая рукавом лицо... Ветер оставил тряпку и почесал за ухом зашелестевшие от удовольствия деревья в саду. Ему не нравились взбалмошные подпрыгивающие тени. Суетливые, они слишком усердно чего-то хотели, они бегали туда-сюда, пытаясь выбрать место, куда приятней падать, они ловили каждый взгляд солнца и ничего не знали о покое. Даже самые ленивые из них ползли куда-то, но все не по своей воле, а потому, что у теней так принято — ползти. Странная привычка, если вдуматься.

Старик молча покуривал трубку, смотря в пустоту. Ему тоже многое не нравилось, но говорить об этом и даже размышлять не хотелось.

— Дед, ты меня вообще слушаешь?

Дым...

Аккуратные сизые кольца, настолько тонкие, что свет проходил сквозь них без преград.

Не получив и теперь ответа, юноша присел на толстое бревно, распиленное наполовину и лежавшее неподалеку от поленицы. Поковырял ногтем нагретую шершавую кору. Помолчал немного, разглядывая тучи и пытаясь понять, что такого нашел дед в этом нехитром занятии, раз посвящает ему все свое время...

Светлая липа на темном песке. Замершие кривоватые яблони. Дрозд, сонно клюющий маленькие, незрелые, зеленые плоды. Дрожит стебелек хмеля, непонятно каким образом проросший между дровами. Почти нет насекомых — только вьется червленной пылью мошка на фоне перистой сетки облаков. Был дождь, будет дождь...

Ветер притаился за обломанной веткой с сухими листьями, и, зарывшись в кучу стружек и мягких опилок, настороженно наблюдал за переставшим шевелиться силуэтом на белой стене. Кошки-мышки.

Звенит в ушах тишина.

Тс-с-с...

Сжав до хруста кулаки, вскочив, взорвавшись движением, тень сократилась, метнув себя вперед, перепугала до дрожи ветер, извернулась ужом, вновь выгнулась, вытянулась и застыла.

— Я так не могу! Ну, прости меня, дед, я лишнего наговорил. Ты только не молчи, а? Ты не уходи... Пусть я не пойму, пусть по-твоему ничего нельзя

сделать — но объясни уж хотя бы, почему это так! Вдруг... ты чего-то не знаешь? Вдруг ты ошибаешься?

Отчаяние и надежда. Рука об руку.

— Куда уж мне, старому да глупому, что-то знать, — сардонически хмыкнул маг.

— Прости...

— Ступай лучше домой, Дин. Ты ни в чем не виноват, но и сделать ничего не в силах. Иди, иди... помоги лучше матери. У меня сердце болит от твоих разговоров. Старый я стал.

— Но...

— Иди.

Непрошенные, незванные, брызнули жгучие слезы из глаз, сдавили набоблевшей обидой горло. Ах, как стыдно плакать в шестнадцать лет!

Стыдно ли? — хотел спросить у яблонь ветер, но передумал. Его многие прогоняли, особенно осенью и зимой, и он всегда выл и жаловался на такую несправедливость. Что взять с человека?

А тень тем временем крутанулась на месте, будто ужаленная, сорвалась и побежала по стене прочь, перепрыгнула на забор, упала на землю, слилась с темнотой за дверью. Упорхнули голуби-слова. Стоило затихнуть ударам крепких ног о деревянные половицы, как ветер, выбравшись из-под стружек и кусочков сухой коры, подкрался к старику на мягких осторожных лапах: какие замечательные, большие и ароматные клубы дыма пускает в светлое небо этот волшебник из своей вересковой трубки! Можно ли поиграть с ними? Ведь можно, правда? — ластился он так и эдак, и старик кивал головой. Какие красивые, ловкие клубы...

— А я тебе говорю, что твой папаша — дурак! — вдруг закричала где-то в доме женщина, и испуганный ветер мгновенно вспрыгнул на самое высокое дерево, шурша и шипя от неожиданности. Спутанные невесомые нити протянулись вслед за ним, повиснув на ветвях. Что же за день сегодня! Хлопнула дверь, обитая войлоком: решительно и непреклонно с земли на забор, а дальше — на стену карабкалась другая, низенькая и сердитая тень. Ветер обиженно фыркнул и притих. Он был бы крайне рад сдуть ее прочь, если б мог.

— Что ты расселся здесь, а? Бездельник! Сидит и сидит часами. Бессовестный! А еще волшебник! Барон обещал три мешка золота тому, кто обучит его наследника заклятью быстрой победы и зачарует его броню от металла и дерева! Если тебе самому не нужны деньги, подумай о нас! Ты вообще о ком-нибудь, кроме себя, думаешь? Ты о сыне своем не помнишь, что там внуки! Тебе ни до чего дела нет! Или ты разучился колдовать?

Злая тень мелко, визгливо захохотала. Ветер снял маленький клубок дыма с листьев, и бросил в нее, но только разозлил: тень подбоченилась, и затараторила быстрее прежнего:

— Дом чинить нужно, бревна сгнили; портниха третий день задерживает платье к празднику, а ведь еще оборку вшивать, стоит же что-нибудь; да где это видано, чтобы за пару стежков столько драть, а? И дровяной сарай пухтехонек стоит; худеть, говорю, корова-то начала, а тебе и горя нет! Уж ты

хоть меня-то спросил бы, если сам не знаешь, что делать! Или ты вздумал больше не шевелиться и так и окаменеть тут?!

Высокий резкий голос разносился далеко вокруг, срываясь с причитаний на визг и с жалоб на укоры. Хозяйка, войдя во вкус, перечисляла обиду за неудачей, неприятность за досадой, и распалаясь все больше, подзадоривая сама себя: тень на стене дома дергалась и трепыхалась. Молчаливая неподвижность собеседника ее вполне устраивала. Старик поморщился и натянул на плечи сползший плащ. Ему было холодно.

— ...да разве обо всем этом мы думать должны? Ты-то хорош, чародеишка! Тебе захотеть да пальцем шевельнуть, и все, а другие маяться всю жизнь должны! Сына-то, сына, кровиночку, хоть бы чему выучил, так нет, сидит, как курица на яйцах — ждет, бережет! Чего ждет, спрашивается, а? У, чума! Чтоб глаза мои тебя...

Маленькая злая тень, охмелевшая от собственной брани, вскинула руку — такую длинную руку над закутанной в плащ фигуркой с трубкой, но не посмела все же опустить: съезжилась, сложилась вдвое, покатила колючим ежом прочь, визжа уже совершенную невнятицу. Пестрый платок, красные ленты. А у тени — не то рога, не то длинные уши. Кто прав?

Тихо... только звенят в ушах бессильные упреки, щерятся с неба рваными краями туч, только ноет сердце от плохой погоды. Осмелевший — что-то много повадилось невоспитанных теней шататься по двору — ветер спустился на землю и принялся прятаться и теревить травинки: то здесь, то там... Ему было очень грустно, что он ничем не может помочь, и поэтому он тихонько дул на ломкие стебли высохшего хмеля, забавляясь рассерженными кривляньями их силуэтов на стене.

Наконец он наигрался и прилег отдохнуть, забравшись под край выгоревшего на солнце плаща и сладко зевнув.

— Вот видишь, — сказал ему волшебник, — как оно выходит. Один, другой... Три мешка золота за глупое заклятье для глупого баронета. И они еще спрашивают меня, почему нет! Зачем, скажи мне, им это надо? Я прожил долгую жизнь. Мое волшебство помогало совершать небывалые вещи — но только необходимые. Самые нужные, понимаешь? Когда нет другого пути, кто остановит взбесившиеся волны, кто успокоит землю, кто спросит ворона о битве в далеких краях? Я всего лишь делал то, что без меня никто не сумел бы.

Старик тяжело вздохнул.

— А что теперь? Им нужны победы без боя, хлеб без пахоты, сила без мудрости, пожалуй, и жизнь без смерти. Зачем? Неужели им не скучно было бы в таком мире? Ты вот не любишь теней, а они перестали любить живые вещи... Неужели стоит оставить мир совсем без чудес, чтобы люди научились ценить их? Ценить... ждать... пытаться стать достойными... бороться? Вот и ты не знаешь...

Ветер хихикнул и кинул сучком в севшего неподалеку воробья, но не попал. Чиркнув черенком о стену, сучок упал в пыль, а воробей нахохлился и поджал правую лапу.

— Нет... никого я не буду больше ни учить против естественной склонности, ни карать против правды, ни миловать без особой надобности... хватит мне, отгулял свое. А? Как думаешь?

Старик аккуратно выбил трубку; ветер подхватил пепел, закружился, заплясал, перебирая и целуя прах пережженных табачных с отдушкой листьев, и вдруг, не удержавши, просыпал прямо в лицо волшебнику... ай, ай! — заметался ветер, заюлил, заглядывая в глаза, лизнул в нос — не сердисься? Нет? Правда?

— Не сержусь, — сказал волшебник, и вдруг улыбнулся широко и открыто: в глазах его, уставших, острых глазах, на миг блеснули теплые огоньки. — Знаешь, я не буду уже ни учить, ни карать, ни миловать, но вот пошутить в последний раз я просто обязан. Мне больше нечего делать ни с моими знаниями, ни с моей душой — люди не готовы к первому, а второе ждет за углом темнота...

Ветер доверчиво ткнулся в открытую ладонь и потерял о седые волосы. Он ничего не понимал, но ему было легко и спокойно на солнце: волшебник не кричал, не бранился, не скакал, как сумасшедший, требуя чего-то невнятного, не топал ногами, и даже его тень вела себя тихо и почти не двигалась...

— Сила никогда и никуда не пропадает. Нужно быть не только знающим, но и мудрым, чтобы понять, в чем дело. Сейчас ты мал и кроток, а к вечеру разреешься, сделаешься силен и буен, пойдешь крушить все подряд... Мне бы остановить тебя, а я не буду. Тебе ведь скучно, друг мой?

Ветер согласился. Иногда ему становилось не просто скучно, а прямо-таки тоскливо, и тогда он устраивал град или ураган, чтобы развеяться, но это почти не помогало. Волшебники ловили и умирляли его, отбирая последнюю охоту иметь с ними дело. В последнее время они, правда, куда-то подевались, но ветер все еще не решался в это поверить.

— Давай поиграем? Ты забудешь, что я могу поймать тебя, а я забуду, что не умею летать с тобой наперегонки.... На некоторое время. Как тебе кажется, хорошая игра?

Хорошая, хорошая, — заскакал по кустам обрадованный ветер, пугнул воробьев, сорвал с крыши просохшую тряпку, чтобы тут же зашвырнуть в крапиву... Хорошая, хорошая! — и кинулся вверх, собирать самые красивые и сильные тучи. Он обязательно покажет их новому другу! И тучи, и птиц, и серебряную луну с черным боком, и колючую молнию, и снежные хлопья... Ай, хорошая игра!

Молодая красавица Иза, вошедшая в семью три недели назад, стояла на террасе, смотря на двор сквозь тонкую занавеску, и удивлялась: дед ее мужа, этот странный, но добрый хмурый человек, о котором она не слышала ни одного хорошего слова, уже пятый час торчал на самом солнцепеке и о чем-то говорил с самим собой. Иногда ей казалось, что кто-то сидит у него на плече, но там никого не было — просто играли в кошки-мышки тени, солнце, листья и легкий ветерок.

Наконец Иза вздохнула неслышно и ушла в дом, приготовить питье. «Увести бы свекра со двора, — думала она, разминая через сито в кружку

крупные оранжевые ягоды, — не понимаю, что они все так набросились на него? Чародей, чародей... да потерпел бы чародей *такое*? Ему бы сказки рассказывать младшенькому, на печи лежать, а не слушать сварливый вздор да брань тетушки Лу». Иза отошла в дальний конец кухни и поднялась на цыпочки, пытаясь достать завернутую в тряпицу сахарную голову. Полки, сделанные из длинных кленовых досок и украшенные затейливой резьбой, вешали много поколений назад: крепкий дом, прочное гнездо, да порядка в нем давно не водилось. «Интересно, какая у него была жена? — подумала Иза, ухватив конец тряпицы и осторожно стягивая ее вниз. — И зачем вообще бы чародею жена? Говорят, она была славной женщиной...»

На полке вдруг что-то крякнуло, а затем тряпка развернулась, и сахарная голова с хрустом упала на пол, расколовшись на несколько кусочков. Иза подобрала их, сложив на стол, но стоило ей сделать два шага в сторону и взять в руки метлу, как старая кленовая доска, из которой была сделана верхняя полка, сухо стукнув, разломилась пополам, и вниз посыпались горшки, баночки, драгоценные стеклянные склянки, какие-то пыльные мешочки...

Девушка только ахнула, глядя на то, во что превратился старенький полобочек и выскобленный вручную пол вокруг него! «Вот ведь напасть, — размышляла она, убирая осколки и вытирая отвратительные жирные пятна, — думаю о свекре, а саму наверняка отругают за неуклюжесть. Хотя все же он очень странный человек: тетушка бранит его каждый день, и даже пыталась из дома выгнать, а он ни слова поперек не скажет. Смогла бы я так? Наверное, нет. Обязательно принялась бы ворчать и огрызаться, а ведь это так дурно».

Кое-как подперев треснувшую доску, Иза сгребла мусор в угол. Она охотно избавилась бы от него, но стоял канун святого дня, а всем известно, что в это время можно вместе со всяким сором выкинуть и свое счастье. Не то, чтобы девушка так сильно верила в это, но все (а особенно тетушка!) наверняка и так разозлятся из-за полки.

«Резьбу жалко. Такая она красивая! Еще небось помнит, как старик зелья свои сюда ставил! Ох, отнести, что ли, пить ему, сам ведь не попросит...»

Иза поправила выбившуюся из-под повязки прядь, бросив взгляд в окно. Стало заметно темнее, и листья, пока что только на верхушке самой старой и высокой яблони, уже давно переставшей плодоносить, заволновались и затрепетали.

«Подымается... Никак опять ночью гроза будет!»

Она вымыла и вытерла руки узорчатым полотенцем, откинула в ведро почти сухую мякоть, теплой водой разбавила сок и пошла во двор.

— Вот и все, — сказал волшебник.

Улыбнувшись, добавил:

— Совсем.

То есть, конечно, не совсем, но другим об этом знать не обязательно. Шутка есть шутка: маленький заговор над необычной стороной мира. Кто же виноват, что не все поймут, чему улыбнется грустное сердце?

Скользили по земле тени низких облаков: огромные, они были похожи на гигантских невидимых зверей, чье присутствие выдавали лишь черные

силуэты на земле. Деревья не ранили их ноги, люди не страдали от их клыков, и все же ветер нападал на них, ветер сражался с ними, и гнев, закипавший в нем, служил началом грядущей буре.

Торжественно и неторопливо, будто исполняя какой-то неведомый обряд или ритуал, старый маг поднялся со своего места и, сняв и сложив аккуратно плащ, положил сверху трубку, кисет и маленькую вышитую сумку; повозившись, оборвал — ах, какими же слабыми стали пальцы! — шнурок одного из двух амулетов на шее. Взяв прислоненную к дереву палку, оперся, сделал шаг вперед, подталкиваемый нетерпеливым ветром, и еще — туда, где более открытое пространство делало возможным...

Цзин!

Оранжево-красная лужа растекалась по белому камню крыльца. Быстрые капли набухали и рушились вниз, сливаясь в сплошную яркую черту, смазанную сандалиями споткнувшейся Изы.

Замерев и не в силах двинуться с места, женщина смотрела на высокую фигуру в белой рубашке, рассыпавшуюся в пепел посередине двора: раскинув руки и уронив посох, волшебник не то прощался, не то приветствовал мир, глядя богам в глаза, и ветер, странный сегодняшний ветер уносил и истончал его тело, пока, наконец, на землю не упали шнурок с камушком, похожим на полную луну, и льняной лоскут — все, что он не смог или не захотел взять с собой.

Маленькие пылинки, танцующие в косых лучах солнца, и ослепительно-белая штукатурка.

Никаких теней.

Значит, настоящий?

...и падали слезы на испачканное работой платье, в ягодную лужу, в пыль, разбрызгивались о перевернутую медную чашку.

Как же так вышло?

— Ну что ты, — шептал странно знакомым голосом ветер в ветвях яблонь и теребил ее черные волосы, — ну что ты... не плачь, маленькая. Не нужно этого, плакать...

Начался дождь. Он улыбался сквозь солнце, уходившее за горизонт.

Он играл с тучами, ворчавшими далеким громом, и звал луну прокатиться хотя бы раз по меди не выцветших сумерек, он смеялся, приманивая удивительные краски, сверкавшие и переливавшиеся от жемчужно-розового до глубокой пронзительной темноты, припорошенной алмазной пылью.

Теплый летний дождь. Теплый...

Можно подпалить звезды, если знать, как. Но нужно ли?

После заката не останется ни одной тени.

На следующее утро, чистое и свежее после ночной бури, все уже забыли о волшебнике. Будто и не было его: только чуть подрагивал спрятанный под рубашкой Изы простой невзрачный амулет на новом крепком шнурке.

Мир еще не готов к магии.

Ему еще нужно понять, что чудеса не случаются просто так.

Но когда-нибудь...

ЄВГЕН МАКУХІН

ПІД ТРИ ЧОРТИ

ЕДІЛЮ БУЛО СПАПЛЮЖЕНО. ТИЖДЕНЬ НАПРУЖЕНОЇ праці і очікування: от прийдуть вихідні і нікуди не потрібно буде бігти! Можна буде відіспатися, а потім зануритися у духмяну ванну, поснідати — не поспіхом, схопивши кусень на бігу, а насолоджуючись кожним шматочком, і запити усе пляшкою пива. Може, навіть не вилазячи з ванни. А потім запаливши цигарку, насолоджуватися життям, спокоєм і гарною весняною погодою...

Усю ніч Олегу снилися якісь хаотичні та сумбурні сни: хтось за кимось ганявся, полював, переслідував. Не сон — а суцільні символи і сакральні знаки, коротше — здрастуй, дідусю Фрейд, клич дядька Юнга — третім буде.

Ранок, який як відомо, фарбує мури древнього та дуже далекого Кремля, нічим, окрім свого малярства, не радував. Хтось дуже хазяйновитий та втомлений від безсоння вирішив, що інші мешканці поспали вже достатньо. А може, він просто у дитинстві мріяв бути пташкою... Так оцей дятел почав з восьмої ранку довбати стіни перфоратором. Спати було просто неможливо, з ванною також вийшов повний облом — води у крані не було. Виявився пустим і чайник. Коротше кажучи, води не було. Зовсім. Хоч бери, та заводь собаку — у цього хвостатого умивальника завжди знайдеться, чим тебе вмити.

Але як би там не було, а по воду йти потрібно. Хутко вдягнувшись, Олег посміхнувся дзеркалу та захлопнув двері... Він не бачив, як його відображення похмуро подивилось йому вслід, показало язика та зникло десь у нетрях задзеркалля...

Чудовий ранок! Усі намагаються надолужити недосип робочого тижня. Ще не чути дитячого гвалту, а повітря пахне тим чудовим запахом, який, чим старіші ми стаємо, тим важче нам його відчувати.

Вдихнувши ці аромати літнього ранку, Олег відчув бажання посміхнутися, та, неначе в дитинстві, прожогом побігти до найближчого магазину, де замість фляги негазованої води узяти собі морозива, потім попити квасу біля бочки, що колись стояла під магазином, а потім, стоячи біля газетного павільйону, роздивлятися марки та значки...

На першому поверсі відчинилося вікно, і в ньому показалася баба Домна. Усі свої двадцять сім років Олег прожив у цьому будинку, і за всі ці роки вона аніскілечки не змінилася. Кремезна стара, з татуюванням «Маха» на ліво-

му загі'ясті, вона так само виглядала і в ті часи, коли маленький Олежка ганяв на своєму триколісному «гномі», чи гасав двором із саморобним луком, граючи у «Робіна Гуда» з такими ж «поборниками честі та справедливості». Вона постійно стирчала у вікні, галасувала, якщо хтось видався на дерево, але завжди в неї можна було напитися води, аби не підійматися додому, і вона завжди була непідкупним суддею в усіх сварках.

Зараз, замість старої пліткарки, її почали шанобливо називати консьержкою і навіть платили за те, що вона і так робила усе життя задарма. Як то кажуть, з любові до мистецтва.

На цій роботі Домна знайшла новий сенс життя. Розквітла, і навіть характер у неї, здається, трохи покращав.

Чистота, порядок, тиша: «Ви до кого?», «Коли повернетесь?», «Витирайте ноги». Будь-які спроби місцевих забулдиг уподібнитися «братам нашим меншим», яким, як відомо, людські поняття санітарії абсолютно чужі і незрозумілі, припинялися її важкою рукою. Олег сам був свідком того, коли один з місцевих лицарів гранчака, спробувавши «качнути права» у дурної баби, був негайно відправлений у нокаут точним і сильним ударом. Для баби Домни не існувало ані авторитетів, ані такого сумнівного поняття, як страх.

Але цього разу щось було не так. Ніколи ще Олег не бачив «залізобетону леді» такою розгубленою. Вона кивнула головою на привітання Олега, трошки подумала і прогуділа наче пароплав:

— Олежку, а зайди-но до мене.

Олег пожав плечима: хто його знає що там могло скоїтися. Однак він все ж таки розвернувся до під'їзду...

Попри усю свою, понад стокілограмову, вагу та зовнішню неповороткість, Домна вже стояла біля відкритих дверей, очікуючи Олега. Впустивши його до квартири, вона тут же клацнула замком. Олег зробив вигляд, наче збирається зняти туфлі, але Домна замахала руками і потягла його до кімнати. У Олега на якусь мить промайнула думка, що бабуся веде себе так, наче збирається його звалтувати. У неї ще достатньо сили для того, щоб скрутити й когось міцнішого за нього... Олег помотав головою: отакої, спершу сни чудернацькі, тепер бабку запідозрив у намірі звалтування, а далі що? «Брудна Офелія із купкою маргариток...»? Покликала, бо щось їй потрібно. Може їй шафу якусь потрібно пересунути...

...Кімната як кімната. Старі меблі, телевізор накритий серветкою, велике дзеркало у важкій дерев'яній рамі, металеве ліжко, на якому величезним сніговиком височіла гора подушок. Біля стіни стоїть старий, поточений шашелем, дубовий стіл, обставлений стільцями.

Поки Олег стовбичив посеред кімнати, оглядаючись довкола, Домна обережно прокралася на кухню, потім стрімко відчинила двері шафи. Мабуть, нічого нового там не побачивши, вона з полегшенням видихнула повітря і почала по черзі відчиняти усі дверцята, які попадалися їй на шляху. Діяла вона обережно, але методично. Почавши з лівого кута кімнати, вона рухалася, як чудернацька годинна стрілка. Олежка навіть задивився на її впевнені рухи. Ніхто в цей момент не здогадався б, що цій кремезній старій нещодавно

виповнилося вісімдесят років. Наостанку вона заглянула під ліжко, та свівшись на нього, поскаржилася Олегу:

— Тільки-но вивела тарганів, так нова якась пошесть завелася. Вже другу ніч спати не можу. Щось ходить, тупає, дверима скрипить. Та ще й дятел цей, з п'ятого поверху... Тільки-но під ранок заснула — він свій перфокатор, чи як там його, включив. Бодай би його чорти узяли. Та ти сідай, я тобі зараз компотику наллю, він у мене смачний, холодний... Домна пройшла повз дзеркала і вийшла з кімнати. Олег сковзнув поглядом по дзеркалу і йому стало моторошно: у той час як Баба Домна поралася на кухні, її відображення жило своїм життям. Спочатку воно стояло у профіль, так як відобразилася Домна, коли йшла на кухню, аж ось повернулося, зазирнуло до кімнати, знайшло поглядом Олега та привітно кивнуло...

— Ось, скуштуй, — Домна внесла у кімнату великий кухоль з компотом. Задзеркальна Домна посміхнулася, показала Олегу язика... і знову дзеркало стало дзеркалом. Справжня Домна нічого не помітила.

Олег розгублено узяв кухоль і видудлив увесь компот навіть не відчувши його смаку. Подякувавши, він поставив кухоль на стіл, та ткнувши пальцем у бік дзеркала, невпевнено запитав: «Бабо До... Баб Машо, а у вас останнім часом із дзеркалом нічого особливого не відбувалося?»

Домна розгублено подивилася на дзеркало, наче бачила його вперше, потім перевела погляд на Олега, відкрила рот, наче збираючись щось сказати, закрила, знов відкрила... Гучне «А-апчхи», що пролунало з-під ліжка, дуже ефектно заповнило незручну паузу, та на якийсь час відбило бажання як задавати питання, так і відповідати на них.

Домна почала поволі підводитися, але непроханий гість, прудко вискочивши з-під ліжка, вже сидів на стільці. Весело гойдаючи копитцями, та шморгаючи рильцем, він з цікавістю оглядавсь навколо. Домна залякла на піддорозі, така собі Фрекен Бок у стоп-кадрі.

— Домночко, — подало голос чудернацьке створіння, — а чого ж ти мене не пригощаєш своїм компотиком? Може, я облетів півгалактики і помираю зі спраги? І тільки чудо-напій, прийнятий із твоїх рук, може повернути мені сили та жагу до життя?! — останні слова розчути було важкувато, адже потворка, похлопавши по кишнях своєї ватянки, видобула пачку цигарок «Прима» і саме намагалася запалити.

Олег тільки покачав головою, надмірний пафос та спроби шуткувати над Домною ще ніколи не доводили до добра. А запалити у неї в хаті...

— А ти що тут довбешкою своєю розметелявся, га? Гадаєш, якщо такою дилдою вимахав, так і зробити з тобою нічого не можна? — чортеня, принаймні створіння найбільш було на нього схоже, зробило пальчиками «козу» у напрямку Олега, висунуло нижню щелепу та цикнуло зубом. Вийшло дуже кумедно.

І тут, у «Фрекен Бок» замість стоп-кадру включили прискорену перемотку. Вона миттєво опинилася біля «дуже крутого та вельми дорогого гостя» і могутнім мятасом змела його зі стільця. Удар був настільки сильний, що бісенятко розмазало по стіні. Поки різнобарвна пляма сповзала на підлогу,

Домна без упину розповідала деформованому гостеві, що йому буде замість «компотику», куди його краще вживати, а також де знаходиться його галактика, уся його рідня, та ще багато цікавих речей. Життя у Баби Домни було насиченим, тому і розповідь була яскрава, виразна, і з дуже колоритними подробицями. Наприкінці промови Олежка навіть заплодував. Шкода, квітів не було.

За цей час «крутелик» відновив свою подобу, та пихнувши димом, заревів густим прокуреним басом:

— Нещасна! Ти підняла руку на посланця Володаря безодні! Світлоносний жорстоко покарає тебе за це!!! — далі його голос зробив «півня», і «посланець безодні» замовк.

Цей ляпас був не такий сильний як попередній. Але достатній для того, щоб маленька тушка посланця перетворилася на дуже навіть упізнаний літаючий об'єкт, і після нетривалого польоту врізалася в гору подушок.

— Ти мене не лякай. Мені після війни вже нічого не страшно. А от тобі зараз непереливки буде. Це я тобі обіцяю! — Домна з хижою посмішкою почала поволі наблизитися до ліжка, засуваючи рукави халата. Бісеня почало нервувати.

— А я що? Я нічого. Це була перевірка, малесенький жарт. І не треба на мене так дивитися! — бісове створіння виставило подушку, наче щит. — Ви мене лякаєте своєю антисоціальною поведінкою.

— Ах ти ж бісова тварюко. Я його лякаю! А хто мені спати не давав? — Домна вирвала з волохатих лапок подушку, та замахнулася на непроханого гостя.

— Ні, це не я, не я! — заверещав той, намагаючись заритися у подушки як найдалі від забіякуватої старушенці. — Я тут саме тому, щоб наказати того, хто заважає вам відпочивати, шановна Маріє Федорівно, — м'яким голосом та підлабузницькими інтонаціями проінформував він сторопілу бабку.

Домна недовіриливо подивилася на «рятівника», чия голова виглядала із купи подушок.

— Теж мені, рятівник. А хто ж тоді тупотів по хаті? — Домна підозріло подивилася на бісеня, але подушку опустила.

— І з дзеркалами хто бешкетував? — подав голос Олег, який до цього сидів і з відкритим ротом слідкував за розвитком подій.

— Я не бешкетував, і не тупотів, я проводив розвідку території, — гордо відповів рогатий «розвідник», і побачивши, що бити його більше не будуть, почав вибиратися із пухово-подушкової фортеці. — Марія Федорівна сама мене кликала.

— І коли це я тебе кликала? — насупилася Домна.

— Ну, не зовсім мене, — зніяковів чорт. — Але увесь тиждень ви стільки разів промовили формулу виклику, з кожним разом усе сильніше і сильніше, що саме мене буквально витягнуло у вашу квартиру. Я так, перехожий, що почув крики «Допоможіть!» і виявився найближчим. — Як тільки чорт перестав блазнювати, виявилось, що він доволі-таки приємний співрозмовник.

— Вибачте, не знаю, як ваше ім'я. — Олег вирішив, що пора все ж таки розібратися.

— В нас дуже важкі імена, тож називайте мене Кузьмою Феофілактовичем, як для вас, то просто — Кузенькою.

— Гм. Я подумаю. — У Олега промайнула думка, що цей... Кузенька почав до нього загравати. Пора звертатися до лікаря.

Домна розгублено дивилася на чорта, та нічого не могла второпати. — Які перехожі, яка формула? Що тут відбувається?

— Ви, шановна пані Маріє, не звертали уваги, скільки разів за добу ви чортихаетесь? «Під три чорти», «йди до біса», «бісова дитина», «бодай би тебе чорти узяли».... — Кузя так схоже зімітував Домну, що Олег мало не розсміявся. — А за ці два тижні ви чортихалися більше, ніж за весь минулий квартал. Ось. А чи відіомо вам, що означають усі ці фрази, що ви так бездумно використовуєте наліво і направо? Доводжу до вашого відома, найдорогоцінніша фрау Маріє, що це стандартні формули виклику служби спасіння. Вони використовувалися ще за тих часів, коли ми усі дружно жили пліч о пліч, і ніяка паскуда навіть думки не мала, щоб почати ділити нас на «чисту» та «нечисту» силу. А, що там казати. Коли з'явився цей навіжений шарлатан, купка негідників використала його для того, щоб отримати свій шматок влади. І почалися чорні часи геноциду. А ви носитеся з його портретами, як дурень з писаною торбою. — Тут чорт ткнув пальцем у бік хрестика, що Домна носила на шії. — Одне слово — зомбовані дикуні! — Шморгнувши носом, Кузя із повітря дістав чарку горілки, хильнув, хукнув і занюхав рукавом.

Але усе це лірика. Давайте вирішимо вашу проблему, та я піду. Холодно тут у вас. — Кузя усім тілом розвернувся до Домни, і з очікуванням подивився на неї.

Домна розгублено дивилася на Кузю. — Яку проблему?

— Ту, із-за якої я тут опинився. У вас діялося щось таке, що вас дуже розлютило. Згадайте, що саме найбільше викликало у вас відчуття дискомфорту. Адже була якась причина усіх цих чортихань? Я вас дуже прошу, хоч щонебудь згадайте. Мені дозволено повернутися лише після того, як я вам допоможу.

— А яка плата за твою допомогу?

— Та яка там плата, — зневажливо махнув лапкою Кузя. — Я лише попрошу, аби ви зневажливо не згадували про наше чортяче плем'я. Ну і, звичайно, чортихалися поменше. Бо дуже заважає.

Розмову перервало ричання перфоратора. Домна подивилася на Олега, потім перевела погляд на Кузю. — Знаю! Усе через цього ідіота. Зможеш чим-небудь зарадити? Нікому спокою не дає. Його вже й попереджали, й благали. Хлопці навіть боки йому трохи нам'яли. Наче горохом об стіну. То, може, в тебе якось вийде?

Кузя з цікавістю подивився на Домну:

— А що, це ідея. Як то кажуть, взаємовигідна співпраця. Ходімо покажете!

Новенькі металеві двері, ламіновані під дуб, Кузі дуже сподобалися. Він провів по гладенькій поверхні пальцем і поцокав язиком. — Гарні речі

навчилися робити. ВІН там? — Домна кивнула головою. І коротенько розповіла, що господар квартири найняв якогось гуцула, аби той зробив ремонт. Той працює, не дивлячись на годинник, і тепер ані дітей приспати, ані людям відпочити. Чорт із співчуттям покачав головою. — Не сумнівайтеся, Маріє Федорівно, усе зробимо якнайкраще. Йдіть до себе, я скоро буду. Хвацько підморгнувши Олегові, чорт пройшов крізь двері...

Увійшовши у квартиру, вони побачили чорта, що з насолодою пив компот прямо із трилітрової банки. Побачивши Домну, він закотив очі, показуючи наскільки до смаку прийшовся йому напій.

Поставивши порожню тару на стіл, чорт облизався і показав великого пальця. — Отакий компот. Справжній шедевр. Ну, дякую за у вагу, я пішов.

— А як же гуцул? Що, вже закінчив? — Тільки й змогла видавити пані «кулінарний художник».

— А що гуцул? Я його до нас відправив. У пеклі для нього багато роботи знайдеться. А я пішов... Чорт вклонився і зник... Потім з'явився. Примруживши око, уважно подивився на Домну. — Але я ще повернусь! На компотик. — І знову розчинився у повітрі...

Домна подивилася на порожню банку і пробурмотіла:

— Повернусь. Теж мені, Карлсон...

АЛЕКСЕЙ ЗАЙЦЕВ

РЕЧНОЙ ДЕМОН

1

АД РЕКОЙ ВОЗВЫШАЛСЯ БОЛЬШОЙ БРЕВЕНЧАТЫЙ мост и, стоя на нем, Якамоту Масидо глядел на плавающих в воде рыб. Зрение у него было острое, и потому он без труда видел мелькавших туда-сюда речных обитателей. Вот проплыла Жемчужка, блеснув на солнце золотистой чешуей, вот юркнул к камышам Колюч, спугнув дремавшую неподалеку утку. Присмотревшись получше, Якамоту разглядел в камышах маленького зеленого дракончика. Жаркое солнце нагрело Якамоту голову, он коснулся пальцами длинных черных волос, забранных на затылке в длинный хвост и, почувствовав, до какой степени они раскалились, с досадой подумал о том, что у него нет шляпы.

— Жарко сегодня, — обратился к Якамоту стоявший рядом старик-монах.
 — Да! — ответил Якамоту, немного поморщившись.
 — Может, в дом пойдем?
 — Пойдем, — согласился Якамоту и снова коснулся ладонью своих черных волос, будто бы надеясь, что за прошедшие две минуты они стали менее теплыми.

Спустившись с моста, Якамоту и его пожилой спутник направились напрямиком к стоящему неподалеку буддийскому храму. Оба они молчали, при этом Якамоту ежесекундно недовольно морщился, а монах столь же часто пожевывал губами. Храм был небольшим, но довольно уютным и очень красивым. Вход в него украшали статуи будд и танцующих журавлей. Двери храма были расписаны красивыми иероглифами, явно выполненными рукой искусного каллиграфа. Зайдя внутрь, Якамоту поклонился золотой статуе Будды Гаутамы и поспешил напиться воды из стоящего рядом кувшина. Следовавший за ним монах тоже поклонился, но воду пить не стал, а вместо этого проворботал какую-то молитву. Якамоту прошел к небольшой деревянной скамейке, и сев, с удовольствием вытянул ноги.

— Устали, мастер Якамоту? — улыбаясь, спросил монах.
 — Да-а-а... то есть, нет, нисколько! — смутился молодой самурай.
 Монах, продолжая улыбаться, молча смотрел на Якамоту.
 — Нет, я не устал! — резко произнес Якамоту и так быстро поднялся на

ноги, что с его мокрых от жары волос, в стороны разлетелось несколько капелек пота. — Как же я могу устать, если мне сегодня еще нужно сражаться с Речным демоном? — с вызовом спросил самурай. — Или, может, вы считаете, что для того, чтобы меня одолеть, достаточно просто жарких солнечных лучей? — Скулы у Якамоту были сжаты, а глаза глядели почти гневно.

— Нет, конечно, что вы? — удивленно проговорил монах. Однако улыбка его стала еще шире, и это действовало молодому самураю на нервы.

— Просто я не ожидал, что в ваших краях будет НАСТОЛЬКО жарко, — сказал Якамоту.

— Это и есть одна из проделок Речного демона. А еще сильный ветер, нашествие саранчи и похищение братьев-монахов.

— Ничего, с демоном вашим я разделяю, главное, чтоб...

— Ну, вот и прекрасно, а за вознаграждение не волнуйтесь, брат Ясимото уже отложил запрошенную вами сумму.

— Ну что ж... значит, будем ждать ночи. Он ведь ночью из реки своей вылезит?

— Так точно, господин Якамоту, ночью.

— Ну, вот и прекрасно, — Якамоту снова сел на скамью и беспечно улыбнулся.

— Только смотрите, будьте с ним осторожнее. Демон этот довольно хитер.

— Это я уже слышал, — на красивом лице самурая застыло выражение скуки.

— Ну, пусть... — сказал монах и, решив оставить Якамоту одного, поспешил удалиться из храма.

2

Когда наступила ночь, и красивый серебряный месяц выплыл из темноты, Якамоту взял свой меч и направился к реке. Монах спал, и самурай не стал его будить. Выйдя из монастыря и затворив за собой узорчатую дверь, он несколько секунд стоял на одном месте и вглядывался вдаль, озабоченно хмуря черные брови. На улице было темно и тихо, лишь стрекотание кузнечиков время от времени отвоевывало у тишины свое право на существование. Постояв так немного, Якамоту отчего-то печально вздохнул и неспешным шагом двинулся дальше. На его красивом лице застыло выражение усталости, причину которой, он едва ли смог бы назвать и сам. Лунный свет был довольно тусклым и тонул в темноте, будто брошенный в воду камень, но самурай легко нашел ведущую к мосту тропинку и, оставив на песке следы своих кожаных сапог, вскоре уже был на месте. Поднявшись на мост, Якамоту прошел немного вперед и, оказавшись на середине, замер, прислушиваясь к звукам реки. Когда слух его не уловил ничего, кроме кваканья одинокой лягушки-полуночника и журчащей воды, он облегченно вздохнул и, взявшись за рукоять меча, проверил, легко ли тот выходит из ножен. Меч вышел легко, и Якамоту, удовлетворенно улыбнувшись, взмахнул им, вспарывая живот притаившейся вокруг тьме. Свист рассекаемого воздуха напугал поющую в ночи лягушку, и та замолчала, сделав тишину еще более

совершенной. Якамоту же нанес еще три удара в воздух, продемонстрировав укравшимся под мостом камышам свое блестящее мастерство владения мечом. Потом он убрал меч в ножны и, подойдя к краю моста, облокотился на него и устремил взгляд на речную гладь, пытаясь разглядеть притаившегося там демона. Однако гладь оставалась спокойна, и демона видно не было. Вместо него в реке плавал сорвавшийся с неба месяц и темные листья какого-то дерева. Якамоту простоял так минут пятнадцать, после чего стал нетерпеливо прохаживаться по мосту из стороны в сторону. Прошло еще двадцать минут, и Якамоту уже успел высчитать количество шагов, разделяющее один конец моста от другого и выявить, что бревна в середине моста, более гнилые и криво сложенные, чем по концам, а демон все не показывался. В конце-концов самурай уселся в позу лотоса и, опершись на правую руку, скучающим взглядом царапал воду, мысленно осыпая демона проклятиями за то, что тот заставляет себя так долго ждать. В такой позе Якамоту просидел около часа, и когда уже почувствовал, что ноги его затекли и надо бы их размять, слух донес до него тихий скрежет. Неловко, шатаясь, будто пьяный на отсиженных ногах, Якамоту двинулся по направлению к встревожившему его шуму и с ужасом увидел, как за край моста уцепились две мокрые синие лапы, с длинными острыми когтями. Нервно сглотнув, Якамоту, прежде никогда не видевший демонов, все же взял себя в руки и, обнажив меч, подошел ближе. Он увидел, как синие лапы немного напряглись и вытянули из воды страшную зубастую морду и тонкое склизкое тело. Якамоту непроизвольно сделал два шага назад и внимательней присмотрелся к вылезшему из реки существу. Ростом оно было чуть ниже Якамоту, цвета синего и на вид очень скользкое. Ноги у него были такие же когтистые, как и руки, а морда чем-то смахивала одновременно и на рыбу, и на драконью. Сидя на мосту, демон негромко кряхтел и перебирал в воздухе когтистыми пальцами.

— Стой! — дрогнувшим голосом прохрипел Якамоту.

Демон в недоумении завертел головой и, обнаружив вдруг перед собой молодого самурая, выпучил на него два желтых блюдца-глаза. Несколько секунд они глядели друг на друга молча и без движения, потом демон вдруг стал очень быстро моргать, и не выдержавший скорости этих морганий Якамоту еще раз произнес: «Стой!». Только на этот раз громким и сильным голосом. Демон что-то заворчал, но, разглядев в руках самурая меч, чуть отполз назад.

— Стой, — зачем-то повторил Якамоту в третий раз, и облизал пересохшие губы.

— Что такое? В чем дело? — квакающим голосом спросил демон.

— Дело в том, что конец тебе пришел, — проговорил самурай.

— Как конец? Почему конец? — синее тело отползло еще чуть назад.

— Пришла тебе пора ответить за твои злодеяния!

— О чем вы, господин, говорите? Никак не пойму? — удивленным голосом проквакал речной демон.

— Я говорю о том, что ты насылаешь на храм Ясирэтэ жару, сильный ветер, саранчу, а что особенно преступно — похищаешь монахов.

— Кто это вам, господин, сказал такую ужасную неправду? Никогда я, речной демон Дзябуро, не насылал ни на кого ни жары, ни ветра, а уж с монахами этими я вообще стараюсь не связываться.

— Что же они тебя оклеветали, что ли? — нахмурил брови Якамоту.

— Как есть оклеветали, — запричитал демон, — опозорили бедного Дзябуро, злодеи!

— Не верю я тебе! Мне про твои злодеяния сам настоятель рассказывал. А он человек святой, не мог он соврать.

— Ну отчего же не мог? — спросил демон и как-то гадливо улыбнулся. — Святые, они как раз таки лучше других это и могут.

— Что ты такое говоришь? — возмутился Якамоту.

— А вы сами подумайте. Разве честный человек смог бы стать настоятелем? Разве сумел бы занять такую высокую должность без обмана? — Демон чуть-чуть подполз к Якамоту.

— Сумел бы. Если он трудолюбив и по-настоящему живет своей верой, — уверенно сказал самурай.

— А если он ленив настолько, что не может вырастить ни хлеба, ни риса, а в их отсутствии предпочитает винить саранчу? Если он неверующ настолько, что заприметив по настоящему верующего монаха, убивает его из зависти и злости, а потом скидывает тело в реку, обвиняя во всем речных демонов?

— Что ты болтаешь? Ты наговариваешь на святого человека!

— А может ли святой человек совершить убийство? — спросил Дзябуро, и глаза его при этом заблестели, как две монеты на солнце.

— Нет, конечно! Что за странные вопросы? Святой никогда не убьет даже мухи, ведь в ней может жить душа великого в прошлом человека, перерожденного ныне, по воле сансары, в насекомое.

— А нанять кого-нибудь за деньги для убийства? Это святой человек может сделать? Переложить грязную работу на кого-то другого, скажем, на самурая? — Глаза Дзябуро разгорались все ярче и ярче, и от их возбужденного блеска Якамоту стало не по себе.

— Нет, этого святой человек тоже бы делать не стал, — сказал молодой самурай и сделал крохотный шаг назад.

— Ведь получается, что тогда он и сам убийца, верно? Получается, что он просто вложил нож в чужие руки, но преступление совершается именно по его воле, так?

— Выходит, что так.

— Значит, этот человек убийца, так?

— Так, — сказал Якамоту.

— А тот, кого он нанимает? Тот, кто берет у него деньги за убийство невинного живого существа? Он ведь еще хуже того убийцы, верно, господин? Он ведь вообще грязный человек, раз за деньги готов убить по воле другого убийцы? — Дзябуро подполз к самураю еще ближе.

— Верно, — сказал самурай, опуская меч и чувствуя, как внутри его что-то разрушается.

— Он грязный убийца, господин. Жестокий и жадный негодай, убивающий ради денег. Убийца, которому платит убийца!

Якамоту стоял бледный, как отражающийся в реке месяц.

— А достоин ли жизни такой убийца?

— Нет, — тихо, как падающий на воду лист осины, простонал, опершись на меч, как на костыль, самурай.

— Ну вот и не обижайся, — сказал Дзябуро и, прыгнув на Якамоту, повалил того на спину и стал душить.

Опрокинутый Якамоту чувствовал, как спина его больно упирается в те самые гнилые бревна, по которым он прохаживался около часа назад. Горло его сдавили две могучие лапы, на живот давил весь вес усевшегося сверху демона, а перед лицом щелкала зубами страшная пасть с горящими, как уголи, глазами. С трудом понимая, что делает, скорее, повинувшись инстинкту, Якамоту крепко сжал лапы Дзябуро и, резко дернувшись всем телом, перебросил демона через себя, после чего быстро вскочил на ноги и, подняв оброненный меч, приготовился отражать атаку противника. Демон, в свою очередь, больно ударившись о бревенчатую поверхность, встал слегка пошатываясь. Несколько секунд он стоял, не двигаясь, а потом вдруг завопил диким голосом: «Грязный убийца», — и бросился на Якамоту. Самурай нанес хлесткий удар мечом, но демон поднырнул под клинок и за секунду исполосовал острыми когтями Якамоту всю грудь. Самурай вскрикнул от боли и отпрыгнул назад. Дзябуро вновь кинулся на него, не переставая вопить: «Грязный убийца». Якамоту сделал ложный замах мечом, демон попробовал от него уйти и нарвался на новый рубящий удар сверху вниз, который стал для него роковым. Зубастая синяя голова отделилась от туловища и покатила по мосту, подпрыгивая на каждом неровно лежащем бревнышке. Горящие еще секунду назад ярче солнца глаза-тарелки погасли и теперь злобно глядели из мира мертвых на застывшего в полубоморочном состоянии самурая. Якамоту стоял, крепко сжимая в ладонях рукоять ставшего вдруг невероятно тяжелым меча, и громко дышал. Ноздри его раздувались, изо рта при дыхании вырывался хриплый свист, в глазах застыла дивная смесь из страха и неосознанной еще до конца радости победы. Простояв так минуты три, он сел на самое гнилое бревно, положил меч рядом, спрятал лицо в колени и, обняв их руками, сидел так, наверное, минут двадцать. Потом наконец встал, вложил меч в ножны, осмотрел свою сочащуюся кровью из-под растерзанного когтями демона синего кимоно грудь, подошел к отрубленной голове своего противника и, подняв ее за синие, чем-то похожие на водоросли волосы, понес к храму.

3

— Какое чудовище! — с отвращением вымолвил настоятель, глядя на отрубленную голову Дзябуро.

— Бывают и хуже, — пробормотал Якамоту, сам до конца не понимая, что именно имеет в виду.

— Да... наверное... Но вы молодец, мастер Якамоту, я вижу, что битва была тяжелой, но вам удалось выйти из нее победителем. Вы очень искусный воин.

— Благодарю вас, — сказал Якамоту и слегка поклонился.

— Я попрошу брата Ли-Дзая обработать ваши раны. Он превосходно владеет искусством врачевания и...

— Не нужно, — сказал Якамоту, — я очень тороплюсь. Мне бы хотелось покинуть ваши места уже сегодня.

— Что ж, как вам будет угодно, господин, тогда я прямо сейчас отправлю брата Рундзори за вашим вознаграждением.

«Грязный убийца» — раздался вдруг в голове Якамоту вопль убитого демона.

— Вы честно заработали эти деньги, — говорил в это время настоятель.

«Грязный убийца» — прозвучали вновь неслышимые никем, кроме юного самурая, слова.

— Не надо, — хрипло пробормотал он, — не надо вознаграждения.

— Что? — лицо настоятеля выражало крайнюю степень удивления.

— Ничего не надо, — закричал Якамоту и бледный, как утонувший прошлой ночью в темной реке месяц, бросился прочь от монастыря.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

ЭФФЕКТ МОРСКОЙ РАКОВИНЫ

В

НАСТУПИВШЕЙ ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛОВ ТИШИНЕ ПРИКАЗ снять повязки прозвучал оглушающе громко.

Ник догадывался, что именно увидит. Догадывался, но, опустив полосу мягкой, плотной ткани на шею, вздрогнул и сглотнул. До мобилизации он не раз задумывался над тем, сможет ли убить человека.

Ну, вот теперь он знает.

Хотя...

Стоящего слева от него в шеренге, невысокого крепыша с бульдожьей челюстью вывернуло прямо на песок. Судя по звукам, доносящимся откуда-то справа, его сосед был не единственным, кого потянуло блевать от непривычного зрелища смерти.

— Следующих! — гаркнул с вышки старшина, и минуту спустя перед новобранцами стояла свежая цепочка «улучшенных». Бледные и темнокожие, высокие и низкорослые, с тонкими руками, безволосыми головами, большими глазами... Одни были похожи на людей; другие на людей почти не походили.

— Повязки! — скомандовал надзирающий за свежим пополнением невысокий жилистый сержант.

«Усложняют задачу», — констатировал про себя Ник. Первый раз новобранцы не знали, во что стреляют. Теперь, пусть по-прежнему с завязанными глазами, но знают.

Натягивая на глаза эластичную черную ткань, Ник успел заметить, что у соседа слева дрожали руки и мелко тряслась массивная, упрямо выдающаяся вперед нижняя челюсть.

— Огонь!

Когда треск затих, приказа снять повязки не последовало.

В наступившей тишине был отчетливо слышен скрип песка под подошвами тяжелых армейских ботинок — вдоль шеренги шел сержант.

Скрип затих, как показалось Нику, прямо напротив него.

Нет. Чуть левее.

Звук тычка, рык:

— Поднять автомат!

В тишине слышно только натужное дыхание соседа слева.

— Поднять автомат!
Дыхание сорвалось на всхлипы.
Хлесткий звук удара; глухой — падающего тела.
— Встать!.. Поднять автомат!.. Огонь!
Тишина.

Сопение, возня, удаляющийся скрип песка под тяжелыми армейскими ботинками.

— Призывники! Поднять автоматы!.. Огонь!

Теперь Ник знал, что именно он увидит, и потому руки, опускавшие полосу мягкой, плотной ткани на шею, дрожали. Да что уж там дрожали — ходили ходуном.

До мобилизации он не раз задумывался над тем, сможет ли убить человека. Теперь он знает...

* * *

«Каждый имеет право на свободный выбор собственного внешнего вида и внутреннего устройства своего организма, а также право на применение в организме кибернетических устройств и искусственных органов».

Пункт первый Всемирной Декларации общества биологических носителей человеческого интеллекта. Проект представлен на рассмотрение на международной конференции в Женеве в 2398 году. Документ не ратифицирован.

* * *

— Думаешь, это правда, что «улучшенные» умеют читать мысли людей?

Голова Таши лежала у Ника на плече; девушка задумчиво вертела в руках простенькую цепочку с медальоном — ее регистрационный номер рядового.

— Нет, — уверенно отозвался Ник, легко ероша короткие темные волосы на затылке девушки. — Если бы они читали наши мысли, они бы давно уже нас разбили. Логично?

— Логично, — рассеянно согласилась Таша. — А что, если им не надо нас разбивать?

— В смысле?

— Ну... Если они не хотят нас уничтожить? Они ведь никогда не нападают первыми... Только защищаются.

— Не хватает военной мощности, вот и не нападают. А мы последовательными наступательными действиями не даем им мобилизоваться для атаки.

— Да ладно тебе, Ник, — перебила Таша. — Подумай сам, ведь когда-то «улучшенные» были людьми...

— И что? Это не мешает им убивать нас. У нас огромные потери. Ежедневно. Нет, Таша, «улучшенные» — не люди.

Ответы на такие вопросы отскакивали у Ника от зубов. Еще бы — ведь они заучены едва не с пеленок. Не надо ничего придумывать; простые ответы — они самые верны.

— Думаешь?.. — с сомнением протянула Таша.

Но Нику больше не хотелось разговоров о военной политике. Особенно

сегодня: ожидание первого боя кипятило кровь, проводило смычком по струнам нервов. Хотелось снять напряжение; хотелось отвлечься, хотелось не думать о том, что завтра он может умереть.

И не надо ничего придумывать. Есть верный способ — старый, как мир.

Не дослушав девушку, Ник быстрым движением перекатился на узкой казарменной койке, навис, опираясь на локти, над Ташей.

Простые способы — они самые верные.

* * *

«Белковые апгрейды, заменяющие более пятнадцати процентов человеческого организма, приводят к заметному изменению морфологических признаков человека.

При замене более пятидесяти процентов естественных клеток на синтезированные белковые молекулы наблюдается увеличение средней продолжительности жизни человека на двести десять процентов.

Одновременно при замене более пятидесяти процентов естественных клеток на синтетические наблюдаются существенные изменения генетического кода человека. Подобные изменения являются необратимыми и кардинально меняют известную нам природу человека, превращая homo sapiens, человека разумного, в принципиально новый вид разумного существа — homo proficeris, человека улучшенного».

Из доклада Международной Комиссии по исследованиям белковых апгрейдов, 2449 год.

* * *

Ник явился на войну по призыву; армейская служба для него была всего лишь обязанностью. Потому, когда ему предложили нашивки младшего сержанта, он принял их без энтузиазма.

Зато потом радовался: теперь он сам определял составы групп для боевых заданий и мог отправлять Ташу на самые безопасные — на патрулирование.

Девушка не спорила: понятие воинской дисциплины инструкторы вбивали в новобранцев крепко. Но ночью, когда гас свет, и в казармах наступала тишина, Таша тихонько сопела ему в грудь и просила:

— Пожалуйста, отправь меня на настоящее дело.

Ник только молча качал головой в темноте и спрашивал у нее: «Ну зачем тебе это надо?»

Таша злилась, плакала и уговаривала.

Со временем перестала просить. Поняла, что бесполезно. Смирилась с тем, что Ник научился говорить ей «нет».

* * *

«С первого марта текущего года любые белковые апгрейды, включая проводимые по медицинской необходимости, полностью запрещены.

Считать «улучшенными» всех, у кого количество синтетических молекул в организме составляет более пяти процентов.

Принудительная высылка «улучшенных» в Австрало-Антарктику прекращается.

Обо всех «улучшенных», проживающих среди людей, немедленно сообщать в местные правоохранительные органы».

Из обращения Президента Объединенных Наций, 2451 год.

* * *

— А я думаю, человек может слышать мысли другого...

Ташина голова лежала у него на плече, по телу разливалась блаженная слабость, и меньше всего Нику хотелось сейчас говорить.

— Телепатия, — Ник сделал усилие над собой и поддержал разговор.

— Не обязательно... Ник, ты слышал про эффект морской раковины? Ну, если приложить ее к уху, то можно услышать плеск волн?

— Это вовсе не плеск волн, — сонно буркнул Ник, проводя по голому плечу девушки кончиками пальцев. — Это эхо от окружающих шумов: звуки залетают в раковину, отражаются от ее стенок, искажаются и порождают шум, который принято считать гулом моря.

— Ник, в тебе ни капли романтики... — выдохнула Таша и, помолчав, продолжила: — А я верю, что в ракушке живет море. Просто, надо его очень любить, чтобы услышать... Мне кажется, так и с людьми: если ты любишь человека, то можешь его услышать. Даже если он далеко... Ник?.. Ты спишь?..

Ник спал.

* * *

«Несколько лет назад «улучшенные» создали эталонный геном биологических носителей интеллекта и сейчас производят апгрейды специально для военных целей. Усовершенствованный искусственными генами, организм «улучшенного» устойчив к воздействию высокой радиации, отравляющих веществ и биологического оружия и может функционировать даже с огромными физическими повреждениями. Помните — убить «улучшенного» один на один гораздо сложнее, чем человека».

Выдержка из Инструкции Новобранца, 2454 год.

* * *

Операция, в которой он потерял Ташу, не была боевой. Обычное патрулирование по периметру, тремя шаттлами, с предусмотренным по плану небольшим выходом за намеченные границы, обеспечивающим постепенное расширение подконтрольной территории. Привычный полет над жирафами забытых строительных кранов, над перекрестками проводов, над остывшими трубами давно заброшенных нефтеперерабатывающих заводов, танцующими танго с ржавыми куполами больших переронных кубов.

— Ник!

Он вздрогнул. Голос Таши прозвучал совсем рядом, словно она сидела на соседнем сидении.

— Ник!

На этот раз в ее голосе отчетливо прозвучала паника.

Да нет, ему показалось, ведь она не выходила на связь...

А в следующий миг прогремел взрыв, и шаттл, в котором была Таша, грудой горящего металлолома полетел к земле.

Когда Ник, резко приземлившись рядом с дымящимися останками судна, выскочил на горячий песок, Таша еще дышала. Воздушные подушки отсрочили смерть. Но не спасли. И не надо было быть медиком, чтобы, глядя на девушку, понять: ей уже не помочь.

Ник бережно занес обожженное, переломанное тело Таши внутрь шаттла, поднялся над окраиной заброшенной индустриальной зоны. Развернулся, готовый рвануть обратно к базе, к медикам, зная, что, скорее всего, не доведет девушку живой, и тут увидел спрятанный среди нагромождений промышленных руин белый купол шатра с синей стрелой, заключенной в круг.

Жестоким соблазном, злым искушением смотрел на него синим глазом с земли приемник «улучшенных».

Ник колебался недолго.

«Улучшенные» — не люди. Но они ведь живые.

Что ж, пусть хотя бы так.

* * *

«К сожалению, и в наше время находятся люди, не верящие подтвержденным научными исследованиями выводам, что «улучшенные» — не люди. Или же такие неблагонадежные личности, которые считают, что за лишние сто пятьдесят лет жизни вполне можно поступиться человеческой сущностью.

Желая разрушить наше общество изнутри, «улучшенные» принимают этих людей в своих передвижных приемных пунктах и проводят над ними белковые ангрейды, пополняя, таким образом, свои ряды. Несмотря на ряд показательных расстрелов активистов из захваченных приемников, «улучшенные» продолжают рассылать подобные пункты по границам своей территории, ожидая человеческих отступников».

Из аналитической статьи журнала *Globe Politics* «Враг внутри», 2455 год.

* * *

Тонкорукый «улучшенный», абсолютно лысый, с нечеловечески большими глазами и биопортами для прямого подключения мозга к компьютерам на месте ушей, при виде серебристой военной формы ворвавшегося в палатку Ника совсем по-человечески взвизгнул и попытался укрыться за шаткой кушеткой, одновременно стараясь дотянуться до валяющегося в углу беспризорного автомата.

— Не надо, — буркнул Ник, кинув короткий брезгливый взгляд на хилое тело, закутанное в голубой халат.

Уложил Ташу, едва дышавшую, на кушетку, бесцеремонно ухватил тонкорукого, подтащил к столу.

— Работай!

«Улучшенный» в ужасе тарачился на него лишенными белков глазами и что-то невнятно бормотал.

— Работай, я сказал!

— А ты уверен? — раздался позади чей-то голос.

Ник резко обернулся — низкорослый улучшенный, неестественно белый и такой гладкий, будто сделан из пластика, показался из-за ширмы, держа в руках автомат.

Дуло смотрело в землю.

— Ты понимаешь, что ты просишь?

Ник посмотрел на Ташино лицо, бледное, с заостренными чертами. Посмотрел пристально, запоминая.

Уже на выходе обернулся:

— Она говорила, когда-то вы были людьми...

Он не увидел, как «пластиковый» грустно усмехнулся, глядя в спину уходящего солдата, и не услышал, как тот тихо вздохнул:

— Действительно, были.

* * *

«Постановлением командующего Юго-Восточного округа за заслуги перед человечеством посмертно наградить Наташу Марию Крамер орденом за боевые заслуги третьей степени».

Из приказа генерал-полковника Юго-Восточного военного округа Сергея П. Риверти, 2455 год.

* * *

Нашивки сержанта на рукавах. Скрип песка под тяжелыми армейскими ботинками. Плотная повязка на глазах.

Издали доносятся знакомые команды:

— Следующих!.. Поднять автоматы!..

Казалось, целую вечность назад стоял рядом с ним парень с бульдожьей челюстью, с автоматом в дрожащих руках.

Ник переступил с ноги на ногу. Что-то медлят они со следующей командой...

Наконец, он не выдержал:

— Ну? Чего же вы? — выкрикнул Ник, слепо водя головой с завязанными глазами и сплюнул хрустящий на зубах песок — пополам с кровью. — Кишка тонка?

Руки, крепко связанные за спиной, затекли.

— Стреляйте, чего ждете? Я таких, как вы, гадов, знаете, сколько положил?

— Стоять! — раздался чей-то голос.

Чужой голос. Но почему-то очень знакомый.

«Ник, ты слышал про эффект морской раковины?»

Кто-то сдернул с него повязку, и он зажмурился от яркого солнца, успев заметить только песчаный плац, строй «улучшенных» с автоматами в руках и цепочку связанных солдат напротив.

«Прямо, как мы», — мелькнула у Ника неуместная мысль.

Глаза, наконец, привыкли к слепящему солнцу, и Ник, щурясь, разглядел стоящего прямо перед ним «улучшенного».

Нечеловечески большие глаза прямо перед ним. Такие знакомые темные глаза... Внимательно смотрели на него. Сквозь него.

И не видели...

— Таша... — сипло прохрипел Ник.

Ну и что, что у нее в руках автомат... Ник просто смотрел на нее — такую чужую, такую прежнюю Ташу, и в ушах у него шумело море.

КОНСТАНТИН КОЛЕСНИК

ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ

1

Однажды в Америке. Вашингтон, Белый Дом

Помощник вошел в кабинет и поклонился.

— Мистер Президент, напомню вам: послезавтра у вас встреча с представителями видовых меньшинств.

— О, господи, Дженнингс! — Президент встревоженно нахмурился. — А что, без этого никак нельзя обойтись?

— Мистер Президент, — помощник покачал головой, — вы же понимаете, мы должны уделять внимание всем представителям американского общества, в том числе и видовым меньшинствам. К тому же, до следующих выборов остается меньше года. Хотя количество видовых меньшинств и сокращается, все-таки они составляют значительный процент избирателей...

— Ладно уж, — раздраженно кивнул головой Президент. — Но, надеюсь, среди представителей будут только вегетарианцы?

— Мистер Президент! — с легкой укоризной произнес помощник. — Конечно, мы не можем допустить никакой видовой дискриминации. На встрече будут присутствовать представители всех классов и всех основных семейств. Но не беспокойтесь, кандидатура каждого тщательно проверена сотрудниками ФБР, досье досконально изучено. На встрече будут присутствовать только самые надежные — всего около 50 представителей.

— Хорошо, я, как всегда, полагаюсь на наших парней, — ответил Президент.

— Вот план будущей встречи: традиционные рукопожатия (Президента передернуло), ваша речь о проблемах видовых меньшинств и перспективах межвидовых отношений, ответы на вопросы избирателей. Текст речи уже готов.

— Хорошо, Дженнингс, идите, — Президент махнул рукой, — я посмотрю речь попозже.

2

Вашингтон. Где-то. Несколькокими днями раньше

Два джентльмена в темных очках сидят в кабинете. Перед старшим из них стоит компьютер. Младший восседает на большом столе, на другом конце которого свалена изрядная куча папок.

— Хватит валять дурака. Берись за работу, сынок, — ворчит первый, открывая новый файл.

Второй факирским жестом запускает руку в кучу папок и извлекает оттуда одну, а затем рассеянно листает:

— А что, вполне подходящий клиент. Вот послушай, Кей. Имя — Марти, возраст — 12 лет. Жвачноамериканец. Родился и вырос в Нью-Йорке. Историческое место видообитания — Африка. Отличный парень. Записывай его, Кей!

— Кого-то он мне напоминает, а, Джей? — Кей криво усмехается. — Ну-ка, дай мне эту папочку.

Слегка смущенный Джей метко сплевывает жвачку в корзину, стоящую в углу, и ловко бросает папку Кею.

— Так-так, — листает тот документы. — А что ты скажешь про эту историю с побегом в Африку?

— Да ладно тебе. Там все чисто. Наши ребята три раза проверяли.

— Ну, так проверь в четвертый раз! — Кей возвращает папку Джейу, и тот откладывает ее в сторону.

— Хорошо, хорошо, проверю, если ты так хочешь. — Джей листает следующую папку. — А вот посмотри, отличный парень. С виду — совершенно безобиден.

Джей бросает Кею следующую папку.

Кей открывает личное дело, сдвигает темные очки на лоб, внимательно рассматривает фото и начинает бормотать:

— Видовая принадлежность: неизвестна, классовая принадлежность — неизвестна, происхождение — неизвестно, имя — Че...

— Да ты что, совсем рехнулся, сынок, — ласково говорит он Джейу. — Ты кого это предлагаешь? Это ж встреча с самим Президентом!

— Да сколько можно придираетсяя! — Джей вскакивает со стола и машет руками. — Нам нужно предоставить пятьдесят кандидатур до завтра. Да еще так, чтобы были представлены все основные классы. Ты что, собираешься у каждого проверять всю подноготную или что там у них? Да их всех уже проверяли и перепроверяли!

Слегка успокоившись, Джей сел.

— Вот тебе еще одна кандидатура. Юджин. Рептоамериканец. Возраст — 80 лет. Из них последние тридцать работает в нью-йоркском зоопарке. Основатель общества межвидовой дружбы. Любимец детей. Если и этот тебе не подойдет, я уже не знаю, кого и предлагать.

— А что ты скажешь на вот это? — Кей тычет пальцем в строку биографии: — Приехал из Советского Союза.

— Ну, а что тебе не так? — удивляется Джей. — Юджин выбрал свободу и свободное общество. И ведь тридцать лет уже прошло, и все в порядке. И потом, где я тебе найду еще одного рептоамериканца?

— Ладно, уговорил, — Кей садится за компьютер. — Диктуй мне его личные данные.

3

Нью-Йорк. Зоопарк. Помещение для обитания птицеамериканцев.

Днем позже

В помещение вразвалочку входит Шкип.

— Эй, парни, я пришел сообщить вам пренеприятнейшее известие. Мы идем на встречу с Президентом!

— Что? Где? Когда? — всполошились птицеамериканцы.

— Шкип, зачем нам это нужно? И почему именно мы? — высунулся вперед Ковальски.

— А кто же еще? Где ты найдешь таких надежных, проверенных бойцов, как мы?

— Значит так, слушай мою команду. Форма одежды — фрак. Время встречи — 12.00. Стоим в углу. К Президенту не лезем. Дурацких вопросов не задаем. Жвачку не жевать, на пол не плевать. Что бы ни случилось, улыбаемся и машем. Ясно?

— Но, Шкип, мой фрак весь грязный и мятый. Что делать?

— Привести себя в порядок. И учтите: правило про дурацкие вопросы начинает действовать прямо сейчас. Еще вопросы есть?

— Нет, нет.

— Вот и отлично!

4

Вашингтон. Белый Дом. Несколькими днями позже

В Овальном кабинете Президент встречается с представителями видовых меньшинств. Группа репортеров суетится со своей аппаратурой. В дверях кабинета стоят мистер Кей и мистер Джей с невозмутимыми лицами. Президент с радостной улыбкой пожимает лапы, копыта и ласты присутствующих. Пестрая толпа представителей вытягивает шеи и радостно скалится при виде Президента. Над толпой возвышается Юджин, который мнет в руках свою шляпу.

Президент подходит к столу, берет в руки папку, услужливо поданную Дженнингсом, и начинает читать свою речь о перспективах межвидового сотрудничества, суля всем присутствующим невиданные прежде возможности. Представители переминаются с ноги на ногу, кивают и продолжают старательно скалиться. Наконец Президент захлопывает папку со словами: «Спасибо за внимание!» Раздаются бурные аплодисменты, цокот копыт и клцанье клешнями. Откуда-то сбоку высовывается Дженнингс.

— Есть ли у уважаемых присутствующих вопросы к мистеру Президенту?

Ковальски пытается было открыть рот, но получает пинок в бок от Шкипа.

— Есть, — в первый ряд проталкивается Юджин. — Скажите, мистер Президент, что вы имели в виду, когда говорили в своей речи о возможности использования представителей видовых меньшинств при проведении специальных мероприятий?

— Чудесный вопрос! — оживляется Президент. — Вот, скажем, приезжает с визитом в США глава недружественного нам государства, я играю с ним

в гольф, а в это время вы, такой зеленый и плоский, лежите на лужайке возле лунки... Правда, здорово?!

— Нет, не здорово! — глаза Юджина резко сузились, он широко открыл рот и сделал несколько быстрых шагов вперед.

Президент еще успел истошно заорать, но его крик быстро оборвался. Мистер Кей и мистер Джей синхронно выхватили оружие и разрядили по обойме в зеленую тушу, но было уже поздно. Представители видовых меньшинств с ревом метались по кабинету. Дженнингс забился под стол. Репортеры бешено щелкали затворами фотоаппаратов. Четверка пингинов старательно улыбалась и махала. В этой суматохе никто не заметил, как непонятный маленький зверек тихонько шмыгнул к выходу прежде, чем Кей и Джей достали какие-то странные штуковины.

5

Москва. Лубянка. Днем позже

Старая женщина в строгом костюме и шляпке, вышедшей из моды много лет назад, сидит и смотрит раз за разом одну и ту же видеозапись, кусая сухие губы. Открывается дверь. Входит помощник со стопкой шифровок, кладет их на стол и выходит. Из сумочки, стоящей на краю стола, выбирается крыса, шуршит в шифровках, извлекает из них нужные и кладет перед хозяйкой. Старая женщина внимательно вчитывается в скупые строки, откладывает шифровки в сторону, встает, подходит к шкафу, достает из него две папки, чистые бланки и садится заполнять наградные листы. После этого кладет одну из папок в другой шкаф, где хранятся дела выбывших сотрудников, а вторую возвращает на место. Затем хозяйка кабинета достает чистый лист бумаги и садится писать заявление об отставке. Несмотря на платочек, который крыса ловко извлекла из сумочки и принесла хозяйке, заявление удается дописать только с третьего раза. Хозяйка кабинета собирает все бумаги, берет сумочку со стола и выходит. С застывшего экрана в опустевший кабинет бессмысленно улыбается физиономия пингвина.

ДАНИЭЛЬ ВАСИЛЬЕВ

САГА О ТРОЛЛЕ-БОМЖЕ И ЧУДОВИЩЕ НЕССИ

«Прелести миров» К. Саймака посвящается

В

АХМУРКА СПИТ, ПОСАПЫВАЯ СВОИМ МАЛЕНЬКИМ нелепым носиком-булавкой, а лесной эльф, шутник, улыбаясь, щечочет Вахмуркин нос метелкой ковыля. Сейчас он проснется, и они вместе пойдут подсматривать за баньшами, которые с рассветом только-только укладываются спать. И в самый пикантный момент Вахмурка, конечно же, чихнет, а баньши будут испуганно взмывать в небо, стыдливо прикрывая свою наготу, а подглядывающие с хохотом побегут прочь. Весело.

Вахмурка улыбнулся во сне и открыл один глаз.

— А-а-а! Прочь, прочь, гадина!.. — не эльф щекотал его. Это была наглая жирная серая городская крыса, каких не встретишь за пределами городов, потому что только здесь они разъедаются так, что с трудом пролезают в собственные норы. Это она, гадина, нагло взгромоздилась на его пузо, пристроив свой хвост у самого носа спящего Вахмурки.

Вахмурка обиженно поднялся с пола, куда свалился, испугавшись от неожиданности противной крысьей морды. В общем-то, он ничего против крыс не имел — привык уже за столько-то лет, но чтобы вот так нарушить *такой* сон! Это уже слишком.

Крыса тем временем (тоже почему-то обиженно — и хватает же наглости!) слезла с него, а Вахмурка растерянно сел, почесал голое пузо, шмыгнув носом и лег обратно. Спать поздно, и сна не вернешь, но ведь можно закрыть глаза и помечтать...

Мда-а, эльф теперь может только присниться. Они нынче совсем одичали и живут в самых глухих лесных чащах, если вообще еще не сгинули. Эльфы так и не смогли приспособиться к жизни с людьми, этими тупоголовыми верзилами! А вот тролли смогли, по крайней мере, некоторые, такие как Вахмурка.

Да-да, вы поняли правильно, Вахмурка был троллем. Не обычным, о которых пишут и читают, которыми пугают маленьких детишек, когда те шалят. Нет, не лесным троллем и не горным — он был *чердачным* троллем. Они отличаются маленькими размерами — самые высокие едва достигают двух футов, спокойным нравом и удивительным умением прятаться так, что их

не обнаружишь и на самом тесном чердачке. Они живут на чердаках наших с вами домов, домищ и домиков. И очень-очень не любят покидать свой любимый чердачок. А наш рассказ повествует о тролле, который решил поменять место жительства. Но, ч-щ-щ-щ, не будем забегать вперед.

Как-то не мечталось — сколько глаза не закрывай, сон не вернешь. Зато настроение поднялось, потому что Вахмурка вспомнил, что сегодня 31 декабря! А что может быть лучше 31-го декабря? Весь день проходит в приятном предвкушении вечера, когда можно стянуть с праздничного стола не только сухую печенючку, но и кусочек яблочного пирога, пропажу которого все равно никто не заметит, когда в полночь, свесив ноги из окна, можно долго-долго наслаждаться видом взлетающих над Темзой фейерверков, когда... В общем, день обещал быть хорошим. А от этого и на душе становилось легко, и даже наглого крыса Вахмурка легко простил.

«Почему бы не понаблюдать за квартирантами?» — подумал Вахмурка и, злорадно потеряв ладошки, пополз к вентиляции. Квартирантами он называл «тугих верзил людей», которые жили в этом доме. На самом деле они были хозяевами, а совсем не квартирантами, но Вахмурка предпочитал считать таковым себя. «Квартиранты» — семья достаточно известного в бомондных кругах Европы дизайнера. Он сам и две его дочери от разных браков. Девочки не любили друг друга и постоянно ссорились, в чем им, как мог, помогал тролль. Например, он, бывало, прятал ценности одной в ящик к другой (естественно, обо всех тайниках в доме ему было прекрасно известно), а потом довольно похихикивал, глядя, как одна девочка таскает за косу другую. Пакостил и посильнее, но не будем его винить — люди тоже доставили немало хлопот всему племени маленького народца.

— Папа, давай быстрее! Такси уже ждет, — плаксиво пропищала старшая дочка.

— Да-да, доченька. Я уже. Но нам все равно надо дождаться крысолова. Не беспокойся, у нас еще есть время.

— Па-ап, а давай оставим Николь дома, пусть ее травят вместе с крысами, — хищно оскаливая мордочку, предложила младшенькая, — а сами улетим.

— Ах ты, маленькая сволочь! Дочь троллихи! — ответила Николь. А Вахмурка чуть не закричал от возмущения! Так оскорбить честное племя троллей. Ну, ничего, он им еще оплатит...

— Моника, Николь! Ну, нельзя же так, — чересчур мягко пытался восстановить порядок незадачливый отец.

Драка была бы неминуема, если бы в этот момент не позвонили в дверь. Семья улетала в Париж на Новогодний карнавал, и девочки заставили отца вызвать на это время крысолова, чтобы очистить дом от «этой серой нечисти». Вахмурка об этом ничего пока не знал. Но он уже понял, что семья уезжает, и расстроился — не будет ему сегодня яблочного пирога. И поиздеваться не над кем. Печально, но ладно. Все равно сегодня необычный день и ничто не может испортить ему настроение.

Входная дверь громко хлопнула. Уехали. Вахмурка совсем уже было собрался пойти прошвырнуться по комнатам, как услышал дикий рев неандертальца:

— А-а-а-а! Ну что-о-о, крысы-норушки, мальчишки-девчушки, щас я вас всех в ад отправлю, чертей кормить! — Тролль так и упал на пятую точку от неожиданности. Выглянув из вентиляционной решетки, он увидел страшную перекошенную морду мужика. Морда одним глазом угрожающе уставилась прямо на него. Вахмурка так испугался, что, не помня себя, опрометью бросился прочь, обкорябав все пузо. И остановился, только когда оказался на своем родном чердаке.

А вдогонку ему еще неслось грозное: «Всех повешу, всех сожгу, всех отравой обложу».

Уж, было, совсем успокоившись, тролль прилег в любимый уголок, решив переждать, пока не уйдет из дома этот псих-крысоубивец.

Прошло совсем немного времени, когда весь дом, все его внутренности-пустоты зашуршали от топота множества когтистых серых лапок. Крысы бежали. Может быть, человек бы и не услышал этого, но Вахмурка обладал очень и очень чувствительным слухом. Иногда по ночам, кстати, он даже пел, и пел неплохо. Вот только девочки отчего-то пугались непонятных звуков, впрочем, этим они, скорее, радовали тролля, нежели огорчали.

Топ-топ-топ... пи-пи-пи... Из-за угла балки выглянула первая крысиная мордочка. Поведя усиками, она уставилась тупыми пуговками глаз на Вахмурку.

— Чего смотришь, серая? Гуляй отсюда!..

Но крыса не послушалась. Она выскользнула из норки и прошмыгнула мимо Вахмурки на крышу. А за ней еще одна и еще, и еще — толпа жирных серых крыс!..

— Ужас какой! — возмутился тролль, засунув кулак в рот, да так сильно, что невольно прикусил его и тоненько вскрикнул от боли. И тут открылась дверь в полу чердака, и показалась голова Крысолова:

— Ага!.. Пищите!.. Щас я вас добью, уродов! — Последняя из убежавших крыс в этот момент как раз оказалась на двери, и теперь хитро смотрела на лысину мужика. А потом повернулась, свесив зад, справила нужду прямо на эту лысину и юркнула прочь, за остальными! Мужик взревел, как пять орангутангов:

— А-а-а-а-а!.. Ра-аздавлю, убью, живьем сожру!

А Вахмурка, укрывшись под самым потолком чердака, давился от смеха в укушенный кулак. Незадачливый крысолов ладошкой размазал крысиное дерьмо по лысине и с диким ором принялся забрызгивать какой-то гадостью весь чердак.

— А... а... а... пчихи-и! — чихнул от запаха отравы Вахмурка и чуть не упал.

— Это еще что там такое? — удивился мужик. И направил струю пудлеризатора прямо на то место, где сидел бедный тролль. Вахмурка выпучил глаза, но продолжал сидеть на месте, не шелохнувшись, боясь выдать свое присутствие.

Но тут мужик — совсем, гад такой, обнаглел — стукнул монтировкой по балке, за которой и укрывался Вахмурка. Бревно больно отдалось по троллиному носу.

— Ой-ой-ой!.. — вскрикнул бедняга и упал! И, тут же вскочив, выпрыгнул через чердачное окошко прочь. Крысолов опешил, почесал заляпанный затылок, хмыкнул и плотно запер окошко, через которое ускользнул зверек (то ли кошка, то ли еще черт знает кто!..)

А Вахмурка шурился от яркого света, сидя в кустах с задней стороны двора, и потирал ушибленную спинку.

— Сволочи, гады, паразиты, — шипел он, — верзилы тупоголовые!

Читатель, давай оставим нашего героя на пять минут — дадим ему выругаться на «верзил тупоголовых» за все свои несчастья, не будем троллиной бранью пугать бумагу и пугаться сами — тролли еще помнят такие эпитеты, о которых люди уже давным-давно позабыли...

Успокоившись немного, Вахмурка стал думать, что ему делать дальше. То ли ждать, пока вернутся хозяева и проветрят дом, то ли чего-то еще... Ждать — означало провести новогоднюю ночь под открытым небом, а чердачные тролли ну очень сильно не любят долго находиться вне своего тепленького чердачка.

— Да и надоели они мне все уже, — хмуро думал Вахмурка, — давно пора было бы подыскать домик поспокойнее, да потеплее. Вот только, где найти такой домик?! — пригорюнился он, и тут мысля, очень креативная такая мысля, затрепыхалась в его голове. — А что если!.. Да-да-да, почему бы и нет. И пустоует, как я слышал, и почетно, как раз для такого замечательного тролля, как я!

Вахмурка аж губу прикусил от радости за свое будущее:

— Все! Решено! Теперь буду жить на чердаке Большого Бэна! Ии-и-и-ха-а!

Новый домик будет троллю!

Пузо нагуляю вволю.

Я скажу вам откровенно,

Круто жить под крышей Бэна!

— пел маленький тролль, позабыв от радости о всякой предосторожности. И вдруг:

— Ай-ай-ай! Больно же, верзила тупая! На хвост наступил!.. — что-то запищало под ногами. Вахмурка так удивился, что даже не возмутился на то, что *его*, честного тролля, так оскорбительно обозвали.

— Кто это? Ты где? — спросил он, всматриваясь в траву у себя под ногами.

— Я это! Здесь я, прям под носом твоим уродливым! — недовольно ответил голосок.

Вахмурка опустил на колени и, наконец, увидел... ма-аленькую ящерку. Ящерица осуждающе смотрела на него:

— Ну, что уставился! Ящериц не видел?!

— Ты... ты... ты разговариваешь?! — опешил тролль.

— Конечно! Не петь же мне, как некоторые неумные делают!

— Прости, что наступил на тебя. Я не специально. Я Вахмурка, чердачный тролль, а ты кто?

— Не специально он! — передразнила ящерка. — Еще бы ты специально на меня наступил. Ходят тут, понимаешь, под ноги не глядя. Одно слово —

верзилы, — она немного помолчала и, увидев, что Вахмурка чувствует себя виноватым, продолжила уже доброжелательнее. — Я Несси. Лохнесское чудовище. Я...

— Ой-й-й-й, ой, держите меня, ой не могу!.. — упал на траву от смеха Вахмурка. — Ой, насмешила! Ну ... гы-гы-га-гу-гы... ты даешь! Лох... лох... лохнесское... ой, ха-ха-ха... чудовище!..

Несси хмуро следила за катающимся по траве троллем. А потом не выдержала и как укусит его за неосторожно приблизившийся к ней нос:

— Ой-ей-ей, больно же! Ты чего?! — миг скуксился тролль. — Ты чего кусаешься-то! Сама шутишь вперед, а потом обижаешься...

— И не думала шутить.

— Как это? Я помню, Лохнесское чудовище — оно большое, и вообще уже несколько веков из своей лужи в Шотландии не вылезает! А ты маленькая и, видимо, глупая ящерица. Или умом тронулась. Вот!

— Ты давай-ка озеро мое не оскорбляй! Не веришь, и не надо. Я тут перед тобой расхухориваться не собираюсь. Все, некогда мне, я пошла.

— Подожди, подожди! Расскажи толком!..

Несси, насупившись, шумно дышала, но все-таки вернулась обратно:

— Ладно, расскажу, только, чур, не перебивать и не смеяться.

Троль картинно встал по стойке смирно, приложил руку к груди и торжественно произнес:

— Клянусь! — и нетерпеливо продолжил. — Ну, давай, я слушаю, — дело в том, что Вахмурка страсть как любил всякие там интересные и невероятные истории. А эта обещала быть одной из самых невероятных из всего, что ему доводилось слышать.

Несси подозрительно на него поглядела, но рассказ начала:

— Да понимаешь, уменьшаюсь я с годами-веками. А все этот чертов маг-волшебник! — ящерицу передернуло. — В общем, три века назад, когда я еще была, гм-гм, в теле, плавала в своем озере, рыбешкой промышляла, жил на берегу озера волшебник. Ну, жил себе и жил, меня не трогал. Но, вообще, тот еще был мужик, с придурью. Вся округа его еще больше, чем меня, боялась. Так вот, слуга у него чего-то там не так сделал, не знаю уж чего, и волшебник его превратил в рыбину, здоровую такую, аппетитную!.. Эх-х-х, — плотоядно сглотнула Несси. Вахмурка слушал, открыв рот. Несси продолжила. — Ну, я-то тогда не знала, что это его слуга, и проглотила сдуру. А он тут как тут, и как заорет: «Что ж ты, чудище озерное, моего слугу съела, я его в воду пустил, повоспитывать хотел, а ты, безголовая, о чем думаешь! А ну вертай его назад!» Я так испугалась, что мне эта рыбина поперек горла встала. Я ее и выплюнула от страха.

А этот гад-волшебник как закричит чего-то на языке тарабарском, как вскинет руки. И слуга обратно превратился, а у меня что-то екнуло внутри. Тогда он мне и говорит: «За то, что слугу моего напугала, я на тебя, говорит, заклятье наложил! Теперь ты с годами будешь становиться все меньше и меньше, пока совсем не исчезнешь или не съедят тебя те, кого ты сама сейчас ешь!» Я так расстроилась, что две недели плакала. Плакала и уменьшалась...

— Мда-а. Дела!.. — восхищенно вздохнул Вахмурка.

— Не перебивай. Это еще не все. В общем, однажды вечером наклюкался этот волшебник и пришел на берег озера рыб пугать, а я все плакала и уменьшалась. Он сжалился, посмотрев на меня, благо, пьяный был, добрый, и сказал, что с заклятием можно бороться! «Как?!» — спрашиваю я. А он мне: «Для этого тебе в новогоднюю ночь надо английскую королеву в зад укусить!» — и как заржал, сволочь пьяная! Очень уж он англичан не любил. И меня тоже! — захныкала Несси. — И меня не любил. А я обиделась тогда на него, и ушла на глубину.

Тем временем шли года, десятилетия, века, а я все медленно, но неуклонно уменьшалась. Последние лет двадцать приходилось уже уносить ноги и хвост от всяких прожорливых карасей. Жить так мочи больше нет! — зарыдало бывшее чудовище. — Вот решила, что надо попытаться королеву эту гадскую укусить, а то ведь сгину совсем! Почти год ползла сюда, десять раз чуть съедена не была, десять раз чуть с голоду не умерла, десять раз чуть не раздавили меня. А-а-а! Ма-амочка-а! — рыдала Несси. — Только как к ней подобраться-то?! Разве ж я, такая маленькая, сумею?

— Ну, не хнычь! — задумчиво произнес Вахмурка. — Думаю, я смогу тебе помочь.

— Да? Правда? — обрадовано воскликнула Несси!

— Да, помогу, — словно решился тролль. — У меня кореш в Букингемском дворце чердаками заведует, отведу-ка я тебя к нему!

— Ура-ура, спасибо! Спасибо, добрый тролль!

— Да ладно тебе, — сконфузился Вахмурка, — мы ж, древние создания, должны друг другу помогать, а то, глядишь, совсем сгинем.

Несси забралась к нему на плечи, и Тролль, укрываясь, перебежками двинулся к дворцу.

— Привет, Кжемелик!

— Здорово, Вахмурка! Ты ли это?! Давненько, давненько не виделись. Ну, садись, рассказывай, как дела, брат тролль.

— Подожди, я к тебе по делу. Познакомься — это Несси, лохнесское чудовище.

— Здравсьте...

— Ой-й-й-й, ой, держите меня, ой не могу!.. — упал от смеха Кжемелик. — Ой, насмешил! Ну... гы-гы-га-гу-гы... ты даешь! Лох... лох... лохнесское... ой, ха-ха-ха... чудовище!..

Вахмурка и Несси хмуро наблюдали за хохочущим троллем. Как вы уже, наверное, догадались, Кжемелик, друг Вахмурки, тоже был чердачным троллем. И жил он на крупнейшем чердаке Букингемского дворца. Да, некоторым в жизни везет больше, чем другим. Однако дружба двух троллей была так стара, что даже пропасть в социальном положении не могла ее нарушить.

Вахмурка и Несси еще долго сидели, подбоченившись и глядя на Кжемелика, пока тот, наконец, не успокоился. Тролли — народ смешливый...

Но вот, «хозяин» чердака пришел в себя, высмеялся и, глупо улыбаясь, уставился на гостей:

— Ну, рассказывайте!

И они рассказали. Вахмурка начал с описания своего неудавшегося утра, а Несси подхватила, описав свою историю. Теперь задумался Кжемелик:

— Мням-мням, ну что ж, помочь вам я могу. Сейчас уже... ого-го... десять вечера! Скоро Новый год, скоро Новый год, ля-ля-ля, ля-ля-ля!.. Ой, простите. Так о чем это я? Ага, значит, королевский новогодний бал как раз в самом разгаре. Вернее, бал будет потом, после ужина, а сейчас в большом зале дворца куча гостей и все угощаются королевской кухней. Надо поторопиться, в бальном зале королеву будет достать труднее — там все копошатся, дрыгаются под музыку. Раздавят запросто.

Вахмурка подошел к другу и сказал, уткнувшись в его плечо:

— Спасибо, друг! Ты настоящий тролль!

— Да-да, спасибо, почтенный! Огромное спасибо! — присоединилась Несси.

— Рано благодарите! — хмыкнул смущенный Кжемелик, — сначала еще дело сделать надо. Пошли.

И они пошли. Причудливые подчердачные пустоты вывели их к техническому отверстию прямо над большим залом. Мало того, они оказались прямо над головой королевы, торжественно восседающей на высоком стуле во главе стола. А народу... тьма тьмущая!

— Ну вот, пришли. Уж не знаю, как ты, Несси, будешь королеву за зад кушать, но все от меня зависящее я сделал, — резюмировал Кжемелик. — А дальше уж сама, как-нибудь. Удачи, так сказать. Мы с Вахмуркой тут подождем.

— Ага, — согласился Вахмурка, заробевший от такого обилия людей. — Подождем.

А Несси сидела, закусив хвост, и с ужасом смотрела вниз! Как справиться? Но — надо! Как-то надо делать дело!.. И с криком (крика-то, кроме нее да троллей, никто и не услышал, правда) «Банза-а-а-ай!!!» ящерка сиганула вниз. Тролли с замиранием сердца следили за ее полетом и ясно видели ее широко раскрытые от ужаса глаза, пока Несси не скрылась... в декольте королевы!

— Ой! — тихонько вскрикнула Королева, поднеся руку к груди. На нее обернулись и вопросительно посмотрели, по крайней мере, человек двадцать из близидящих. Королева почувствовала, как что-то мерзко-холодное ползет мимо груди вниз, к животу, выпучила глаза, но промолчала. Этикет — дело строгое. Натянуто улыбнувшись, она с трудом, стараясь не обращать внимания на копошение в районе живота, продолжала жевать упорно вставший поперек горла кусок рыбы.

Нечто с живота медленно пролазило все ниже, к интимному месту. Королева подумала, было, положить ногу на ногу, раздавив наглое существо, но нельзя — этикет не велит сидеть нога на ногу, да еще и за столом. Лица сотрапезников отвернулись, возвратившись к степенной застольной беседе. Внизу живота защекотало. Королева шумно вдохнула, возмущенная (тролли, наблюдая за ней, корчились в судорогах от смеха), и тут кусок рыбы встал-таки костью поперек горла! Королева вскочила:

— А-гр-кх! — захрипела она, схватившись за горло. Несси, воспользовавшись случаем, быстро, цепляясь за королевские трусики, перебралась на королевскую поясницу, залезла в трусики и... ка-ак укусит!

Вскочившие гости вздрогнули от крика королевы:

— А-а-а! — совершенно не по-королевски заорала она, хватаясь за зад руками. Тролли уже чуть не падали с потолка от хохота. Гости застыли в шоке от поведения королевы. Кто-то бросился к ней, совершенно не понимая, что угрожает их повелительнице. А королева что есть мочи лупила себя по попе, дико выпучив глаза. К ней бросилась охрана.

Несси, сделав свое дело, тут же юркнула на пол и затерялась меж мельшащих ног гостей. Кжемелик пошел ее встречать, а Вахмурка продолжал кататься по полу, хохоча до икоты от вида неуклюже прыгающей королевы Англии! Не смейтесь над бедной королевой — она и так заработала пару новых седых волос на своем крашеном парике.

Кжемелик проводил друзей до самого выхода и вернулся к себе. Несси довольно улыбалась. Она уже немного прибавила в весе, и теперь Вахмурка не мог нести ее на себе. Впрочем, этого и не требовалось. Тьма скрыла их...

Чудовище и тролль брели по ночному Лондону. Яркие огни и толпы «верзил» заставляли их проявлять максимальную осторожность. Веселье куда-то убежало, оставив Вахмурку грустить — уже одиннадцать вечера, а он так и не попал под теплую, гостеприимную крышу Биг Бэна. Видимо, Новый год придется встретить на улице, хоронясь от людей и праздника. Хорошо хоть рядом есть друг, все ж не так одиноко.

А Несси и не думала расстраиваться — она светилась, аки медный таз, радуясь своему на глазах набирающему вес телу. И топала вперед, весело пританцовывая.

— Эх-хэх-хэх, — вздохнул Вахмурка.

— Ты чего вздыхаешь? Ты почему не танцуешь и не радуешься за меня? — обиженно и недоуменно взглянула на него Несси. И вновь пустилась в пляс:

*Кукарача-чача-чача,
Топ-топ-топ прискок-припрыжка.
День сегодня был удачный,
Потанцуй со мной малышка.
Кукарача-чача-чача,
Топ-топ-топ прискок-припрыжка...*

— Не обращай на меня внимания, Несси. Я так... о своем.

Несси застыла в нелепой позе танца и обернулась.

— Как это о своем? Что у тебя не так? День сегодня был удачный, Кукарача-чача-чача! Хи-хи-хи...

— Да, понимаешь, старый дом-то я потерял, а нового не обрел. Такой день, и на улице...

— Хм... дык, в чем проблема-то? Ты же на чердак Большого Бэна нацеливался вроде.

— Не успею я. Новый год на улице придется встречать, а это же самое главное — чтобы Новый год дома, с чайком, в тепле, подальше от людей...

— Как не успеешь? Успеешь, я тебе помогу, не будь я Несси — ужас-всей-Шотландии! Садись на меня, вмиг домчу. Только я тут туристка, так что не забывай показывать дорогу, а то с поворотами у меня всегда были проблемы, хе-хе.

— Правда? На себе повезешь? — улыбнулся Вахмурка.

— Повезу-повезу! Садись.

И поскакали они!.. Прямо по улицам и поскакали — плевать на людей, шарахающихся от ящерицы размером с пони, да еще и с троллем на спине. «Йо-хо-хо!!!» — кричал Вахмурка в запале бешеной скачки. И надменные кэбы в ужасе разлетались в стороны, круша витрины магазинов черными бочками. Где-то завывла сирена, но Тролля все было по барабану — он чувствовал себя настоящим ковбоем на диком мустанге...

Несси с разбегу влетела на Вестминстерский мост, распугав побледневших констеблей, и остановилась у самого входа в башню. Вахмурка слез с нее и обнял за заметно удлинившуюся шею:

— Спасибо тебе огромное, Несси! Я тебя никогда не забуду.

— Да уж, тролль, — усмехнулось чудовище, — теперь мы навеки друзья. — Повисла неуклюжая пауза... — Не умею я прощаться, друг. Ты, знаешь что, будешь мимо моего озера проходить, обязательно забегай ко мне. У меня там скоро безлюдно будет...

— Конечно, Несси, забегу как-нибудь, и пару веков не пройдет, обещаю!

— Хм, м-да... Ну, пока, что ли. Побегла я, домой.

— Прощай, Несси.

— Прощай, Вахмурка, — обернулось убегающее чудовище и скрылось за поворотом, снеся на вираже пару красных телефонных будок. А Вахмурка все смотрел ей вслед из-за столба. Кто-то вдали истошно закричал — Вахмурка усмехнулся: «С возвращением, ужас Шотландии, милая Несси». И побрел прочь, обустраиваться на новом месте.

Взгрустнулось. Нет-нет, чердак тролля вполне устроил — теплый, сухой, тихий, отличный вид из окна, часы под рукой... Просто когда что-то кончается, всегда грустно, ведь правда? Хотя... Новый год-то еще впереди. «А значит, надо заварить чайку», — улыбнулся про себя Вахмурка и поставил чайник.

Только он устроился попить горяченького чаю, как вдруг: «Бум-бум-бум...» — куранты били полночь! Тролля от неожиданности упал (прямо на свое драгоценнейшее пузо, бедняга) и обжегся чаем.

— Ау. Да что ж это такое! — Куранты продолжали бить прямо по мозгам, а Вахмурка витиевато (как может только маленький народец) выругался на этих «тупоголовых верзил», которые «чего только не придумают, лишь бы испортить жизнь маленькому троллю». В общем, жизнь налаживалась.

Наконец куранты замолкли, а Вахмурка подумал про себя: «Часики-то надо будет привести в негодность, а то так и с ума сойти недолго». И снова налил себе чаю. Затем устроился у окошка и свесил ножки.

Вахмурка попил чайку, смотрел на взлетающие над рекой фейерверки и радовался жизни!

*Троль-мальшика, свесив ножки,
Встретит Новый год под крышей.
Ярко красные сапожки,
Пуд веселья, грусти малость.
Пусть его никто не слышит,
Он поет себе на радость
Отмечает Новый год.
Новый год, веселья вечер!
Тирам-там тарим-там-тата
Новый год? Какая встреча!
Тирам-там тарим-там-тата
Буду петь и веселиться,
Только б чаем не напиться!
Вот снежинка села на нос,
Ай, щекотно! Шалунишка.
Смех, веселье, танца радость.
Только б не свалиться с крыши.
Пусть меня никто не слышит,
Кроме пары серых мышек
Я пою про Новый год
Новый год, веселья вечер!
Тирам-там тарим-там-тата
Новый год? Какая встреча!
Тирам-там тарим-там-тата
Буду петь и веселиться,
Лишь бы в сон не провалиться!
Тирам-там тарим-там-тата
Тирам-там тарим-там-тата...*

— Бу-у-умс! — подпел Большой Бэн...

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ

МАТЕРИАЛЫ ЛИТЕРАТУРНОГО СЕМИНАРА В ПАРТЕНИТЕ (МАЙ 2009 Г.)

Занятие пятое

Андрей Валентинов: ...поэтому, если вступаете на эту тропу, знайте, что вы пишете тот же роман про эльфов, женский роман или про ведьмочку, только, что называется, обличие мужское. Все — один, совершенно заштампованный жанр. От которого, при прочих равных, лучше воздерживаться, чтобы не выходить за пределы литературы.

Олег Ладыженский: Мы фактически сейчас говорим даже не «как драку описывать», мы говорим, что делать с яркими динамичными сценами внешнего действия, когда вы их описываете. Первое — свалить как можно дальше от «киношного» стереотипа. Если оно работает в кино, оно не сработает у вас. В тексте. Читатель не представит себе «киношную» сцену, это нелепо.

Андрей Валентинов: Иные принципиально средства выражения — слова.

Олег Ладыженский: В кино зрителю дают картинку, а ваше дело — сформировать картинку в воображении читателя. Если вы пытаетесь сформировать «киношную» картинку, сталкиваетесь с противоречием — средства выражения разные. Если вы хотите описать динамичную сцену насилия — я имею в виду не насилие над женщиной, а драку — найдите обязательно хотя бы одну (лучше — больше) зацепку, какую массовый читатель не знает. Как на семинаре буквально на ходу выяснялось, что очень много чего вы не знаете. Как только вы опишете то, чего читатель не знает, он вздрогнет. И воспримет все, что вы ему дадите.

Андрей Валентинов: И не увлекайтесь техническими моментами. Один — два, чтобы показать: да, это серьезно все. Но не больше.

Олег Ладыженский: Вместо «Он ударил мечом слева направо вниз», надо писать: «он наискось рубанул мечом». «Рубанул» дает эмоциональную окраску. «Наискось» — энергичность и направление движения.

Андрей Валентинов: Помнишь, вы мне подсказали «ветряк»... Я был грешен, писал фэнтези в свое время.

(Дружный смех)

Андрей Валентинов: «Ория», три с половиной книги. Там должна была быть драка. Меч. Нормальный, хороший. И мужик с двумя саблями. Мне помогали Олег и Дима, они предложили образ: боец с мечом вдруг понял, что

столкнулся с ветряной мельницей, с ветряком. Этот образ очень хорош. Страшное вертится перед ним, он драться может, но понимает, что дело плохо.

Помните, мы разбирали «Обитаемый остров»? Сцена драки Максима — образец, как надо описывать. Подана драка через условные образы — человек и страшные дикие обезьяны. Все понятно и необыкновенно выразительно.

Вопрос из зала: Барон Пампа...

Андрей Валентинов: Похожий на вертолет на холостом ходу.

Олег Ладыженский: При том, что эта сцена абсолютно невозможна, с точки зрения реализма, но сцена блестящая!

Дмитрий Громов (улыбаясь): Хотя мы на сцене ее ставили.

Олег Ладыженский: На сцене мы ее ставили много месяцев. Специально меч делали... В трактире тесно, в трактире мечом перерубить потолочную балку невозможно.

Дмитрий Громов: Бывали мы в этих трактирах. Там такие балки!

Олег Ладыженский: Поэтому Стругацкие нарочито отступают от реализма.

Дмитрий Громов: Это — фактически гротеск.

Олег Ладыженский: Вертолет на холостом ходу перерубил потолочную балку. У читателя складывается яркий образ. И никому не приходило в голову предъявить Стругацким претензии, что двуручным мечом нельзя перерубить потолочную балку.

Дмитрий Громов: А вот вертолетной лопастью можно!

Андрей Валентинов: И барон Пампа действительно выходит за пределы реальности, приближаясь к образу Гаргантюа, такого мега-Портоса. Верить, что такой балку перерубит. И сразу появляется образ. Классический пример, как такое надо описывать. А когда начинаются технические термины: «он встал в четвертую позицию»...

Олег Ладыженский: Это, может быть, и нужно, если идет повествование от лица профессионального учителя фехтования.

Андрей Валентинов: Как Скарамуш.

Голос из зала: Из четвертой позиции невозможно атаковать!

Андрей Валентинов (улыбаясь): Так это же фантастика!

Олег Ладыженский: Есть правда жизни, а есть правда образа. Они не всегда соответствуют. Правда образа развивается в других условиях и по другим законам.

Вопрос из зала: Сюжетные линии. Допускается ли повествование в сюжетных линиях от разных лиц? Одна сюжетная линия — от первого, вторая — от третьего...

Андрей Валентинов: Это мною приветствуется. Это очень хорошо. Это применяли и Стругацкие, это применяют и сейчас. Так и поступайте, потому что если две «я»-линии, читатель начнет путаться.

Дмитрий Громов: Кроме того, тогда есть возможность показать некие события со стороны — или те события, о которых герой на данный момент не знает, но читателю хорошо бы их показать. Можно так дать дополнительную информацию.

Вопрос из зала: Можно одну линию в настоящем времени, другую — в прошедшем?

Андрей Валентинов: Разнообразьте, это очень хорошо.

Дмитрий Громов: Главное, чтобы они технически по тексту не перемешались. Потому что тогда возникают непонятки у читателя: как так, только что было первое лицо и настоящее время, а тут уже третье и прошедшее, и без отбивок, главок, звездочек. Возникнет путаница. А если линии правильно выделять в тексте — никаких проблем.

Андрей Валентинов: Олди применяют еще более хитрый прием. Вспомните «Одиссея, сына Лаэрта». Где повествование ведется от первого лица, от лица Одиссея, но применяется условное третье, когда чуть-чуть отстраняется повествование — и появляется «он». Хотя понятно, что от него же, но чуть отстраненно. Это очень помогает.

Дмитрий Громов: Несколько раз мы даже второе лицо использовали.

Андрей Валентинов: Второе лицо — высший пилотаж.

Олег Ладыженский: Да, это сложно, мы редко им пользуемся. Кстати, не только «Одиссей» — мы сейчас закончили большую повесть, и там через эпизод действие идет от первого и третьего лица одного того же героя. Нам это было нужно — третье лицо позволяет отодвинуться и решить сцену другим планом.

Андрей Валентинов: Первое лицо не позволяет рассказать очень многие детали. Первое лицо — то, что видит человек. Поэтому третье лицо позволяет дать панораму, углубиться, дать отступление.

Олег Ладыженский: В этой повести, ближе к концу, в предкульминации, с героем происходит дичайший стресс, ломающий его — и вдруг появляется «особое» третье лицо, где нет этого героя вообще. О нем говорят другие люди. Стресс в наличии, третье лицо у нас в тексте было, значит, мы не нарушаем строй книги. Но герой исчезает. Он где-то там существует, он за кадром. А потом, когда он появляется, он появляется не просто как «я» от первого лица, а как «я» сплошным монологом. Он даже не отвлекается на ремарки. И потом уже существует все время «я». Этим нам надо было подчеркнуть перелом восприятия жизни, изменение принципов существования; сломать ситуацию. Переходы «лиц» позволяют подчеркивать такие вещи.

Андрей Валентинов: Но в то же время надо действительно хорошо обозначить линию. Я приведу обратный пример неудачного применения: у Камю есть новелла про какого-то несчастного паренька, который сидит в камере и думает, перерезать себе горло бритвой или не перерезать. Везде идет от первого лица. И только последняя фраза... «Он так и не мог понять, что сейчас на это решится». Последняя фраза — переход на третье лицо. Нескладная фраза. Вся новелла в первом лице, а последняя после абзаца — переход. Понятно, не мог описать от первого лица «я себе перерезаю горло»... Это не читается, приемчик не сработал. С самого начала нужно эти линии заложить, потом их продолжить.

Вопрос из зала: Хорошо, есть две этих линии. От первого лица в настоящем времени, от третьего в прошедшем. А как эти линии лучше объединить?

Андрей Валентинов (*улыбаясь*): Сначала одна, потом другая.

Дмитрий Громов: Переплестать. А большими или меньшими фрагментами — это зависит от объема произведения, от тех событий, которые втиснуты во фрагменты. Хорошо бы, чтобы у каждого фрагмента был свой микрофинал. Микрокульминация и микрофинал. Совсем маленький, значительно слабее, чем у всего романа или повести. Он может быть и оборван на самом интересном месте, это — тоже прием. Но злоупотреблять этим не стоит. Нельзя, чтобы повествование без подъема, без взрыва оборвалось. Начинается раздражение у читателя: автор говорил, но не договорил.

Андрей Валентинов: Есть прием, близкий к этому, его применил Робер Мерль. Повествование идет от первого лица в настоящем времени, главного героя, который в условиях ядерной катастрофы собирает в замке небольшую группу «спасенцев». Их робинзонада. Но это комментируется в конце каждого большого раздела воспоминаниями уже в прошедшем времени одного из участников событий, написанными через много лет, где он поправляет автора, где он вносит свою точку зрения. То есть, линия в первом лице настоящего времени, а небольшая по объему часть в третьем лице прошедшего времени со своей позицией. Появляется стереоскопический взгляд.

Дмитрий Громов: Подобная «фишка» часто используется в детективах. Но почему бы ее не применять и в других направлениях литературы? Это — описание одних и тех же событий разными персонажами. Обычно — двумя, реже — тремя. Когда вскрываются новые нюансы, которых не заметил или не понял один герой, а с другой точки зрения это выглядело совсем иначе.

Олег Ладыженский. Рассказ «В чаше» Акутагавы Рюноске.

Андрей Валентинов: Хороший, сильный прием. Иногда такое получается и против желания издателей. В свое время на русский язык были переведены две книжки, написанные про Вторую Мировую, обе посвящены знаменитой операции «Цицерон», когда немецкая разведка завербовала работника английского посольства в Константинополе. Первая книжка — немца-разведчика, который вербовал этого турка, а вторая — самого турка, «Я был Цицероном». И, по сути, получился рассказ про одно и то же. Сцены те же, диалоги те же, но переданные разными словами. Читается как единая книжка. И видно, что каждый хочет показать себя смелым, решительным, умным, а второго — ну так, со мной работал, трусоват. Получился единый приключенческий роман. Два взгляда и синхронное повествование. Я после этого понял, что это за прием.

Олег Ладыженский: Если обобщить: когда вы пишете роман, в романе должно быть несколько сюжетобразующих линий. Несколько — это, как правило, больше двух. К сожалению, сейчас под романами подразумевают повести. Они проходят по номинационным спискам как романы.

Дмитрий Громов: В номинациях очень сложно прочитать все, что выходит. И поэтому нужен чисто формальный критерий, по которому быстро можно все разделить. Как правило: до двух листов — рассказ, от двух до восьми — повесть, свыше восьми — роман. Это формальное деление для номинации, оно имеет право на существование. Но к определению

романа, повести и рассказа, как литературных произведений, это не имеет никакого отношения.

Олег Ладыженский: Поэтому, если у вас в романе несколько сюжетных линий, нужно заранее, до того, как вы начали писать роман... (*смеется*) Чувствуете, как мы вас расстраиваем все время? Сколько нужно сделать до того, как начать писать роман! Обычно наоборот — начинают писать, а потом говорят: «Ну, я потом подумаю, чем он закончится, и как его вообще строить». Равнозначно: «Ну, я поеду в Крым, на каком-нибудь поезде. Есть же сейчас на вокзале какой-нибудь поезд? А по дороге посмотрю, в Крым он идет или в Барнаул».

Дмитрий Громов: И где в Крыму выйти, и как куда добираться, я еще не знаю. Я попаду в Партенит, а может, в Севастополь...

Олег Ладыженский: Поэтому сперва нужно понять, как вы будете решать свои сюжетобразующие линии: от первого или третьего лица, минималистическими средствами или средствами барокко, с кучей завитушек и орнаментов! Давление купола на стены надо рассчитывать до начала постройки. Если вы это решите, вам гораздо легче будет потом писать. Вы тогда переходите от одной сюжетобразующей линии к другой, зная, какими приемами решается каждая. Как музыкант переходит из тональности в тональность, если он заранее изучил партитуру. Иначе вы все время путаетесь — и видны швы. Тут нестыковка, там нестыковка, тут — белыми нитками, тут непонятно, почему первое лицо поменялось на третье, и даже звездочки автор забыл поставить...

Андрей Валентинов: Олег, ты говоришь об очень сложных вещах. Сейчас распространен текст-квест. Который по жанру — непонятно что, но идут отдельные эпизоды: маг победил дракона, маг победил барона, потом барон победил мага... Между собой никаких связей нет, это маленькие микроновеллы — не структуризированные, соединенные кашей. И все это называется «повестью», «романом» и прочим. По сути, мы имеем в лучшем случае сборник новелл, подобный горвардовскому «Конану», но не такого качества.

Олег Ладыженский: Даже не новелл — локаций, как говорят в компьютерных играх.

Андрей Валентинов: И это очень распространено. О каких линиях тут говорить? Просто герой на этой точке того победил, на этой — того...

Дмитрий Громов: Получил артефакт и бонус.

Андрей Валентинов: Три хода вперед свободных и прочее. Понимаете? Это — полная потеря форм, но это приветствуется.

Олег Ладыженский: Помните, мы вчера говорили, что книга — это жизненный опыт автора, преломленный через его личность и выраженный в художественных образах. Какой у такого автора жизненный опыт? Компьютерные игры, в которые он играл. И Голливуд третьего сорта, который он смотрел.

Дмитрий Громов: В лучшем случае, еще пара книжек, которые он прочитал.

Олег Ладыженский: Этот опыт, преломленный через призму «личности», на выходе дает такой вот текст. Полуигра, полуфильм.

Андрей Валентинов: И опять-таки, снова подбирается схема, которой авторы должны соответствовать. Поскольку форма бесформенного квеста становится чуть ли не обязательной для определенного вида произведений. Отдельные эпизоды, а между ними — каша. Я в какую сторону клоню? Сейчас штампуется целое направление. Я могу сказать про свое любимое альтернативно-историческое с попаданцами, что там существуют обязательнейшие штампы. Если герой и автор не придерживаются этих штампов, все поклонники скажут, что это — гадость и отстой. Там — обязательное дарение, желательно — Сталину, гранатомета. Я не шучу! Гранатомет обязателен! Даже если роман о 1905 году — тоже гранатомет! Образуются штампы структур, которые становятся обязательными во многих направлениях фантастики. Образуется новый формат. И не сверху, а снизу! Читатель приучается к новому формату, издатель пожимает плечами: если это едят, будем кормить этим. В результате, не по воле издателя, а по негласному соглашению аффтара (два «Ф») и множества читателей, значительная часть фантастики переходит в форматную стадию, выводящую из литературы напрочь. Вот серьезная опасность. Не надо ругать только «дамскую» или «юмористическую» фантастику — это есть в «боевой» фантастике, в альтернативно-исторической... Боюсь, оно будет расплзаться, как раковая опухоль.

Вопрос из зала: Вопрос по роману в новеллах. Где там действие сквозное? Где общая завязка, кульминация, развязка?

Олег Ладыженский: Если мы рассматриваем роман в новеллах, то книгу делает романом наличие сквозного действия и общей идеи. Есть общий тематический материал, но это не обязательно. Главное — это идея, общая для *всего* произведения...

Дмитрий Громов: В каждой отдельной новелле могут быть и другие идеи.

Олег Ладыженский: ...и наличие сквозного действия, связывающего все это вместе. Приведите какой-нибудь пример, мы его разберем.

Голос из зала: Давайте «Песни Петра Сьядека».

Дмитрий Громов: Хорошо. Итак, роман из двенадцати новелл.

Олег Ладыженский: Каждую новеллу можно читать отдельно. Это — законченная история с законченной темой, идеей, сюжетом, архитектурой. Но! В каждой истории присутствует абсолютно второстепенный персонаж — лютнист Петер Сьядек, который шляется по дорогам Европы и выслушивает истории разных людей. Одиннадцать историй. Петер является для сквозного действия главным героем. Почему? Его талант слушать людей — одна из базовых идей сквозного действия (умение слушать — талант). Далее — читая книгу, мы постепенно выясняем, что, несмотря на реалистичность каждой из историй (она происходит в Европе, в конкретное время, в конкретном месте), сам Петер не замечает, что он ходит из времени во время. Что, перебираясь из Албании в Польшу, случайно промахивается лет на семьдесят.

Дмитрий Громов: А где-то и на двести.

Олег Ладыженский: Петер — не историк, он не понимает этого. Для него мир похож: здесь — более дикая страна, здесь — цивилизованней, а тут —

хутор какой-то, и этот хутор триста лет не меняется. Здесь кроется второй элемент сквозного действия. Мы выясняем, что искусство бессмертно, вне времени. Петер — музыкант, поэт. Возникает сквозное действие на базе персонажа, который для всех новелл является второстепенным, а для романа — главным. С помощью этого приема мы пытаемся выразить некоторые идеи: искусство — бессмертно, слушать — талант и т. д. Последняя новелла посвящена самому Петеру, и она завершает именно это сквозное действие. Петер встречается со Смертью, и Смерть, игрок в сером, предлагает ему сыграть в игру — в особом городе, где нет людей; обменять его лютию на другую, более красивую. А главное, Смерть ему говорит: «Что ж ты творишь?! Я за тобой гоняюсь по всей Европе! Я пришел, а ты в этом месте был двести лет тому назад. Я — сюда, а ты тут был семьдесят лет тому вперед. Ты же мне поломал всю историю человечества! Какой университетский профессор по имени Влад Цепеш?! Ты же мне всю историю перепутал, этого же не было в Кёльне, того, что ты рассказывал!»

Дмитрий Громов: А этого города вообще в природе нет!

Олег Ладыженский: Кстати, этот город — из романа Дяченко «Шрам». Конфликт Смерти, как силы статической, постоянной, не движущейся, с искусством, которому наплевать на время и пространство. Это сквозное действие и превращает двенадцать повестей в роман.

Андрей Валентинов: Хочу заметить, что возможно и не столь прямое сквозное действие. Мне кажется, что «Пентакль» с его небольшими новеллами все-таки образует некий роман в новеллах, хотя там нет четко обрисованного сквозного действия. Но там есть единое место, единое время, общие образы, которые часто появляются. Единая тематика.

Олег Ладыженский: Там есть сквозное действие.

Андрей Валентинов: По большому счету — да.

Олег Ладыженский: У нас даже есть мысль написать тринадцатую новеллу про Петера — «Пан Лютый». Но эта новелла войдет в середину романа, потому что сквозное действие не позволяет продолжить по прямой. Первая и последняя новеллы «Песен...» неподвижны.

Дмитрий Громов: Зато внутри имеются пазы, в которые можно кое-что вставить.

Вопрос из зала (Директор): А «Хроники вторжения» Верова можно считать романом?

Андрей Валентинов: Линий сколько?

Директор: Три новеллы...

Олег Ладыженский: Сам подумай: есть ли там сквозное действие, жестко объединяющее все эти новеллы в единое целое и имеющее свою кульминацию?

Директор: Нет.

Андрей Валентинов: Тогда это просто три новеллы.

Олег Ладыженский: Грубо говоря: можно ли считать это шашлыком, жарящимся над углями? Шампур есть? Можно! Решетка? — уже другое блюдо.

Вопрос из зала: Насколько оправдана инверсия?

Олег Ладыженский: Нет приемов оправданных и неоправданных. Это зависит от художественной задачи.

Андрей Валентинов (*улыбается*): Чтобы шокировать читателя?

Дмитрий Громов: Инверсия ради инверсии, наверное, не слишком интересна. Инверсия для какой-то цели — вполне.

Олег Ладыженский: Мушкетеры — подлецы, миледи — хорошая. Инверсия чистой воды. Допустим, у нее есть феминистическая художественная задача: показать, что все мужчины подлецы, а женщины — замечательные.

Андрей Валентинов: Бушков дальше пошел, он написал «Гвардеец кардинала», где взял ту же историю, но потекшую другим руслом, когда Д'Артаньян пошел в гвардейцы. Что могло из этого получиться? Попытка смелая, интересная, типичная инверсия, но в целом не слишком удачная по ряду литературных причин. На первом плане там выступают персонажи, которые были у Дюма трестепенными. Мушкетеров там трое...

Голос из зала: Мушкетеры подловатые, естественно.

Голос из зала: Еськов — «Последний кольценосец».

Дмитрий Громов: «Черная книга Арды» — инверсия.

Олег Ладыженский: У автора была задача, он для решения ее использовал прием. Если просто сидишь и чешешь в затылке: ага, инверсия, кого бы перевернуть; вот — граф Дракула хороший... Само по себе это не дает ни сюжета, ни идеи, ни мысли.

Директор: У того же Еськова была внятная идея показать, что есть победитель, который представляет побежденных в самых черных красках. Но если посмотреть с другой точки зрения...

Андрей Валентинов: И там была задача показать рациональную сторону толкиеновского конфликта. Что во всем виновата экономика, деньги, природные условия...

Дмитрий Громов: Прогресс и его отсутствие.

Андрей Валентинов: ...а вовсе не категории: доблесть, смелость, честь, верность. Люди слабы, подловаты. В основе всего — материальные факторы. Спрашивайте дальше!

Голос из зала: Когда мы собираемся в кучу, мы забываем, что хотели спросить!

Голос из зала: А вы записывайте!

Вопрос из зала: Можно вопрос, имеющий, наверное, мало отношения к стилистике и построению сюжета? Есть такая точка зрения, что, когда автор пишет книгу от первого лица, события в этой книге начинают влиять на него. Классический пример — «Москва — Петушки» и последовавшая за этим смерть Ерофеева. Ну, все помнят. Поэма закончилась тем, что горло пробило. Ерофеев умер от рака горла.

Олег Ладыженский: Когда Ерофеев писал эту книгу, он уже знал, чем болел. Это не книга влияла, это — жизнь в книге пробила.

Андрей Валентинов: Недаром последняя фраза внезапно переходит на третье лицо с первого.

Олег Ладыженский: По-моему, это подтасовка.

Голос из зала: Но эта подтасовка очень часто применяется! Этот пример приводится, и есть масса защитников такой точки зрения: если ты пишешь от первого лица, ты сам себе пророчествуешь и сам себя этим убьешь. Влияет ли персонаж на автора?

Голос из зала: Если десять романов, и в каждом герой умер — что, десять смертей автору?

Олег Ладыженский: А актерам как тяжело! Гамлет ежевечерне умирает! И все Гамлеты должны были давно умереть. Мне говорят: «Вот, Шукшин!» Да, но он один, а на сцене легионы. Тут другое интересно. В каждом персонаже вашей книги, хоть четверостепенном, есть частица автора. Если нет — они не оживают. Вообще. Ни один. Конечно, нельзя сливать персонажа с приятеля полностью, все равно будет привнесено очень многое. Ни сам приятель не узнает себя, ни друзья. Разве что вы фамилию в сноске напишете. Но в каждом персонаже должна быть часть вас, тогда они живые. Чем богаче личность писателя, тем на большее его хватает. Потому что он даже самому главному подлецу и самому главному ангелу все равно найдет чуть-чуть красочек.

Андрей Валентинов: В этом смысле писатель, подобно Господу, творит свой мир из самого себя. И чем богаче творец, тем богаче творение. То, что персонаж будет влиять на автора — это только если у автора крайне слабая психика. Такое бывает один раз на десять тысяч писателей.

Олег Ладыженский: Когда Пушкин кричит: «Ай, Татьяна, что придумала — вышла замуж!» — это кокетство. Пушкин чудесно знал, что она выйдет замуж. Но мы — авторы, мы все — кокетки. Это естественно.

Андрей Валентинов: Могло быть другое: у него предусматривался такой финал — и сякой.

Дмитрий Громов: Так будет сильнее — и Пушкин сделал так.

Андрей Валентинов: Может, ему хотелось иначе, но он понимал, что логика повествования и логика персонажей требует такого результата.

Дмитрий Громов: Эмоциональное воздействие...

Голос из зала: Очень часто, собственно говоря, хочется сделать иначе, чтобы выделиться из таких же текстов. Но написанный текст сдерживает и не дает!

Андрей Валентинов: Поэтому есть такое понятие — бог из машины. Применяется неопытными писателями, когда логика идет к одному финалу, характер персонажей его диктует, и вдруг появляется искусственный фактор... Даже когда зло упорно побеждало, появлялся бог и расставлял все на место. Некоторые пользуются этим приемом, но результат...

Олег Ладыженский: Мы на своем семинаре говорили, что когда вы начинаете книгу, у вас бездна возможностей. Но с первым же словом количество свободы сужается, постепенно ее становится меньше и меньше, пока она не сходится в точку. Свободы нет. Роман закончен. Как меч заостряется к концу. Если автор пишет книгу по-другому, ничего хорошего не получится.

Андрей Валентинов: Вспоминаю классику украинской литературы. Есть замечательный писатель Михайло (неразборчиво). В одном его романе,

написанном после войны, ситуация довольно жуткая: фронтовик, его снимают с председателя колхоза, на него заводят дело, на него смотрят как на прокаженного, близкие отрекаются... Случайно он встречается машину с секретарем партии, который едет по хозяйственным делам. Тот начинает круто наводить порядок. В принципе, роман не проигрывает от этого, потому что и так понимаешь: если бы не эта встреча — кранты полные. Но такой бог из машины автору понадобился, чтобы роман издали. Роман хуже не стал. Хотя притянута ходя самим автором показана. Если полностью перефразировать известную фразу из пьесы — «Нас безделица сгубила и безделица спасла». Спас случай. Если в и без того мрачном романе не хочется губить героя. И читатель поймет.

Олег Ладыженский: Надо понять, что сужение возможностей, ограничение вариантов, когда вы работаете над книгой — это вам в плюс, это замечательно, и это очень полезно и для вас, и для книги. Чем меньше у вас возможностей, тем вы изощреннее и талантливее.

Дмитрий Громов: Когда дан минимум изобразительных возможностей и средств, и надо крутиться с тем, что есть, приходится проявлять все свое мастерство, чтобы вытянуть и эмоциональный ряд, и сквозное действие, и все остальное. Это — высший пилотаж: не порушив логику сюжета, не введя дополнительных сущностей, красиво все довести до финала, чтобы он логически вытекал из произведения, а не был притянут за уши.

Олег Ладыженский: Есть такой писатель, Джон Пристли. У него есть пьеса (да и фильм был снят с Соломиным в главной роли): «Скандалное происшествие с мистером Кэттлом и миссис Мун». Когда клерк банка вдруг решает не пойти на работу, а играть дома на барабанах «Половецкие пляски». И ломает весь уклад жизни чопорного английского городка. Что любил делать Пристли? В «Зеленой перчатке» все действие происходит в театре, в одной комнате. С некоторыми ретроспективами. Засыпает пожилой драматург и ему снится актриса, которая сто лет назад тут играла, ее жизнь. В пьесе «Скандалное происшествие...» действие вообще не выходит за пределы квартиры клерка. Пристли сознательно ограничил себя по изобразительным театральным возможностям — и мало где я встречал лучшие диалоги. Диалоги потрясающие! Ограничив видеоряд, автор привлекал интерес оставшимися средствами.

Андрей Валентинов: Не больше трех площадок.

Занятие шестое

Вопрос из зала: Я попробую вспомнить первый день семинара. Вы тогда сказали, что, в сущности, фантастика во многом превратилась в псевдолитературу...

Олег Ладыженский: В развлекательную индустрию.

Дмитрий Громов: Из фантастики, с одной стороны, выделился широкий рукав развлекательной индустрии. К счастью, в ней остался узкий поток литературы. Чтобы фантастика вся выродилась, такого нет.

Вопрос из зала: А фантастика как литература? Почему она по-вашему превратилась в не-литературу?

Андрей Валентинов: Сейчас появился огромный соблазн и для молодых авторов, и для немолодых: легко получить тиражи и читателей, новеллизировав, к примеру, игру «Сталкер». И будет тебе все! Сейчас «паралитература» — я ее так называю, — став полноводной рекой, уносит очень многих.

Олег Ладыженский: Если я правильно понял, вопрос звучит по-другому: почему? Давайте попробуем исследовать. Начнем с эпохи «великого бума» девяносто пятого — девяносто шестого годов, когда стали активно издавать нашу фантастику. Сейчас говорят: «Ага, вы-то сделали литературную карьеру, у вас — понты, пальцы веером, а у нас — формат...» Братцы, но до девяносто шестого года был другой формат — издавалась только западная литература в больших количествах. У каждого свой формат. Думаете, вам хуже, чем остальным? Ничего подобного. Мы бились в стенку, когда издавали Гаррисона, Саймака и Азимова, а нас не издавали.

Андрей Валентинов: Не только Саймака. Издавали третьестепенных западных авторов...

Дмитрий Громов: И даже совершенно «левых»!

Андрей Валентинов: Поэтому феномен Хаецкой, которая стала Мэделайн Симонс, и Олди в какой-то мере говорит о ситуации.

Олег Ладыженский: Потом начался бум. Это был очень интересный период с девяносто шестого примерно по двухтысячный. Под бум брали все; позже это прекратилось. И обратите внимание, именно тогда в фантастику хлынул поток настоящей, мощной литературы. Нравится или не нравится — это отдельная категория. Но, кроме (*смется*) присутствующих здесь живых классиков, примерно тогда или чуть-чуть раньше всерьез дебютировали Лукьяненко и Перумов, Трускиновская и Рыбаков, Лазарчук и Успенский, Дивов и Вершинин... Даже не буду всех перечислять. Появились Авраменко и Бессонов, которые старались литературно насытить свои боевики. Хаецкая появилась...

Дмитрий Громов: До сих пор не очень известный, но, на наш взгляд, очень хороший автор Сергей Герасимов...

Олег Ладыженский: И за эти годы, с девяносто шестого по двухтысячный включительно, мы (я совершенно не стесняюсь говорить «мы»), «поколение великого бума», добились того, что жуткие обложки фантастики стали чуть менее жуткими. Мы не идеалисты, мы не добились максимума возможного. Но читателем фантастики стал, уж поверьте, не самый плохой читатель. О фантастике стали писать литературоведы. На материале фантастики стали защищать кандидатские и докторские диссертации...

Дмитрий Громов: Про курсовые и дипломы мы просто молчим!

Андрей Валентинов: Даже вышла энциклопедия фантастики.

Олег Ладыженский: Пришло не просто новое поколение — пришла мощная волна, создавшая литературную фантастику заново после «западного» многолетнего обвала...

Дмитрий Громов: И отвоевавшая пространство у западной фантастики, потому что даже в начале этого бума у западной был колоссальный перевес. 80% западной и 20% нашей. А к двухтысячному стало поровну.

Олег Ладыженский: Но дальше... То ли идеи закончились, то ли жизнь тяжела, и деньги понадобились, но дефолт девяносто восьмого сильно ударил по карману. Масса прекрасных писателей тогда или чуть раньше начала работать «на рынок». Они стали писать бесконечного «Конана», «Икс-файлы» и «Блейда»; они взялись за новеллизации и беллетризации...

Дмитрий Громов: А некоторые просто стали меньше писать или совсем перестали. Занялись нелитературными делами...

Олег Ладыженский: Они внедрили сериал, как основную литературную форму. Посмотрите на этот период — увидите.

Дмитрий Громов: До этого периода были романы с продолжением, были циклы. Сериалы были в меньшинстве.

Андрей Валентинов: И на них смотрели, как на некрасивый выхлоп, который всерьез не воспринимается.

Олег Ладыженский: Те, кто создали фантастике литературную славу, в большинстве занялись кто чем. Следующие фантасты, которые пришли за ними (за нами!), попали в сложную ситуацию. Человек, впервые приезжающий на конвент, первым делом видит пьяную толпу и думает: «Вот это — фантастика!». Они увидели это и сказали: «Все классно, ребята. Сериал, новеллизация, беллетризация; роман, куда вкрапляются компьютерные персонажи или реалии из игры — это отлично. За это платят неплохие деньги»...

Дмитрий Громов: Более того, это престижно. Отторжения на тот момент не возникло.

Олег Ладыженский: Поэтому с двухтысячного по 2006 мы видим новую, большую, по числу авторов, волну. Издательский бизнес, оправившись от потрясения, набрал обороты. И новая волна взяла от мэтров — давайте назовем их так для простоты — только внешние признаки. Пришли сериальщики — имя им легион. Да, к сожалению, так писать их научили мы. Споря или соглашаясь, но они выросли на мэтрах — а мэтры все-таки выросли даже не на Ефремове и Стругацких, но на Чехове, Бунине, Куприне, Марке Твене... И вот один уже пишет под Перумова, другой пишет под Лукьяненко.

Диссертации перестали защищаться. Их вытеснили заказные хвалебные рецензии в журналах. Читатель — умный, хороший читатель — заерзал. И начал частично сваливать в другие направления литературы. Потом нахлынула очередная волна — они пришли, воспитанные на «стирателях», они четко знали, что должен делать писатель. Очень, знаете ли, прагматичная волна. Они точно знали, как надо писать, чтобы издаваться, как надо писать, чтобы читатель потреблял, что надо делать, чтобы получать приличные гонорары. В тот период на всех семинарах нам задавали одни и те же вопросы: «Сколько вы зарабатываете? Сколько платят за книгу?» Я рад, что здесь никто не задавал этих вопросов.

Владимирский (смеется): Вопрос: «Знакомы ли вы с Сергеем Лукьяненко?»

Олег Ладыженский: Что популярнее? Что востребовано читателем и издателем? Что надо писать, чтобы быстро издаться...

Дмитрий Громов: Как лучше написать фанфик к известной вещи?

Директор: Хочу добавить. Заходишь на конвент в такую компанию и

слышишь, как правило, разговоры: у кого круче мобильник, кто ездил отдохнуть в Чехию... О фантастике разговоров нет.

Олег Ладыженский: Сейчас умный и тонко чувствующий читатель в большинстве из фантастики свалил. А зачем? Он ушел читать Улицкую и Рубину, Пелевина и Крусанова. Эти авторы ведь тоже пишут фантастику! А к нам пришел другой читатель. Речь не о том, хуже или лучше. Просто другой. Пришел потребитель, ориентированный на современный продукт развлекательной индустрии. Продукт идет валом, потребитель доволен. Все замечательно. Из фантастики началось повальное бегство. Мария Галина старается издаться в серии, где нет ни слова про фантастику, Олег Дивов старается слово «фантастика» не вспоминать. Олди начинают думать, а не закрутить ли им книжную серию, не ассоциируемую визуально с фантастикой. Валентинов делает то же самое. Извините, конечно, но стало не слишком приятно ассоциировать себя с фантастикой.

Андрей Валентинов: Фантастика стала клеймом.

Олег Ладыженский: *Опять* стала клеймом. Почему? Потому что развлекательная индустрия ориентирована на конкретный слой потребителя.

Дмитрий Громов: Идет человек в книжный магазин, где есть большой выбор книг. Допустим, он нейтрально относится к фантастике. Толком ее не читал, давно читал Стругацких, решил вспомнить молодость. Он подходит к полкам, где стоит фантастика. Видит немереное количество книжек в ядовито-ярких обложках. Каков шанс, что он, не разбираясь в ситуации, вытащит, к примеру, Дивова или Дяченко? А не вытащит случайную книгу из кубометров «юмористической фантастики», «попаданцев в прошлое», супердесантников, которые громят кочевников в двенадцатом с половиной веке. Велик ли шанс случайно попасть на приличную книгу? Два процента, пять — в лучшем случае. Соответственно, с большой долей вероятности ему в руки попадает не литература, а коммерческий развлекательный продукт. Читатель берет это, листает, плюется, засовывает на место и быстро уходит из этого отдела, чтоб не подумали, что он такое читает. Либо, если он окажется более въедливым, покупает эту книжку, читает, точно так же плюется — и далее по списку.

Если он совсем въедливый, он купит на пробу еще пару книг. С большой долей вероятности нарвется на ерунду и справедливо решит, что вся фантастика — полная фигня.

Андрей Валентинов: Я тоже об этом неоднократно говорил и писал. Приведу пример этого прихода новых волн. Есть хорошие авторы, и люди они умные, но ум не идет на пользу ни литературе, ни им. Скажем, писатель N, с которым у меня прекрасные личные отношения. Он умен. Он умеет писать неплохо. Но излагает свою позицию: «Я пишу космобоевик про космическое мочилово. Сериал. Напишу, издам четыре-пять книг — и мне разрешает издательство написать одну книгу для души». Понимаете? Снова четыре-пять романов мочилова — и один для души.

«Стирателям» было, что наследовать. Самые большие эстеты, которые провозглашали чистое искусство и ставили себя на пьедестал над морем

говна, занимались тем, что одну книжечку в десять лет для души напишут, а большая часть — «Икс-файлы» да новеллизации фильмов. Некоторые известные журналисты из города Санкт-Петербурга пишут: наш город славный, первый город по фантастике, у нас родился русский Конан! Сколько сил и времени ушло на этих длинномерных «Конанов»! А книг Рыбакова, Столярова, Лазарчука выходило мало. Вот куда энергия уходила! Стиратели полностью это заимствовали, и были правы. Если мэтрам позволено — им тоже позволено. Я бы здесь обобщил чуть-чуть. Мы же все это рассказываем не для того, чтобы поделиться сплетнями, и вы порадовались моменту. Хотя в Интернете так и воспринимают: сидят Олди с Валентиновым и завидуют чужим тиражам. (*Смеется*) У них-то тиражи маленькие!

Дмитрий Громов (*смеется*): И денег мало!

Олег Ладыженский (*улыбается*): Хотите — верьте, хотите — нет, но наши годовые тиражи вполне нас устраивают. Да, хочется больше. Это естественно. Но завидовать чужим тиражам...

Андрей Валентинов: Среди фантастов не принято завидовать чужим тиражам.

Вопрос из зала (Владимирский): Сколько там набралось-то тиражей?

Олег Ладыженский: У нас? Суммарный тираж авторских книг — полтора миллиона.

Владимирский: Ну вот.

Олег Ладыженский: Когда в Интернете кричат о зависти, мне даже объясняться нелепо. Ведь мало кто способен прикинуть реальный годовой тираж. Нам просто хочется, чтобы вы поняли: на одном полюсе фантастики стоит «эстетская» литература «для немногих». Эстетствующая позиция — обычно это позиция рефлексирующего неудачника. Приятно чувствовать себя на вершине Гималаев! Есть и второй полюс — динамичное фуфло. Оно активное, агрессивное, гордое собой. Все время меряется тиражами. Как увидите в Интернете — кто-то меряется тиражами, сразу понимаете, кто это. Стану ли я с Шером ростом меряться? Он выше, значит — лучше...

Дмитрий Громов: А может, ты шире, и значит, лучше!

Олег Ладыженский: Правда — посередине. Не стыдно писать динамично, интересно, увлекательно. Это очень хорошо!

Андрей Валентинов: И получать гонорары не стыдно!

Олег Ладыженский: Тиражи — это чудесно!

Дмитрий Громов: Читатели — это собеседники. Кроме того, что это — гонорары, это еще и люди, которым интересно твое творчество.

Олег Ладыженский: Но и эстет кое в чем прав. Его козырь — эстетический текст. Эстет — это ум, опыт, хорошее литературное чутье. Это разговор с читателем без дураков. Это — уважение своего читателя.

Дмитрий Громов: Эрудиция, как правило.

Олег Ладыженский: Иначе... Знаете, отчего спиваются творческие люди? Он-то думал, что он — гуру, но раз продался, два, три, а потом смотрит — он не гуру, а вожак стаи обезьян. Бандерлоги за ним бегут и кричат: «Давай

еще! Мы хотим бананов! Срочно!» И он дает, потому что — жена, дети, внуки, ремонт...

Дмитрий Громов: С какого-то момента чувствуешь себя не вожаком, а шутком.

Олег Ладыженский: И он начинает глушить это дело водкой, потому что обидно — из гуру в вожаки обезьян.

Андрей Валентинов: Эстет в хорошем смысле не захочет писать упомянутое фуфло. Просто не захочет!

Олег Ладыженский: Поэтому эстет — ограничивающий фактор. Очень неплохой фактор.

Андрей Валентинов (смеется): Просто слово плохое!

Владимирский: Я хотел уточнить. Дело в том, что на западном материале, допустим, pulp-fiction двадцатых-сороковых годов, выросла куча авторов самостоятельных. Тот же самый Рей Брэдбери начинал с того, что в детстве в библиотеке ручкой в тетрадке дописывал недостающие главы Эдгара Райса Берроуза. Он до сих пор большой поклонник Берроуза. Ужасики дали огромное количество вполне зрелых и самостоятельных писателей. Индустрия суперменов — это вошло в культурный круг американцев. Джорж Мартин, например — у него есть целый цикл про суперменов...

Андрей Валентинов: Василий, перенеси разговор на наш материал.

Владимирский: Если, допустим, вернуться к советской научной фантастике пятидесятых, если вернуться к «Красному Пинкертону», где и Эренбург, и кто там только не трудился... Наверное, глубже надо смотреть...

Олег Ладыженский: Я бы с удовольствием смотрел глубже. И признал бы, что ошибся. Но этому «валу» уже десять лет, а оно все никак не вырастет...

Владимирский: Может быть, лет через тридцать...

Андрей Валентинов: Соберемся через тридцать лет!

Олег Ладыженский: И проверим, выросла на этом перегное куча роз или нет.

Директор: Не кажется ли вам, что фантастике угрожает опасность еще и с другой стороны. Именно благодаря тому, что сейчас многие авторы, которые писали хорошую фантастику, из нее бегут, выдвигается лозунг Руха: «Чем меньше в фантастике собственно фантастики, тем лучше. Главное — литература».

Олег Ладыженский: При чем тут Рух? Это — слова Бориса Стругацкого.

Директор: Да, правда. Это пошло от Бориса Натановича Стругацкого. Любое произведение, в котором есть хоть какой-то фантастический элемент — фантастика. И появляется все больше авторов, в том числе из мейнстрима, которые на самом деле пишут не фантастику. Это тоже опасно.

Голос из зала: Мне кажется, вы с Аркадием друг друга не совсем правильно понимаете. Ты его процитировал, немного извратив смысл...

Андрей Валентинов (смеется): Аркадия понять невозможно.

Олег Ладыженский: Быть в фантастике, как это было и раньше — стыдно. И писатель хочет оправдать свое «бытие в фантастике». Он декларирует: «Но тем не менее, фантастики во мне очень мало!» У меня есть стыдная

болезнь, но она помогает продаваться. Но ее немножко, на пяточке, я уже почти вылечился. Если мы возьмем книги Быкова, Мамлеева, Проханова, Татьяны Толстой, то многие из них — чистейшей воды фантастика. Постапокалиптические миры, иные миры...

Дмитрий Громов: «Почерк Леонардо» Рубиной: книга про ангела.

Олег Ладыженский: Это все — чистой воды фантастика, но фантастикой не считается, потому что они твердо знают: быть в фантастике — стыдно. С другой стороны, писатели-фантасты, которые близки по манере, подходу, таланту — им это дело тоже грузит мозги. Нам, например, никогда не было стыдно быть в фантастике. Но нам стыдно быть в определенной компании. Понимаете разницу?

Дмитрий Громов: Про эту компанию мы уже говорили — про мимикрантов. Работнички с конструктором «Лего». Ведь это сейчас считается лицом фантастики.

Олег Ладыженский: Очень хочется, чтобы нас правильно поняли. Я смотрю, в последнее время что ни скажешь — неправильно понимают. Мы — профессионалы, поэтому я с честным уважением отношусь к коллеге, который пишет шабашку, потому что ему нужны деньги. Это нормально. Чем я только не подрабатывал, работая в театре! Актеры участвуют в «елках», режиссеры ставят «Проводы Зимы». В этом нет ничего плохого. Поэтому к позиции «Мне надо подзаработать, у меня ремонтник, значит, я «Сталкера» напишу» — с уважением отношусь, без презрительных усмешек. Где мое уважение пропадает — когда коллега мне говорит: «Ты видел, брат, КАК я написал «Сталкера»! Какая классная книга! Сюжет, герои, стиль...» Как только он говорит мне или широкой публике, что новогодняя елка, где он работал Дедом Морозом, истинный спектакль, достойный стоять рядом с «Гамлетом»... Врешь, брат, и не мне, а себе. Я просто являюсь инструментом твоего самоуспокоения.

Андрей Валентинов: Рискну заметить, что позиция Бориса Натановича Стругацкого объяснена исторически и психологически. Но Стругацкие — сплошная фантастика в прямом смысле слова. Извините за такое сравнение, но у меня не-фантастических вещей больше, чем у Стругацких.

Дмитрий Громов: Более того, сольные произведения Бориса Натановича — все равно фантастика.

Андрей Валентинов: Так что они писали чистейшую фантастику. Более того! Первая треть произведений — звездолеты, станции, все летят. Полностью в духе советской фантастики. Там не было ничего от философской прозы.

Олег Ладыженский: В любом случае, Борис Натанович заслужил право говорить все, что хочет.

Андрей Валентинов: Согласен. Но Стругацкие — самые настоящие фантасты! Пишем советскую фантастику: нравоучительную, приключенческую, яркую, с победой идей коммунизма. Они — советские фантасты в десятки раз больше, чем, скажем, Вадим Шефнер.

Олег Ладыженский: Мы как-то провели исследование, с какого момента слово «фантаст» стало ругательным. Фантастика вышла из романтизма,

одним из первых термин «фантастика» употребляет Шарль Нодье. Девятнадцатый век — слово не имело негативного оттенка. В первой трети 19-го века выходит эссе Вальтера Скотта «О методах отображения сверхъестественного в литературе», где он рассматривает целый ряд методов: литературная сказка, мистика... В том числе — фантастический метод. Правда, сэр Вальтер говорит, что этот метод придумали немцы с их необузданной фантазией. Такой, мол, буйный метод мы, англичане, не очень приветствуем.

Дмитрий Громов: И в качестве фантаста Скотт называет Гофмана.

Олег Ладыженский: Да, дальше весь метод разбирается на творчестве Гофмана. Гофман для Скотта был фантастом. Чистой воды.

Дмитрий Громов: Современный Бальзаку критик Шале пишет о «Шагреневой коже», что это — замечательная фантастика нового времени, подразумеваемая, что есть еще фантастика старого времени.

Олег Ладыженский: Гоголь пишет про Сенковского — какой же он фантаст, если так плохо пишет? Настоящие фантасты пишут хорошо.

Дмитрий Громов (*улыбаясь*): Подразумевается: «Как я, Гоголь».

Олег Ладыженский: Достоевский полагал одним из лучших фантастических произведений «Пиковую даму» Пушкина. Неуважение? Что вы, пиетет перед фантастикой! Толстой и Тургенев обожали Жюль Верна. Они его полагали лучшим писателем, чем Шекспир. Тургенев захлебывался Жюлем Верном. Все нормально, все в шоколаде. Потом начинается Великая Октябрьская Социалистическая Революция. В начале тридцатых годов собирается первый съезд Союза писателей, на котором принимается постановление, что фантастика есть литература для детей и юношества...

Дмитрий Громов: Пропагандирующая достижения передовой советской науки и призывающая молодежь к вступлению во ВТУЗы — высшие технические учебные заведения. Вот что такое — фантастика.

Андрей Валентинов: И одновременно был основан журнал «Техника — молодежи».

Олег Ладыженский: Из фантастики все приличные писатели сразу побежали, как тараканы. Кому охота призывать к вступлению во ВТУЗы? Никому! Партия четко объяснила: вот задачи фантастики, все остальное — не фантастика, и можно поехать на Колыму. Почитайте биографию Беляева, как его наклоняли ко всем этим звездам КЭЦ. С этой минуты в среде приличных людей слово «фантастика» становится ругательным.

Дмитрий Громов: Упрощенная «литературка» с нелитературными задачами.

Олег Ладыженский: Примитив, который пишут халтурщики под задачи съезда.

Андрей Валентинов: Плохой научпоп.

Олег Ладыженский: С этого момента такая позиция закрепилась — и так продолжается до сих пор. Спросите у взрослого человека, читает ли он фантастику (если он, конечно, не из нашего круга). Вам ответят: «Ну, в детстве читал, потом перестал». У него железно сидит понимание: «в детстве». В детстве ты, дружок, сказки читал. А потом...

А. Бор: Врет, на самом деле — читает!

Олег Ладыженский: Он не врёт, он, как правило, вообще ничего не читает. Ни фантастики, ни современной прозы, ни стихов, ни дамского романа.

Андрей Валентинов: Плюс все это подпиралось необходимостью отражения классовый борьбы, выполнением конкретных указаний: в этой пятилетке актуально охотиться за английскими шпионами... После войны, когда надо было восстанавливать промышленность, появилась «фантастика ближнего прицела»: «Тополь быстрорастущий». То есть, следует прогибаться не только под генеральную линию партии... Фантастика превратилась в служанку пропаганды в худшем смысле этого слова. Ну какой нормальный писатель согласится выю так гнуть? Внешне самые крупные деятели типа Казанцева, которые были взысканы и взласканы властью, которые честно зывали и писали хорошо, приходили к тому, что их даже холопами полноценными не считали. Помните, как началась «Аэлита»? Юбилей Казанцева, человек честно служил власти, честно сокрушал на своих страницах империалистов и шпионов, изобретал галактические мосты, приводил в правительство США коммунистов — все было нормально. И надо бы его наградить! Писателей награждали орденами, это была обычная практика. Ему полагался орден. Будь он писателем сибирских просторов, будь он писателем производственным или даже писателем женского романа...

Олег Ладыженский: Публикуйся он в серии «Библиотек пролетарского романа»...

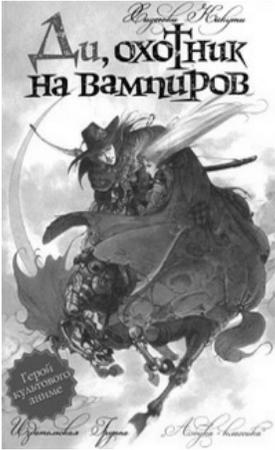
Андрей Валентинов: Ему бы орден дали. Но в последний момент заскрипело наверху: «Фантасту — орден?» Не по чину! Понимаем, хороший человек, член партии... И намек: а давайте его как-нибудь иначе наградим. Специально под него учредим премию, вручим ему первую. Только разрешите под это дело собрать любителей фантастики, чтобы поклониться Казанцеву. Так родилась первая «Аэлита», и дали Казанцеву, а также Стругацким.

Дмитрий Громов: Это был сюрприз. Организаторы, большие молодцы, под это дело тихой сапой протолкнули премию Стругацким и организовали первый настоящий конвент.

Андрей Валентинов: Это были подвижники! Но для кремлевских товарищей, для коридоров власти, которая писателей не обижала, Казанцев, большой фантаст и хороший писатель, не был достоин ордена. Слишком холоп! Кто после этого захочет в фантастику?

ДЕНИС ЧЕКАЛОВ

ЯПОНСКИЙ ДАМПИР НА РУССКИХ ПРОСТОРАХ

Хидеюки Кикучи. Ди, охотник на вампиров. —
Азбука-классика, 2009. — 320 с.

Мир Ди

Трудно сказать, что провоцирует такой пристальный интерес к тематике вампиров сегодня, но факты налицо — «Сумерки» Стефани Майер, «Анита Блейк» Л. Гамильтон, «Рыцарь ночи» Я. Лазаревой, «Дампир» Хенди, антологии «Монстры», «Вампиры», «Нечисть», «Зомби» и пр. Может быть, именно благодаря этой волне популярности мы обязаны появлению первого русскоязычного перевода Хидеюки Кикучи — известного японского автора ужасов, — романа об охотнике на вампиров Ди.

Ди известен в России благодаря двум анимационным фильмам «Vampire Hunter D» («Ди, охотник на вампиров») 1985 года и «Vampire Hunter D: Bloodlust» («Ди, охотник на вампиров: жажда крови») 2001 года и популярен, главным образом, благодаря второй картине. «Жажда крови» — это настоящий шедевр постапокалиптики, полный будоражащих воображение образов.

...Изъеденные разрушениями, иззубренные тысячелетиями башни замка на фоне огромной, даже по здешним меркам, луны. Тысячи крестов возвышаются над тихой землей: кресты над могилами, кресты на колокольнях, шпильях и башенках, кресты вместо антенн на крышах домов, даже фонарные столбы похожи на кресты... целый город напоминает кладбище, живые — под сенью смерти.

...Черная карета, запряженная четверкой вороных коней-киборгов самой последней модели, — великолепный продукт науки и техники, — загоняя холодными неоновыми огнями тени в переулки, разрывая пелену ползущего меж домов тумана, мчится по безжизненным улицам спящего городишки. При ее приближении холодеет земля, жидким газом на улицы проливается полночь, мгновенно застывают мостовые, скрючиваются кресты и решетки оград, лопаются с морозным звоном уличные фонари. Будто не карета, но сама Тьма мчится по улицам города.

...Прелестная юная дева замерла в ожидании. Медленно оконный засов сдвигается сам собой и вдруг — окошко распахивается, морозное дыхание врывается внутрь комнаты, зеркало бьется. В вазе с тихим шелестом чернеет, будто обугливается, букет великолепных алых роз, и вот уже сухие

лепестки засыпают пол, постель и дрожат в воздухе. Похожий на тень, на сгусток мрака, на огромную летучую мышшь с тлеющими углями глаз, появляется он.

Мир Ди очень интересен. Отдаленное будущее с забавной своей внушительностью цифрой — 12090 год. На нее, впрочем, внимания не обращаешь, потому что сам мир захватывает тебя насыщенностью, красотой, поэтикой: французская готика, подкрашенная элементами барокко и разбавленная технологическими ингредиентами: бронированные автомобили, похожие на бронетранспортеры или танки времен первой мировой, мотоциклы, напичканные оружием и электроникой, пистолеты с серебряными пулями, лазерные винтовки, монстры-мутанты и киборги, космические корабли (пылящиеся в ангарах с давних времен), полностью автоматизированные замки вампиров-аристократов, людские города, погруженные в грязь и нищету, деревеньки с патриархальным укладом, церковью и тихим кладбищем.

Мир стал таким за долгие тысячи лет после ядерной войны, в которой человечество почти уничтожило себя, а древние существа — могучие, бессмертные вампиры — стали владыками на всей Земле. Они не дали людям окончательно погибнуть (ведь люди — это пища). Они возвели свои замки, возродив величественную средневековую архитектуру, и начинили их самыми совершенными механизмами и устройствами. Они развили науку и технологию, достигнув невиданных высот. Они построили ракеты и, бессмертные, отправились к звездам. На Земле в ходе биологических экспериментов были воссозданы многие мифические чудовища: вервольфы, медузы, демоны. Пережившие последствия ядерной войны на поверхности мутанты — барбариды — обрели удивительные способности: искривлять пространство, управлять полчищами насекомых и перемещаться со скоростью света.

За тысячи лет цивилизация вампиров пережила расцвет и пришла в упадок. Последние из владык заперлись в своих замках-автоматах и, выбираясь иногда на охоту, лишь наводят ужас на ближайшие людские поселения, помня о былой славе, но не имея ни желания, ни возможности вернуть ее и что-либо изменить. Люди, наоборот, научились побеждать монстров и чудовищ, а самые отчаянные из людей и мутантов становятся охотниками на вампиров, блуждают по Земле, изобретая новые приспособления и ведя непрерывную борьбу с последними владыками, оставшимися в живых представителями древней могучей цивилизации. Главный герой Ди — дамфир, дитя вампира и человека. Дампиры, подобно людям, переносят дневной свет, но наследуют силу и некоторые способности своего «темного» родителя. Дампиров презируют вампиры за недостаточно «чистую» кровь, и ненавидят люди — из-за тысячелетнего страха перед вампирами, однако, многим из них это не мешает нанимать дампиров, чтобы убрать кого-нибудь из аристократов.

Слово, которое было в начале

Фильмы сняты, соответственно, по первому и третьему из серии романов японца Хидэюки Кикучи (Hideyuki Kikuchi) об охотнике на вампиров Ди. Первый роман в Японии вышел в 1983-м году, двенадцатый — в 2001-м

(в год выхода фильма «Жажда крови»). Всего в серии тринадцать томов и три отдельные истории.

Сам Кикути, посвятивший первый роман о Ди съёмочной команде «Ужаса Дракулы» (1958) и Осами Кисимото (мангаки, информации о котором ничтожно мало и известно лишь, что он создавал мангу ужасов, в частности, используя европейские мотивы), признавался, что в своих романах хотел передать дух западной готики. Кикути написал довольно много произведений, значительная часть которых была экранизирована. Кроме двух фильмов про охотника Ди, это «Demon Beast City» (1987), «Demon City Shinjuku» (1988), «A Wind Named Amnesia» (1990) и «Darkside Blues» (сценарий, 1994), все фильмы предназначены для взрослой аудитории (категория 18+). В своих романах Кикути, как и Кисимото, знакомил японцев с образами и сюжетами, уже довольно популярными на Западе — борьбой Дракулы с профессором Ван-Хелсингом, противостоянием людей силам Тьмы в лице вампиров, оборотней, зомби и других чудовищ. В качестве прообраза можно также вспомнить известный в Америке тех времен персонаж — полувампира Блэйда, впервые появившегося в серии комиксов про Дракулу в 1973, а с декабря 1974 начавшего «сольные» приключения.

Не менее десятка романов серии уже переведены на английский, а совсем недавно российское издательство «Азбука-классика» начало грандиозный проект по переводу и публикации серии на русском языке. В минувшем 2009 году вышел первый роман «Ди, охотник на вампиров». В книге были сохранены оригинальные иллюстрации и обложка художника Эши-такэ Аmano. У меня нет возможности сравнивать качество «азбучного» издания с японским оригиналом, но я могу сравнить с американским изданием. Качество изображений у «Азбуки» местами уступает, но незначительно, а вот буквицы, с которой начинаются эпизоды глав в американской книге, очень не хватает.

Сюжет первой летописи приключений Ди прост и линеен, хотя и отличается от сюжета одноименного фильма. Девушка, укушенная вампиром-аристократом Магнусом Ли, нанимает — или просит помощи? — охотника на вампиров, чтобы тот освободил ее от опасности стать бездушной оболочкой-зомби или от еще более ужасной участи — стать невестой вампира. Ди соглашается и на время составляет компанию красавице Дорис Лэнг и ее восьми-летнему брату Дэну.

Далее в повествование один за другим включаются остальные персонажи: дочь графа Ли — Лармика, которая против появления в замке Дорис в качестве невесты, и которая вскоре станет равнодушна к красавцу-дампиру, Греко, сын мэра города, страдающий страстью к Дорис и готовый на любые низости, лишь бы заполучить девушку, Рэй-Гинсей — глава шайки охотников на исполинов, который после гибели своих товарищей пытается выслужиться перед графом, чтобы заполучить бессмертие вампира.

Если сравнивать роман с экранизацией, нетрудно заметить, что постановщик анимэ вольно обошелся с оригинальными персонажами: Рэй-Гинсей

стал слугой графа, а члены его шайки лишены какого-либо внимания и воспринимаются в фильме, как мимолетные монстры апокалиптического мира, в то время как в книге они действующие персонажи. С другой стороны, фильм динамичнее, в нем есть недосказанность, которая напрочь отсутствует в оригинальном произведении. Фильм жестче и проходит по категории «18+» за счет обилия крови и жестокости и откровенных, по временам 1983 года, сцен. В этом отношении книга не имеет возрастных ограничений (в результате, вероятнее всего, издательской цензуры — в американском переводе ненормативная лексика присутствует, в нашем — нет).

Повествование плавное, что характерно для стиля Кикиути, который писал свои романы, будто готовил сценарий для будущего фильма (это и не удивительно, если он был таким ярким поклонником манги и ужасиков, то, вероятно, мысленно «просматривал» свои романы, когда писал их). Эпизоды, как сцены фильма, сменяют друг друга: диалог у подножия горы, разговор в доме Дорис, появление кареты с Лармикой. Каждый эпизод скрупулезно описывается, дополняется деталями и мелочами: пейзажами, портретами — всем тем, что наполняет кадр фильма.

Сегодня роман кажется наивным — не удивительно, ведь написан был более четверти века назад, — и не в последнюю очередь из-за обилия витиеватых, напыщенных конструкций:

«— Симпатичный экземпляр, сестры { ... } Давно мы не встречали человека, достойного наших услад. И дело не только в смазливом личике — посмотрите, какие у него мускулы.

— Сестры, я не позволю вам первым попробовать его, — заявила левая голова. — { ... } Я первая вознесу его на вершину удовольствия и первая глотну его крови, когда он рухнет на этот пик».

Такой текст, очевидно, на любителя. Да и сам сюжет, что греха таить, страдает той же наивностью и напыщенностью: самый сильный, самый страшный злодей в самый ответственный момент, когда победа его вот-вот свершится, вынужден отступить из-за какого-то пустяка, но при этом лишить героев памяти, а перед этим грозно прокричать: я вернусь!..

В то же время, в тексте присутствуют удивительные эпизоды, передающие именно ту постапокалиптическую атмосферу и дух, благодаря которым экранизации произведений Кикиути пользуются своей популярностью:

«Превращение началось. Молекулярное строение клеток изменилось, нервная система кучера стала нервной системой дикого зверя, рожденного, чтобы стремительно нестись по просторам. Когти всех четырех конечностей, обретающих присущую животным форму, впились в почву. Челюсти выдались вперед, пасть-полумесяц растянулась от уха до уха, обнажив два ряда бритвенно-острых зубов. Блестящая черная шерсть покрыла все тело».

В результате повествование разваливается на фрагменты, одни из которых хороши, а другие заставляют морщиться и скорее пробегать глазами языковые излишки и банальности. И, судя по всему, не последняя роль тут принадлежит переводчику. Те же неудачные, на мой взгляд, фрагменты не показались мне такими уж безнадежными в англоязычном переводе:

«Только это была не та очаровательная улыбка, на которую люди охотно отвечают. Это была сатанинская ухмылка, которую мы уже видели на главной дороге».

«Only it wasn't the charming smile that people couldn't help but return. It was the satanic grin he'd worn on the main road».

«Поскольку вампир уже отведает крови намеченной жертвы, не думаю, что он станет слишком торопиться, так что, полагаю, нам придется подождать до полуночи».

«Since it has already fed once on the person it's after, I don't imagine it'll be in that much of a hurry, so I suppose after midnight will be the time to watch».

А следующая фраза точно грозит войти в интернет-цитатники: «Рот модчика сомкнулся на губах девственницы».

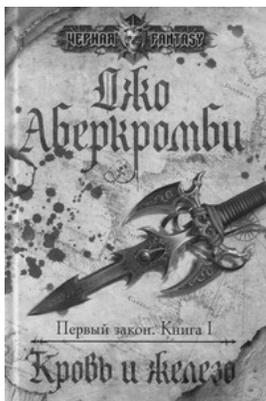
Таким образом, первый роман, выпущенный «Азбукой» в серии про Ди, производит странное впечатление. Как его воспринимать: как провал или как «первый блин»?.. Я вряд ли буду эту книгу перечитывать, и мне трудно порекомендовать ее кому-либо: это приключенческое, не загруженное особым смыслом произведение, которое легко читается, но выглядит не очень приглядно из-за архаичности, напыщенности и, может быть, не самого удачного перевода. Этот роман не является дебютом автора, и нужно ли ждать значительной глубины и серьезности от продолжений? С другой стороны, экранизация третьей книги на голову выше первого фильма. Да и сам роман все-таки полнее и осмысленней экранизации. Значит, можно надеяться, что драматизм и глубина в следующих томах будет выше, а стиль и перевод станут лучше?

Краткое содержание первых романов по американскому изданию уже давно известно. В «Восставшем из бури», втором томе, Ди оказывается в одинокой деревне, захваченной тяжелой зимой, вызванной неполадками в климатических установках, в этой деревне неожиданно появляются жертвы вампиров, имеющие иммунитет против солнечного света. Если верить краткому содержанию, нас ожидают неожиданные повороты сюжета, а главное — новые детали мира Ди. В третьем томе — «Дьявольской погоне за смертью» — Ди будет пытаться вернуть девушку, которая по собственной воле бежит с вампиром в поисках места, где можно любить и быть счастливыми.

Выход второго тома уже анонсирован и запланирован в самое ближайшее время.

ИВАН ПОПОВ

МАГИЯ ИРОНИИ

Джо Аберкромби. Кровь и железо. —
М.: «Эксмо», «Домино», 2008. — 656 с.

«Кровь и железо» — начальный роман трилогии «Первый закон». Дебютная книга Джо Аберкромби стала предметом бурных обсуждений. Одни ее хвалили, другие же ругали почем зря; одни рекомендовали, другие искренне не понимали, как такое вообще можно рекомендовать. Долгое время я играл в этих обсуждениях всего лишь роль наблюдателя, привычно лавируя между кардинально противоположными точками зрения и отмечая в памяти аргументы сторон. Только теперь, когда дискуссии отгремели, в мои сети попал роман «Кровь и железо», заведомо неоднозначное и неординарное произведение, составить о котором цельное, непротиворечивое впечатление по отзывам уважаемых мною людей оказалось невозможным.

С первых же страниц я начал понимать, что в книге Аберкромби есть нечто, заслуживающее моего внимания. Но вот осознать, чем именно эта книга меня привлекает, стоило изрядных усилий. Ведь язык романа подчеркнуто груб, прямота изложения здесь соседствует с откровенной жестокостью и вниманием к мясным деталям. Это, мягко говоря, не совсем то, что меня обычно привлекает в литературе. Пять лет назад я даже не обратил бы внимания на подобную книгу. Два года назад я остановился бы на первых страницах. Но сегодня роман прочитан до конца, и более того, он мне понравился. Разве это не удивительно?

Ключ к обаянию книги — это ирония. От начала и до конца роман неявно, ненавязчиво и при этом последовательно ироничен. Разумеется, ироническая трактовка происходящего не является единственно возможной. Только от вас зависит, как вы будете читать книгу, с каких позиций оценивать происходящее. Тем не менее, наиболее выигрышным является именно взгляд с позиций иронии. Вы обращаете внимание на многочисленные «ошибки» автора? Пожалуйста, но только подумайте сначала, стоит ли вменять их автору в вину. Я не охотник до поиска несоответствий в книге, и если я чувствую общий иронический, издевательский, в конце концов, стебный настрой, то склонен лишний раз усмехнуться, привечая изобретательный или даже невольный бред автора там, где иные приходят в ужас от чудовищного искажения реальности. Вы ссылаетесь на недостоверность событий, иррациональность происходящего? Так ведь в том и соль.

Несмотря на кажущуюся серьезность, первый том трилогии постоянно заставлял меня улыбаться, получая удовольствие от несоответствий, перевернутых, словно в кривом зеркале искаженных понятий и остроумных, язвительных реплик персонажей. Ох уж эти персонажи! Неважно, сколько у них штампов в родословной, если благодаря искусной игре автора сами они получились живыми. Выделить любимца сложно, хотя инквизитор Глокта и приковывает к себе внимание сразу. Но хороши, каждый по-своему, и Байяз, и Логен, и Джезаль. Более того, поистине очаровательны и многие второстепенные персонажи. Замечу, это вовсе не означает того, что все они вызывают симпатию. Да и зачем им моя симпатия?

Ироничное восприятие книги вкупе с отличными диалогами позволяют получать от прочтения самое настоящее удовольствие. Развлекательность, поданная именно в таком ключе, не беда, тем более что первый том — это только завязка истории. Мне остается надеяться, что продолжения не изменили дух трилогии. Унылая, пусть и грамотная в мелочах эпическая серьезность, не оставляющая места для иронии, отвратила бы меня от последующих книг. Первый же том удался, хотя я и остерегся бы его кому-то рекомендовать.

ИВАН ПОПОВ

СПЕКТАКЛЬ ПОД НЕБОМ КАМОРРЫ

Скотт Линч. Обманы Локки Ламоры. — М.: «АСТ», «АСТ Москва», 2009. — 608 с.

Книга Скотта Линча попала ко мне в ту далекую пору, когда до защиты диплома оставалась добрая пара месяцев. Я хотел хоть как-то развеяться, и авантурный роман, сдобренный щепоткой магии и обещавший увлекательные приключения, подходил для этой цели как нельзя лучше. Разве плохо хоть изредка побывать на островке остроумной непритязательности?

Герои дебютного романа Линча — обаятельные мошенники, сделавшие свое ремесло подлинным искусством. Локки Ламора, заглавный персонаж романа, умен и находчив, горазд на выдумки, хотя поначалу нехватка опыта и приносит ему беды. Друзья Локки, такие как боец Жан или мальчишка Жук, выгодно дополняют его образ. Вместе они — команда, объединенная интересами, годами отрочества и юности.

Авантюра, выдумка и интрига — те основы романа, которые формируют его дух. Линч поставил сочный, красочный и при этом интересный костюмированный спектакль. Однако необходимо отметить, что слово «спектакль» здесь ключевое. Порой жестокий, спектакль Линча постоянно балансирует на грани между условностью, с одной стороны, и здравым смыслом вкупе с чувством реальности, с другой. Что только не вытворяют местные актеры! Ассоциация со спектаклем столь навязчива и потому, что к этому располагает все ремесло героев, ведь в занятой ими криминальной нише без актерского мастерства не выжить...

Однако спектакль и реальная жизнь — это две грани одного и того же. Грани, которые творческим гением могут быть сведены воедино. К сожалению, к слиянию роман Линча не подступает даже близко. Персонажи не живут по-настоящему, не импровизируют, лишь играя заранее предначертанные роли. Особо заметно это в критических для повествования моментах, опорных точках сюжета, к которым относится и финал. Впрочем, не стоит думать, что все сказанное выше я ставлю в упрек произведению. Нет, это всего лишь грустная констатация присущей ему специфики.

Впечатление от дебютного романа Линча получилось двойственным. С одной стороны, в рамках выбранного автором жанра роман сработан очень неплохо, а работа автора по режиссированию бытия Каморры заслуживает похвалы. Разумеется, и здесь есть к чему стремиться — работать с неполад-

ками на стыках сцен, не бояться развивать и шлифовать образы. С другой, в моем понимании очень сложно получить на выходе настоящий внежанровый бриллиант, одновременно с тем подчиняясь специфике самого жанра. И? несмотря на то, что первый роман цикла внушает умеренный оптимизм, я очень надеюсь, что желание прочитать продолжение появится у меня еще не скоро.

Сложно отрицать, что Линч написал качественный и яркий роман. Но это роман-мотылек, сгорающий в яркой вспышке и не оставляющий следа в душе. Специфической книге — соответствующая оценка.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ПРИДУРКИ ПУТЕШЕСТВУЮТ ВО ВРЕМЕНИ

Победы над временем можно достичь тремя способами: либо изобрести соответствующую машину, способную переносить человека из прошлого в будущее и обратно. Либо отправиться в космос на сверхсветовой скорости и вернуться на Землю несколькими веками спустя. Либо... В общем, какой смысл перечислять? Все равно ведь герои сегодняшнего обзора побеждают время совсем другими способами — весьма далекими от научности, квазинаучности или просто здравого смысла. Впрочем, к этому-то мы давно привыкли.

Мама, роди меня обратно!

Американский классик Фрэнсис Скотт Фицджеральд, который в перерывах между написанием реалистических романов-шедевров заколачивал деньги сценариями и баловался малоформатной ненаучной фантастикой, однажды написал небольшой рассказ — или даже фельетон — про человека, живущего «наоборот»: родился 80-летним стариком, умер младенцем. Слово «Curious» в названии четко определяло и формат, и жанр этой истории — и не случайно в первом русском переводе (сборник «Гости Страны Фантазии», 1968 год) новелла была озаглавлена «Забавный случай с Бенджамином Баттоном». Увы, Голливуд требует жертв. Если техника позволяет создать убедительный визуальный ряд медленного омолаживания старика, и если на это дело дают 150 миллионов, Дэвида Финчера в качестве режиссера и Брэда Питта на главную роль, то история обязана перестать быть просто забавной и ей положено превратиться из фельетона в эпическую драму. Таков фильм, получивший в русскоязычном прокате название «Загадочная история Бенджамина Баттона» (Curious Case of Benjamin Button, США, 159 минут. «Universal Pictures Rus», 2009). Сценарист Эрик Рот, некогда поразивший мир «Форрестом Гампом», все изменил: перенес действие из 19 века в 20-

й, из Балтимора в Новый Орлеан, добавил любовной истории (у Фицджеральда герой жил в законном браке, у Финчера он всю жизнь был влюблен в балерину-хромоножку Дейзи — Кейт Бланшетт) и вполне реальный ураган «Катрина», разрушивший Новый Орлеан: именно в канун урагана в госпитале умирает престарелая Дейзи, рассказывающая о Бенджамене своей дочери Кэролайн (Джулия Ормонд), а заодно и зрителям. Блестящее, логичное, хотя, быть может, и несколько легковесное сочинение классика размером в три десятка книжных страниц обрело неторопливость саги, но при этом авторы сумели до обидного мало добавить к фицджеральдовскому курьезу. Пришлось заполнять пустоту обилием колоритных, но не очень обязательных персонажей — вроде слепого часовщика (Элиас Котеас), сделавшего часы, идущие назад, или запойного капитана Майка (Джаред Харрис), мечтавшего стать художником, или душевной негрityянки Квини (Тарджил П. Хенсон выдвинута за эту роль на «Оскар»). Пришлось перемещать персонажей из Нового Орлеана в не очень похожий на себя Париж и совсем не похожий на себя Мурманск... Можно при желании додумывать за авторов, выдавать пустоту за многозначительность и рассматривать события этого фильма как метафору необратимости времени. А можно как демонстрацию возможностей компьютерной графики: молодой Брэд Питт ближе к финалу картины — прямо как в «Тельме и Луизе». Действительно, сделано безупречно. Жаль, что фильм продолжается два с половиной часа, а не двадцать минут. Если бы некто простодушный взялся бы честно экранизировать первоисточник, двадцати минут как раз бы и хватило... 13 номинаций на «Оскар», включая «Лучший фильм», «Лучший режиссер», «Лучшая мужская роль», «Лучшая женская роль второго плана», «Лучший адаптированный сценарий» (Фицджеральд бы в гробу перевернулся: уж он-то писать сценарии умел!).

Третья попытка поймать бабочку

Прежде чем подробно остановиться на сюжете фильма Сета Гроссмана «Эффект бабочки 3: Откровение» (The Butterfly Effect 3: Revelations, США, 87 минут, «Лизард», 2009), напомним: второй раз трудно вступить в одну и ту же воду, а уж третий раз — почти невозможно, даже если речь идет о такой благодатной тематике, как путешествие во времени и изменение прошлого. Первый «Эффект бабочки» Эрик Бресса и Дж. Макайи Грубера (2003) с Эштоном Катчером в главной роли был интригующ и изящен. Главный герой мог уходить в прошлое отнюдь не бесконечное число раз, но лишь заполняя редкие лакуны в своем дневнике. А потому — каждое неудачное путешествие назад уменьшало шансы героя как-то залатать образующиеся бытийные дыры. В первом сиквеле Джона Леонетти (2006) главному персонажу для броска в минувшее нужна была только старая фотография, а уж в новой ленте Сета Гроссмана для путешествия Сэму Риду (Крис Кормак) достаточно только ванны со льдом — а если припрет, можно обойтись и без ванны, и без льда. Постановщик триквела лениво обыгрывает идею, обозначенную еще в первой «Бабочке» и уж совсем четко проговоренную в еще од-

ной давней ленте про то же — «Провале во времени» Луи Морно (1997): всякое вмешательство в прошлое имеет непредсказуемые последствия, и уж если ты взялся влиять на свою жизнь и жизнь своих близких, то никогда не сможешь предсказать, не выйдет ли еще хуже и где ты очнешься после вмешательства — в офисе, в ночлежке или в тюремной камере. С тех пор, как Сэм, пережив гибель сестры Джены (Рейчел Майнер — сериал «Блудливая Калифорния») при пожаре, спас ее «вторым заходом», но при этом потерял родителей, герой зарекается влиять на судьбы близких, но однажды собственный зарок нарушает. И, естественно, получается черт-те что: после каждого броска в прошлое герой так и не может узнать, кто и зачем убил его возлюбленную. Тем временем число жертв убийств с каждым разом все множится, и притом среди жертв оказываются вполне знакомые люди. Главному персонажу сочувствовать непросто, ибо временами он выглядит редкостным придурком: безоружный, он тупо и сосредоточенно исследует места потенциальных преступлений, не способный элементарно сообразить, что его-то самого легче легкого обвинить во всех убийствах, — что полиция с удовольствием и сделает. Финал трудно назвать полноценным хэппи-эндом. Да, маньяк опознан и погиб еще до совершения преступлений. Да, последнее изменение прошлого минимизировало число потенциальных жертв. Однако нет никакой гарантии, что результат этого самого вмешательства не будет иметь, в итоге, еще более печальные последствия (на это намекает мрачный десятисекундный эпизод в конце). Так что, по мнению создателей фильма, самым правильным отношением к минувшему должно стать фаталистическое. Лучшее, что можно сделать, — не предпринимать ничего. Карты сданы, игра сделана, переигрывать не будем...

Придурки из палеолита

Лучшими фильмами режиссера Харольда Рэмиса считаются «Охотники за привидениями» и «День Сурка», и всякий раз зритель (как американский, так и отечественный), который берется смотреть новую ленту голливудского мэтра, преисполняется надежды: а вдруг режиссер вернулся к своим лучшим временам? Но, увы, всякий раз ожидание не оправдывается. В черед несбывшихся надежд комедия «Начало времен» (Year One, США, 93 минуты, «Видеосервис», 2009) занимает свое место посредине — то есть далеко от шедевра, но могло быть и хуже. Действие начинается в каменном веке. Скверный охотник Зед (Джек Блэк — «Кинг-Конг») и плохонький собиратель плодов Ох (Майкл Сера) не слишком любимы своим племенем. Когда же Зед ухитряется съесть плод с Дерева познания, героя прогоняют вон, а товарищ следует за ним. Из каменного века персонажи перебираются во времена библейские: становятся свидетелями убийства Каином (Дэвид Кросс) Авеля (Пол Радд) и едва не свершившегося жертвоприношения Авраамом (Хэнк Азария) своего сына Исаака (Кристофер Минц-Плассе). После чего персонажи попадают в библейский Содом, и там уж начинается полная веселуха с участием красотки-принцессы (Оливия Уайльд из сериала «Доктор Хаус»), ее отчима-царя (Ксандер Беркли из сериала «24»), том-

ного голубого жреца (Оливер Плэтт) и почему-то римского легионера в исполнении брутального Винни Джонса («Карты, деньги, два ствола»). Уже по краткому перечислению персонажей легко догадаться, что Рэмис и его сценаристы-соавторы (Джин Стапницки и Ли Эйзенберг) вдохновлялись неполиткорректными шуточками из манти-пейтоновской «Жизни Брайана» и еще больше «Всемирной историей» Мэла Брукса. Увы, новое кино хотя и дает фору упомянутым фильмам по части сортирного юмора, проигрывает им по числу действительно смешных шуток. Джек Блэк — замечательный комик, но даже он бессилен сотворить скетч из «вторичного продукта». Когда же в финале герою приходится обращаться к аудитории с пафосным монологом, становится нестерпимо скучно. Уж лучше бы персонаж был верен себе и просто показал бы аудитории средний палец, при этом выпучив глаза...

На каникулы в XVIII век

Сюжет фильма Дэна Зэффа «Джейн Остин: Ожившая книга» (Lost in Austen, Великобритания, 180 минут, «Кармен Видео», 2009) довольно прост. Аманда Прайс (Джемайма Рупер — «И грянул гром») живет в Великобритании начала 21 века, и страна ей нравится, а время — нет: ни шарма, ни лоска, ни романтики. То ли дело в романах Джейн Остин, которые Аманда буквально выучила наизусть, а в Майкла Дарси из «Гордости и предубеждения» попросту влюбилась!.. Надо ли объяснять, что однажды в ее ванной комнатке распахнулась дверца, и оттуда появилась Элизабет Беннет (Джема Эртентон), главная героиня «Гордости и предубеждения», и предложила Аманде ченч: Лиз немного поживет в современном Лондоне, а Аманда может пожить в ее доме — то есть в романе Джейн Остин. Поскольку Аманда прекрасно знает всех действующих лиц, ей не надо ничего объяснять. Беда в другом: появление современной англичанки и исчезновение Элизабет вносит в сюжет роковые изменения. Вместо того, чтобы выйти за красавчика Бингли (Том Майсон), Джейн Беннет вдруг выходит за мерзкого Коллинза (Гай Хенри), а безутешный Бингли убегает с другой дочерью мистера Беннета (Хью Бонневиль), да и неприятный — по роману — капитан Викхэм (Том Райли) внезапно оказывается вполне приличным малым. Что же касается сурового мистера Дарси (Эллотт Коуэн), то он влюбляется в Аманду и знать не хочет ни про какую Элизабет, на которой он должен жениться в романе... Идея о том, что современный человек может внести изрядный переполох в сюжет классической

книги, далеко не нова и остроумнее всех обыграна в рассказе «Страницы Кугельмаса» Вуди Аллена, где заглавный персонаж попадает в «Мадам Бовари» и все изменяет. Нечто подобное происходит и в мини-сериале Дэна Зеффа — с той лишь разницей, что фильм снят в жанре иронической мелодрамы. Главная героиня картины уверенно занимает место, отведенное Элизабет Беннет, однако та не в претензии: в современном Лондоне, с интернетом и мобильной связью, героине книги легче развернуться, и обратно в 18 век ее не очень-то тянет. Финал непредсказуем, и до конца неясно, что в Аманде возобладает: то ли любовь к книге Джейн Остин, то ли чувство к мистеру Дарси...

OPUS MIXTUM

Потери

К сожалению, первый же выпуск новостей этого года приходится начинать с печального известия: 31 января от рака скончалась американская писательница Кейдж Бейкер, чья творческая деятельность продлилась немногим более 12 лет. Нашим читателям она может быть известна повестями из научно-фантастического цикла «Компания», одна из которых («Королева Марса») завоевала премию Теодора Старджона, а также романом «Наковальня мира» из фэнтезийного цикла о лорде Эрменвире.

Фантасты против Гугла

В середине декабря Урсула Ле Гуин, представлять которую нет необходимости, публично заявила о своем выходе из Гильдии американских писателей, поскольку эта организация подписала соглашение с Google Books, нарушающее, по мнению Ле Гуин, ее права («Они продали нас Гуглу!»). Петицию, размещенную онлайн, подписало несколько сот авторов, а из коллег по цеху Ле Гуин громко поддержал Майкл Суэнвик.

Премиальный год начался

Вот и подоспели первые награды 2010 года.

Премии Уильяма Кроуфорда, вручаемую за дебютную книгу в жанре фэнтези, получил роман «Руководство для детектива» австралийца Джебеди Берри.

Австралийцы вообще не дремлют: они объявили лауреатов национальной премии «Aurealis». Победителями в крупной форме стали «Чудеса безбожного мира» Эндрю Макгэна (НФ-роман), «Подмастерье волшебника» Труди Канаван (фэнтези-роман), «Черная королева» Хони Браун (роман-хоррор), «Левиафан» Скотта Вестерфельда (роман для подростков). «Океаник» Грега Игана назван лучшим сборником.

«Аватар» потопил «Титаник»

Последний на сегодняшний день фильм Джеймса Кэмерона побил рекорд предпоследнего его фильма, собрав в мировом прокате 1 миллиард 900 миллионов долларов. «Аватар» к тому же награжден престижными «Золотыми глобусами» — за лучший фильм и лучшую режиссуру. Там, глядишь, и «Оскар»-другой подвернется...

Хотелось бы, чтобы продюсеры, режиссеры и сценаристы сделали из этого правильные выводы и обратили в будущем внимание на интересные и умные сюжеты, а не только на трехмерные спецэффекты.

Фильмы-продолжения «Аватара» и вышедшего почти одновременно почти фантастического «Шерлока Холмса» Гая Ричи — уже в планах киностудий.

О книжных новинках

Январь традиционно щедр на подарки книголюбам, однако кое-что любопытное все же появилось.

В серии «Интеллектуальный бестселлер» («Эксмо»-«Домино») вышел в свет совсем недавний сборник Рэя Брэдбери «Летнее утро, летняя ночь» — еще одна книга о Гринтауне, штат Иллинойс, всем известном по роману «Вино из одуванчиков». Сборник составили рассказы разных лет, многие из которых прежде не печатались вовсе.

Те же издательства выпустили в серии «Мона Лиза» роман Джеффри Форда «Девочка в стекле» — о медиумах, призраке и Великой Депрессии.

«АСТ» порадовало ценителей творчества Роберта Маккамона историко-детективными — хотя и не то чтобы вполне фантастическими — романами «Голос ночной птицы» и «Королева Бедлама», действие которых происходит в Америке в конце XVII века. Второй из этих романов печатается по-русски впервые.

А медленно пополняющийся отряд поклонников Чарльза Стросса получил «на руки» его роман «Тайная семья», второй из цикла «Короли торговли». К сожалению, то, что это продолжение серии, нигде не обозначено, а будет ли издано продолжение — неизвестно.

Роман Хиллари Бейли «Невеста Франкенштейна», посвященный, как и следовало ожидать, *невесте* чудовища Франкенштейна, издал «Geleos». Это же издательство выпустило подростковый роман Гэри Килворта «Головоломка».

«Азбука» издала составленную Василием Владимировским антологию фантастических игр с литературой «Герои. Новая реальность». В нее вошли произведения таких хорошо известных читателям «РФ» авторов, как Генри Лайон Олди, Даля Трускиновская, Даниэль Клугер, Лев Гурский, Вячеслав Рыбаков, Василий Щепетнев, Ника Батхен, Владимир Аренев, Михаил Назаренко и др.

Приятного чтения!

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 1 (77), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» —
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табаква,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Vegemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm
Тираж – 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ №7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.
Все упомянутые в данном издании товарные
знаки и марки принадлежат их законным
владельцам.

Редакция не использует в материалах
стандартные обозначения
зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.